Франсуа Баранже

DOMINIUM MUNDI

Властитель мира

АЗБУКА

Звёзды новой фантастики

Франсуа Баранже

Dominium Mundi. Властитель мира

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Баранже Ф.

Dominium Mundi. Властитель мира / Ф. Баранже — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-19794-7

Франсуа Баранже – многоликий художник: автор комиксов, иллюстратор книг (российский читатель знаком с его великолепными работами по повестям Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» и «Хребты Безумия»), дизайнер компьютерных игр. Он много работал для кинематографа как концептуалист («Принц Персии», «Гарри Поттер и Дары смерти», «Битва титанов», «Красавица и чудовище»). В 2013 году он написал научно-фантастический роман «Dominium Mundi», восторженно встреченный читателями и критикой. В 2017 году за ним последовал триллер «Эффект домино». 2202 год: на планете Земля после кровопролитной войны, охватившей все континенты, возникает Новая христианская империя. Урбан IX, всемогущий папа, властитель мира, железной рукой правит народами, вернувшимися к средневековому образу жизни. По его приказу космический корабль отправляется к созвездию Центавра в надежде завоевать для человечества новые территории. Новоявленные колонизаторы с удивлением обнаруживают на одной из планет неизвестный народ – атамидов. Но это открытие меркнет по сравнению с еще более ошеломляющей находкой: подлинной гробницей Христа! Посланцы Земли, движимые непоколебимой верой, пытаются завладеть ею, но терпят сокрушительное поражение. В ответ папа Урбан снаряжает гигантский космолет «Святой Михаил», способный перевезти миллион человек. В крестовом походе к новому Иерусалиму принимают участие рыцари-тамплиеры Танкред и Альберик. Найдут ли земляне контакт с атамидами или сметут их цивилизацию с лица планеты? Может ли история повториться? Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-19794-7

© Баранже Ф., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог 7
Часть первая 8
I 8
II 66
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Франсуа Баранже
Dominium Mundi. Властитель мира

Серия «Звезды новой фантастики»

François Baranger
DOMINIUM MUNDI VOLUME 1
Copyright © François Baranger 2013

Перевод с французского Риммы Генкиной
Иллюстрация на обложке Франсуа Баранже
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Сергея Шикина

© Р. К. Генкина, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Dominium Mundi[1].
Властитель мира

О Заратустра, сказали на это звери, для того, кто думает так же, как мы, все вещи танцуют сами по себе: все приходит, подает друг другу руки, смеется, убегает и вновь возвращается.

Все уходит, все возвращается; вечно катится Колесо Бытия. Все умирает, все вновь расцветает; вечно бежит Год Бытия.

Все разрушается, все строится вновь; вечно возводится все тот же Дом Бытия. Все разлучается и встречается вновь; вечно верным себе остается Кольцо Бытия[2].

Фридрих Ницше.
Так говорил Заратустра

[1] Владычество над миром *(лат.)*. Идея единой верховной власти под предводительством папы, развившаяся в Средние века. *(Здесь и далее примечания переводчика, кроме специально оговоренных случаев.)*

[2] Перевод В. В. Рынкевича под редакцией И. В. Розовой.

Пролог

Я не сумел бы сказать, кто – человек или зверь – более достоин своего наименования.

Большой соблазн ответить: ни один из них. Лично я не нахожу ни избытка человечности в одном, ни особого зверства в другом. Как бы добросовестно ни искал.

Единственно верный вопрос, то есть единственный, который имело бы смысл себе задать, звучит просто: а существует ли что-либо иное? Более высокий уровень сознания, идеальное существо, уж не знаю… на крайний случай я согласен даже на завалящего ангела, случись ему и впрямь оказаться у меня перед носом.

Положа руку на сердце, я не думаю, что бывает хоть что-то иное, а главное – лучшее. Придется обойтись тем, что имеем.

Единственные, с кем мне довелось иметь дело в моей короткой жизни, что с одной стороны, что с другой, так это бегуны на длинную дистанцию в том самом долгом из марафонов, какой только смогла породить ирония богов: в выживании. Жалкие ничтожные создания, вцепившиеся в свой крошечный каменистый шарик, который тупо кружится в безразличной Галактике среди миллионов других каменистых шариков. Отправьте часть их на свалку, никто даже не заметит.

В конечном счете человек или зверь – нет ни малейшей разницы.

В тот вечер, сидя по-турецки на подстилке, предохранявшей меня от песка, мало-помалу теряющего накопленное за день тепло, я разглядывал лица моих товарищей по несчастью, расположившихся вокруг огня. Хотя мы лишь изредка обменивались парой слов, наше общение было куда насыщеннее и реальнее, чем те глупые и пустые разговоры, которые я вел с себе подобными на протяжении всей предыдущей жизни.

Лицо каждого физически отличалось от остальных, но для меня в тот вечер существовало только сходство. Все несли на себе те же отметины, нанесенные жизнью, те же стигматы усталости или старости, а главное – во взгляде каждого читалась одно и то же изнеможение. Изнеможение после долгого бессмысленного марафона, нескончаемого бега, лихорадочного и напрасного.

Выживание хреново.

Пока огонь медленно угасал и подступал момент возвращения в палатку, я откинулся назад и улегся на спину, чуть поелозив ягодицами, чтобы разровнять песок под толстой подстилкой. И на несколько минут забылся, погрузившись в созерцание звезд, пытаясь мысленно соединить светила и вообразить новые созвездия в незнакомом небе.

Часть первая

I

Клермон, Франция
9 мая 2204 ПВ[3]
Ч – 28:31

– Схожу еще за пивом.

Сказано – сделано, Льето Турнэ поднялся и стал пробираться через заполненный бар, задевая кое-кого по дороге, но неуклонно приближаясь к хозяину, который собирал солдатские денежки, укрывшись за дешевой стойкой. Он заказал четыре пинты желтоватой жидкости, которую здесь продавали под видом пива, и повернулся, готовясь проложить себе обратный путь. С парой пинт в каждой руке задачка будет посложнее. Но Льето, со своими внушительными даже для фламандского солдата габаритами, видел, что большинство клиентов непроизвольно стараются посторониться, давая ему пройти. Несколько капель все-таки пролилось на плечи разгоряченных солдат, зато ему удалось благополучно добраться до колченогого столика, где он терпеливо сидел с шести утра в компании брата Энгельберта и двух недавно встреченных парней.

Оба с квадратными челюстями, серо-голубыми глазами и рыжеватыми волосами, Льето и Энгельберт были достаточно похожи, чтобы их родство не вызывало сомнений. Однако Энгельберт выглядел скорее долговязым и телосложением не намного крепче среднего, в то время как в Льето было больше ста кило веса и двух метров роста. Несмотря на столь солидные размеры, молодое безмятежное лицо придавало ему симпатичный и приветливый вид.

Маленькая и набитая до отказа таверна, на которую пал их выбор, походила на все прочие заведения, расплодившиеся как грибы у входа в космопорт с самого начала его строительства. Сидячие места им удалось найти исключительно по счастливому стечению обстоятельств: их вызвали очень рано утром, задолго до основного наплыва посетителей. В качестве бонуса к их местам прилагался роскошный вид на причальные доки – головокружительную вертикальную конструкцию из переплетений металла и бетона, заполненную сотнями тысяч ожидающих отбытия солдат. Причем все они пребывали в убийственном настроении, главным образом из-за сенсорного хаоса, в котором вынуждены были вариться вот уже несколько часов: вокруг царил водоворот звуков и запахов, где гул толпы заглушал общие объявления, скрежещущие призывы которых доносились из громкоговорителей, затерянных в самой вышине, а душная вонь горелого машинного масла проникала аж до переполненных столовок, образуя противоестественную смесь с запахом остывшей еды. И как если бы *deus ex machina*[4], заправлявший этим безумным спектаклем, решил, что ему недостает завершающего штриха, десятки военных транспортников постоянно взлетали и садились, несмотря на явную опасность, которую представляло собой такое количество кораблей в непосредственной близости от леса балок и несущих опор военного космопорта Нахор.

Когда двумя годами раньше потребовалось определиться с местом для постройки будущего транзитного предорбитального порта, выбор района Эркери, расположенного рядом с легендарным городом Клермоном[5], показался авторам проекта само собой разумеющимся как

---

[3] *ПВ* – Постоянное Время.

[4] Бог из машины *(лат.)*.

[5] *Клермон* – город во Франции, где в 1095 г. прошел церковный Клермонский собор, в конце которого папа Урбан II призвал

с географической точки зрения, так и с символической. Близость Клермона, по общему мнению, представлялась счастливым предзнаменованием для начала этой военной кампании.

Завершенное менее чем за двадцать месяцев в приливе энтузиазма, последовавшего за объявлением крестового похода, величественное задание возносило теперь свой трапециевидный силуэт над вершинами деревьев, покрывающих окрестные холмы, напоминая жесткостью форм о военном предназначении данного объекта.

Вереница транспортников, совершающих челночные перелеты на низкую орбиту, окружала его вершину, как рой возбужденных пчел, в то время как внутри оглушительный шум увеличивал неразбериху, и без того производимую толчеей в очередях, вибрацией при взлетах и дурманящим запахом горючего. Десятки уровней, перечеркнутых мостками, подвешенными над пустотой, хаотично переплетались в гигантской бетонной колоннаде. Все в целом неизбежно вызывало головокружение.

Мобилизованные полки получали приказы об отбытии с определенным интервалом, чтобы распределить приток персонала в транспортники, но даже при этом концентрация людей в Нахоре достигала такой плотности, что это не могло не обеспокоить ответственных за переброску. Весь личный состав должен был переправиться в пространство за неделю, и никто не знал, удастся ли уложиться в срок. А глядя на это невероятное бредовое зрелище, любой разумный человек предположил бы, что нет.

Однако это было сделано.

К моменту, когда Льето Турнэ добрался до стола и умелыми движениями расставил кружки, они провели в ожидании худо-бедно уже семь часов, надеясь услышать, как вызывают их подразделение, и исчерпали все темы для разговора со своими двумя попутчиками.

– Спасибо, солдат, но если я выпью еще хоть глоток этой дряни, то наверняка заработаю дырку в желудке! – воскликнул Олинд, один из двух мужчин, которых они встретили, явившись сюда ни свет ни заря.

Увидев их нарукавные повязки, братья поняли, что те должны присоединиться к тому же подразделению, и решили скоротать время вместе.

– Ты позволишь? – спросил его товарищ, чье имя, Дудон, значилось у него на груди, прямо у сердца. – Я парень попроще, а главное, не знаю, когда удастся выпить в следующий раз.

– Можешь не волноваться, на борту этого добра полно. Не дадут же они нам умереть от жажды за полтора года.

– На борту-то да, – вмешался Льето, делая шумный глоток, – а вот с Акией дело другое.

– Да ладно тебе, должно же найтись хоть какое-то пойло на этой паршивой планетке!

Позади них, словно для того, чтобы сделать общий уровень шума еще невыносимей, настенная панель сообщала последние новости христианского мира, выводя при этом постоянный обратный отсчет красными цифрами внизу картинки: Ч – 28:17.

> *…официально осудил новую атаку мятежников Пембы против папской базы Накалы; результатом атаки стало тридцать пять погибших в лагере мятежников и двенадцать раненых среди солдат регулярных сил. Экономика: посол германского императора прибыл сегодня во Флоренцию, где его ожидал епископ Ди Финокьяро, чтобы обсудить вопрос сельскохозяйственной пошлины. После этого он должен отправиться в Ватикан, где…*

Энгельберт, который унесся мыслями куда-то вдаль, не отводя глаз от экрана, вернулся к действительности, пока брат настойчиво совал кружку ему в руки.

– Спасибо, – сказал он, принимая пиво.

к началу Крестового похода на Иерусалим с целью освободить его от мусульман, пообещав участникам похода отпущение грехов, освобождение от налогов и т. п. Современный Клермон-Ферран.

Хотя некоторые физические черты у них с Льето были общими, Энгельберт Турнэ являлся почти прямой противоположностью своему брату. Характер у него был спокойный, уравновешенный при любых обстоятельствах, а вот моральные устои иногда граничили с суровостью. Подстриженные ровным ежиком, его темные волосы вычерчивали линию, параллельную прямым и строгим бровям, часто придававшим ему осуждающий вид. И тем не менее Льето знал, что за этой внешностью строгого блюстителя правил скрывается существо пылкое, открытое людям. А главное – его старший брат.

– …и даже главный дед в нашей казарме, старик Викториан, которому натикало уже семьдесят шесть, попытался записаться, – рассказывал Олинд. – Одуреть можно, сколько ребят ринулось в эту кампанию. Думаю, только два типчика из всего нашего полка не пошли добровольцами…

– Ты говоришь об испанцах? – прервал его Дудон, пихнув локтем. – Парочка недавно завербованных, этакие приблатненные, успевшие отправить в лазарет кучу новобранцев. А в результате оба забились куда подальше, когда мы все явились на сборный пункт. Ежу понятно, что они не рискнули пойти добровольцами!

Он расхохотался во все горло, второй только возвел глаза к небу. Льето уже заметил склонность парня отпускать шуточки по любому поводу, как и то, с каким трудом его приятель эти шуточки переносит.

– И все же они отказали девяносто двум нашим парням, – продолжал тот, словно ничего не заметив. – Посмотрели бы вы, как у них морды вытянулись, когда им пришлось остаться в казарме! Уверен, что некоторые всерьез подумывали убрать втихую кое-кого из товарищей, чтобы занять их место. По правде говоря, у начальства с этой военной кампанией главная проблема была – кого выбрать.

– Что до меня, – встрял Льето с хищной улыбкой, – если бы сержант-вербовщик сказал мне «нет», думаю, я бы намотал его кишки ему же на шею… а еще думаю, он это знал!

Олинд заулыбался, продолжая задаваться вопросом, действительно ли сидящий напротив него гигант шутил.

– Тут не поспоришь, такой случай, как нынешний, подворачивается только раз в жизни, – признал он.

– Целиком согласен! – подхватил Дудон. – Уж не знаю, как давно был последний крестовый поход, но точно, что следующего вскорости не будет!

– Может, заткнешься для разнообразия, вместо того чтобы кудахтать попусту? – вскинулся Олинд. – Хуже любой кумушки!

Льето отметил про себя, что за видимостью парочки не выносящих друг друга склочников наверняка скрываются два старых друга.

– Одиннадцать веков.

Уже некоторое время Энгельберт не говорил ни слова, и сейчас, когда он ответил на слова Дудона, все повернулись к нему.

– Первый крестовый поход начался недалеко отсюда, больше одиннадцати веков назад.

Впечатлившись, Олинд восхищенно присвистнул.

Внезапно кто-то усилил звук, чтобы услышать репортаж об отправке контингента. С момента, когда началась переброска войск, тема крестовых походов стала постоянным сюжетом в ежедневных новостях. Сейчас на экране возник межпланетный корабль на низкой земной орбите. Изображение было нечетким, но внимательный наблюдатель мог заметить десятки медленно передвигавшихся вокруг корпуса крошечных точек и понять, что это челноки. А следовательно, прикинуть размеры самого корабля.

> *…был построен всего за пять лет, из которых два года ушли на его переоборудование под военные цели и вооружение; это потребовало привлечения более восьмидесяти тысяч квалифицированных рабочих. Он*

должен быть готов к отправке завтра, с миллионом мужчин и женщин на борту, чтобы в 4,36 светового года совершить перелет к планете Акия созвездия Центавра, второй планете центральной звезды альфа Центавра. Это невообразимое расстояние будет преодолено всего за полтора года благодаря технологии, разработанной для Ватикана во время подготовки первой миссионерской экспедиции, отправленной в две тысячи сто девяносто девятом году.

Именно во время этой мирной экспедиции туземцы жестоко убили наших добрых миссионеров, чем и навлекли на себя праведный гнев всего христианского мира. Эти дикари, очевидно, не поняли, что человеческая раса послала им священников исключительно по доброте душевной, а раз ее посланцы были подло убиты, то теперь аборигенам придется познакомиться с легионами крестоносцев. С этой целью «Святой Михаил», папский боевой корабль класса «Норд», был снабжен вооружением, превратившись в острие копья…

Льето хлопнул себя по ляжкам.

– Тысяча чертей, мне не терпится оказаться на борту! – воскликнул он. – Это ожидание меня доконает!

Энгельберт испепелил его взглядом:

– Сто раз тебе говорил: не смей сквернословить.

– Хорошо, старший братец, – машинально ответил Льето.

– И все же, – проворчал Дудон, – полтора года только на то, чтобы туда добраться… меня это заставило задуматься, прежде чем подписывать. А вас – нет?

– Да ладно тебе, – одернул его Олинд, – просто скажи себе, что это восемнадцать месяцев, – звучит куда лучше. И потом, на борту достаточно развлечений. Вспомни, ведь вначале его задумывали как гражданский корабль: уж поверь, там предусмотрено, чем хоть как-то развлечься во время путешествия.

– В любом случае, – подхватил Льето, – поверь, со специальной подготовкой, которую нам предстоит пройти, у тебя не останется времени скучать. К тому же из этих месяцев десять мы проведем в холодном сне. Значит, в итоге остается всего восемь.

– Точный термин «стазис», а не «холодный сон», – не удержался, чтобы не поправить, Энгельберт.

– Ладно, согласен, – ответил Дудон, обращаясь к Льето и пропустив мимо ушей замечание Энгельберта. – Я просто, когда говорил, подумал о жене и дочках. Даже если допустить, что кампания пройдет быстро и успешно, учитывая дорогу туда-обратно, мы вернемся не раньше чем года через три… Целая вечность!

– Нет, солдат, все куда хуже! – снова вмешался Энгельберт. – Ты забываешь одну деталь: относительность. При той скорости, которой мы достигнем, время для нас будет течь медленнее, чем на Земле. Значит, когда ты их увидишь, на Земле пройдет больше пяти лет…

– …и твоя молодая жена окажется старее тебя, – не упустил возможности вставить шуточку Олинд.

– Эй, парни, – с грохотом поставив кружку, оборвал их Льето, – вы что, хотите подорвать наш боевой дух? Тут мы все в одной лодке, и никто от нас не скрывал, сколько это продлится. – Но, заметив насупленные физиономии собутыльников, добавил: – Я вам так скажу: мы и не заметим, как время пройдет. А когда вернемся, будем героями. И ух как заживем!

– Так-то оно так, но раньше времени губы не раскатывай. Мы еще не вернулись.

– Ну что за нытики!

Энгельберт задумчиво разглядывал младшего брата, пока тот залпом приканчивал пиво. В свои двадцать девять лет Льето казался почти таким же юным, как в девятнадцать, несмотря

на впечатляющую стать и несколько шрамов. Вплоть до последнего времени Энгельберт так и не смог заставить себя относиться к нему как к взрослому, к тому же он знал, что слишком часто читает брату нотации. Но мальчик давно уступил место прославленному солдату, чья отвага на поле боя более не нуждалась в доказательствах.

– Вы знаете, кто войдет в состав нашего подразделения? – спросил Олинд у братьев.

Льето, медленно водя пальцем по краю кружки, словно это хрустальный бокал, из которого он желает извлечь чистую ноту, неторопливо ответил:

– Нет, пока что рано об этом говорить. Может, механизированная кавалерия вкупе с пехотой, но раз уж они расформировали феодальные войска, то заранее не узнать, куда и с кем мы попадем.

Олинд кивнул в знак того, что пришел к тому же мнению.

– Только надеюсь, – весело добавил Льето, – мой будущий командир в рукопашной никому спуску не даст!

– Тебя только это и интересует, – укорил его брат.

– Что бы там ни говорили, – снова вступил Олинд, – а мне кажется глупым вот так перетряхивать войска. Когда люди остаются под личным командованием своих сеньоров, они сражаются и целенаправленнее, и эффективнее.

– Ты прав, – кивнул Энгельберт. Он вспомнил, как часто его упрекали в том, что он относится к собеседникам свысока, а потому попытался воздержаться от поучений. – Я думаю, что на самом деле Ватикан опасался, как бы слишком серьезная диспропорция в численности армий, собранных сеньорами, не поставила под угрозу хрупкое равновесие авторитетов, необходимое для успешного ведения такой кампании, как нынешняя.

Олинд, приоткрыв рот, глянул на Льето, который приподнял бровь, как если бы пытался расшифровать ответ брата, потом увидел, как тот, громко хрюкнув, уронил голову на плечо Энгельберта. Дудон прыснул, а Энгельберт покачал головой, задаваясь вопросом, за что Господь послал ему такое испытание, наградив столь пустоголовым братцем.

– Я понял твое объяснение, – заявил Олинд. – Однако мы все знаем, что некоторые бароны получили от папы определенные поблажки, позволяющие оставить основной костяк своих войск под своим же командованием…

В этот момент из всех громкоговорителей донеслось общее объявление, произнесенное бесцветным женским голосом:

> *Полк М тысяча триста девяносто шесть, подразделения с семидесятого по семьдесят девятое, немедленная погрузка в доке семьсот восемь.*

– Это же мы! – воскликнул Дудон.

Льето мгновенно оказался на ногах:

– Наконец-то!

Все четверо выскочили из таверны и торопливо направились к указанному причалу. Нагруженные тяжелым багажом, они обильно потели, взбираясь по бесконечным пролетам в перегретой толпами атмосфере. Солдаты, в ожидании сгрудившиеся на переходах и лестницах, ворча, расступались, освобождая им дорогу. И все равно с лица Льето не сходила широкая улыбка, которой он приветствовал объявление о посадке их подразделения. Наконец-то он своими глазами увидит тот пресловутый военный колосс, во всех отношениях наипревосходнейший корабль: «Святой Михаил». А главное, его не покидала мысль, что едва он окажется на борту, как по-настоящему начнется крестовый поход – главное приключение всей его жизни.

Они несколько раз путались в лабиринте ведущих к причалам переходов, и дважды им пришлось возвращаться назад, к великому огорчению тяжело пыхтящего Дудона. Опоздав на немало минут, они наконец пристроились к очереди из солдат, ожидающих регистрации перед

МТА – межорбитальным транспортным аппаратом; большая баржа грязно-серого цвета могла вместить сто двадцать восемь человек, не считая летного экипажа. Ее корпус, сравнительно простых очертаний, представлял собой огромное вздутое брюхо, снабженное четырьмя магнитными отталкивателями, служившими для маневров на поверхности, а сзади – двумя пульсационными реакторами, собственно и выводящими аппарат на орбиту.

Солдаты один за другим проходили регистрацию, и очередь медленно продвигалась. Их посадочный трап располагался выше других, чем Энгельберт и воспользовался, чтобы с интересом оглядеться вокруг. Многие другие МТА загружали своих пассажиров с этого же терминала. Большинство солдат казались веселыми и расслабленными, некоторые перекликались от одной очереди к другой или посылали приветственные знаки своим семьям, пришедшим их проводить. Часто чья-то жена или сын пробирались через защитные барьеры, чтобы в последний раз поцеловать мужа или отца под снисходительными взглядами охраны, которая затем вежливо загоняла их обратно. Энгельберт подумал, что легкомысленное настроение этих людей скорее наводит на мысль об отъезде в отпуск, чем об отправке на войну.

Переведя взгляд чуть дальше, он заметил другую очередь, куда менее оживленную, чем остальные. Контраст просто бросался в глаза. Там мужчины с мрачными лицами поднимались по пандусу, тяжело волоча ноги. Их пришедшие попрощаться семьи выказывали скорее отчаяние, чем беспечную веселость; кстати, их держали за заградительной лентой и не допускали никаких нарушений порядка. И в довершение всего офицеры, надзирающие за этой очередью, были нарочито вооружены.

Большинство солдат не обращали никакого внимания на это печальное зрелище, но Энгельберт слишком хорошо знал, о чем речь. Эти люди были *бесшипники* – эвфемизм, который использовали для обозначения мобилизованных насильно, которых принудительно набирали в самых неимущих слоях населения или среди студентов, по большей части антимилитаристов и вообще не очень склонных записываться добровольцами. Их использовали для выполнения работ, за которые не взялся бы ни один уважающий себя солдат, или же, напротив, для тех весьма специальных видов деятельности, где без нужного количества профессионалов было не обойтись.

Энгельберта всегда глубоко смущало это злоупотребление силой ради латания дыр в личном составе, но ему было прекрасно известно, что, когда доходит до дела, нужда свой закон пишет.

– Интересно, как нас расквартируют? – спросил Льето, прервав размышления брата.

Тот рассеянно ответил, не отводя глаз от зрелища внизу:

– Полагаю, как всегда: тесно и неудобно.

Когда наконец подошла их очередь, разводящий протянул им контрольную панель для идентификации. Они по очереди провели своими персональными месседжерами над портативным экраном, тот высветил их личные данные, а им переправил приказ о назначении. После этого они смогли подняться на корабль и устроиться в немногих пока свободных креслах. Места шли в четыре ряда, каждая пара располагалась лицом друг к другу. Толстые металлические предохранительные штанги соединяли подлокотники с изголовьями сидений, а страховочные ремни были вмонтированы непосредственно в кресла.

Как только все пассажиры пристегнулись, дежурные офицеры быстро закрыли дверцы и постучали в стену кабины пилота, подавая знак, что можно взлетать, как если бы речь шла о простом грузовике. Отталкиватели заработали, и транспортник закачался, приподнимаясь над ложементом, на котором покоился прежде. Использование магнитных полей вместо реакторов для выхода из порта и набора первых пятисот метров высоты позволяло не убирать причальные пандусы при каждом взлете, поддерживая тем самым определенный темп погрузки. Пока, высвобождаясь, их МТА кренился вбок, Льето заметил в иллюминатор, что на их место уже выдвигалось следующее подразделение.

Затем аппарат поднялся к полой вершине порта и прошел через рой челноков, постоянно снующих на подступах к Нахору. Энгельберт обратил внимание на свист в ушах – признак того, что кабину только что загерметизировали. Гудение отталкивателей вкупе с качкой вызывали довольно неприятные ощущения, и некоторых начало подташнивать. Но как только первые пятьсот метров высоты были набраны, включились реакторы, и сильный толчок, полученный аппаратом, приковал всех к креслам. Дудон изо всех сил стиснул зубы, опасаясь, как бы ужасная вибрация, через которую они проходили, не бросила их вниз. Люди полностью сосредоточились на собственном дыхании – настолько трудной задачей вдруг стал этот простой рефлекс при таком ускорении. Только у одного хватило сил, чтобы испустить радостное «ура!», – у Льето.

Облака за иллюминаторами мелькали так быстро, что возникал эффект стробоскопа. Потом голубое небо сменилось серым, чтобы через несколько минут превратиться в чернильную черноту.

* * *

Ч – 27:44

«Проходите! Давайте проходите!» – орал один из стражников, знаком заставляя нас поторопиться. А ведь он прекрасно видел, что цепочка бесшипников продвигается в собственном ритме. Кричать на людей было бесполезно. Наверно, невольно я злобно глянул на него, потому что он задержал на мне пристальный взгляд. Я тут же отвел глаза. В последний раз я чуть не нарвался на разряд оглушителя Т-фарад.

К несчастью, краем глаза я увидел, что он подходит ко мне, поигрывая дубинкой. Я опустил подбородок, скрывая, как дернулся мой кадык, когда я сглотнул. Я категорически не желал доставить гадине вроде него удовлетворение тем, что он способен простым взглядом запугать насильно мобилизованных.

– Альберик… Вильжюст, – прочел он на бейдже, прикрепленном к моей рубашке. – Ну и дурацкое имечко!

Даже если бы у молодчика не было разрешения бить бесшипников, ни перед кем потом не отчитываясь, я все равно не знал бы, что ответить на такое бессмысленное замечание.

– Желаешь получить маленький разряд, Вильжюст? – спросил он, приблизив свою пасть прямо к моему лицу.

– Нет!

Я старался не дышать носом, чтобы не так чувствовать тяжелый запах из его рта.

– Тогда лучше бы тебе пялиться на свои башмаки, а не на парня с оглушителем.

– Да! Мне очень жаль.

– Еще бы не жаль! А будет куда жальче, если вылупишься еще раз.

Ну и вонючка!

Проблема таких сцен в том, что они происходят буквально в несколько секунд, а мне потом требуется много часов – а то и дней, – чтобы побороть гнев, вызванный унижением. И я знал, что до окончания этой кампании мне предстоит пережить еще немало подобных сцен.

Вместе с группой других насильно мобилизованных я пробыл в Нахоре только двадцать четыре часа и уже жалел, что позволил себя рекрутировать.

Мой приказ об отправке пришел всего несколько недель назад, и, хотя я предполагал, что этот день настанет, я испытал настоящий шок. Когда меня призвали в армию крестоносцев, я долго колебался, не сбежать ли, как многие из моих друзей, в Центральную Африку, где христианское владычество еще не так укрепилось и я на некоторое время оказался бы вне досягаемости для репрессий. Но в конце концов официальное обещание после окончания крестового

похода вернуть на Землю всех бесшипников, кто этого пожелает, и предоставить им безоговорочную свободу перевесило чашу весов в пользу армии. Лучше уж, сжав зубы, потерять три или четыре года, чем находиться в бегах всю оставшуюся жизнь.

Но теперь, когда принятое решение приобретало конкретную форму и я имел возможность составить представление о военных, которые нас окружали, и о том презрении, которое они к нам испытывали, я уже не был так уверен, что выдержу несколько лет в рядах армии.

Думай о Гийеметте и об отце.

Это единственный способ не сломаться: не забывать, *ради кого* я это делаю.

Когда перевозивший всех насильно мобилизованных в Нахор транспортник муниципальных войск остановился перед отделением полиции Вернона, папа крепко прижал меня к себе, а Гийеметта, моя сестра, разрыдалась. В свои неполные семнадцать лет она только и искала, как бы со мной поцапаться, но в глубине души очень меня любила. Я все же был ее старшим братом. А в придачу еще и единственной надеждой семьи на будущее.

Такое заявление звучит довольно претенциозно. Однако это чистая правда.

Пока я был маленьким, папе удалось отложить достаточно денег, чтобы записать меня на парижский факультет биоинформатики. Это было большой жертвой, потому что, помимо расходов на такого рода обучение, я еще и должен был уйти с работы, чтобы переместить свою задницу на университетскую скамью. А значит, я больше не приносил денег в семью, зато дорого ей обходился.

Поскольку это современное направление почтенной науки информатики могло изучаться только с пультов биоСтрукта, закупка учебного оборудования полностью поглощала наши скудные семейные накопления. На протяжении долгих лет учебы мне часто становилось очень стыдно при мысли о том, какую нищенскую жизнь ведут отец и сестра, пока я тут отрываюсь за пультом сверхсовременных машин.

Но хотя от людей вроде нас это требовало значительных финансовых усилий, оно того стоило. Получаемое мной образование после его завершения в принципе должно было гарантировать должность узкого специалиста высшей квалификации в промышленности или даже в армии – но уже не как насильно мобилизованного – и обеспечить таким образом достойный доход для всей семьи. Не стоит забывать, что к тому моменту папа будет уже слишком стар, чтобы работать.

Извещение о призыве в крестовый поход пришло полтора года назад, почти в сочельник. На тот момент до получения диплома мне оставался еще год, поэтому меня сочли годным к моменту отправки весной 2204-го. Вообще-то, прогнозисты утверждали, что эта кампания продлится не больше трех-четырех лет Относительного Времени, включая возвращение, а значит, меня не будет на Земле около пяти-шести лет.

Когда я вернусь, папе стукнет чуть больше шестидесяти пяти, и, вероятно, ему предстоит работать лет пять-шесть, пока я не найду постоянную должность в какой-нибудь серьезной компании. Если все пройдет хорошо, это принудительное рекрутирование не станет катастрофой для семьи. Вот почему скрепя сердце я подчинился мобилизации, а не сбежал за границу.

И наконец, если уж быть совсем честным, все эти соображения, конечно, сыграли свою роль в принятии окончательного решения, но не они были определяющими. Меня убедил *Некто*.

Совершеннейший незнакомец.

Я никогда никому не признавался, но я и впрямь едва не уехал в Центральную Африку. Раздобыв адрес проводника, я отправился в одно из тех пользующихся дурной славой местечек, которые во множестве расплодились в окрестностях Эврё. Приготовившись выплатить задаток, я взял с собой левую кредитку, на которой лежали заработанные по-черному деньги, и больше всего боялся, что домой вернусь ограбленным, а не с названием корабля и датой.

Все дорогу меня мучил стыд. Я брошу Гийеметту и папу. Я оказался слишком труслив, чтобы пожертвовать частью своей жизни – то есть сделать то, что мой отец сделал для меня!

И вот, пока я бродил под проливным дождем по бидонвилям Эврё, заблудившись, несмотря на полученные точные инструкции, и безуспешно пытаясь сориентироваться в путанице ржавых железных листов и гнилых досок, оскальзываясь в грязи и остерегаясь использовать месседжер, который мог бы выдать меня в случае проверки, заворачивая за угол очередной халупы, я чуть было не столкнулся с кем-то. Человек замер, пока я рефлекторно балансировал на одной ноге, чтобы не врезаться в него. К несчастью, мокрая грязь, покрывающая землю, не способствовала сохранению равновесия, и я почувствовал, что если не вцеплюсь во что-нибудь, то рухну плашмя. Поэтому моя рука взметнулась, пытаясь ухватиться за воротник пальто незнакомца в надежде удержаться.

Не знаю в точности, что произошло затем, но, к своему великому удивлению, рука встретила лишь пустоту. Или же из-за заливающего глаза частого дождя я неверно определил, где находится его воротник, или же этот тип просто отступил в сторону, увернувшись; так или иначе, увлекаемый собственным весом, я завершил свой смехотворный пируэт, шлепнувшись в грязь.

Весь пунцовый, я поспешно поднялся. Человек даже не шевельнулся, чтобы мне помочь.

Передо мной стоял мужчина не первой молодости в простом белом пальто и шляпе в стиле галеро[6], какие уже давно не носят. Я подметил эту деталь, потому что отец когда-то носил такую же в память о своей военной службе, которую проходил в Бретани. Кстати, потертое пальто тоже могло бы принадлежать ему. Полагаю, что именно это отдаленное сходство и побудило меня задержаться, вместо того чтобы сразу пойти своей дорогой.

Я пробормотал какие-то извинения и спросил, все ли с ним в порядке. Пусть даже я не ощутил соприкосновения, у меня не было уверенности, что я его не толкнул. Странным беззвучным голосом мужчина ответил, что с ним все хорошо, а вот со мной вроде бы нет. Чувствуя, что впадаю в полное замешательство, я начал придумывать какое-то фантастическое объяснение моему присутствию в подобном месте, сам понимая, как мало доверия вызывают мои слова. Если этот тип из полиции, я пропал. Я едва осмеливался на него смотреть.

Однако незнакомец продолжал со мной говорить, и в конце концов его необычный голос меня успокоил. Пусть я так толком и не объяснил, зачем здесь оказался, не требовалось особой догадливости, чтобы понять, что именно привело меня сюда. Я был не первым и не последним. Сочувствуя моей растерянности, он поднес два пальца к полям шляпы и собрался откланяться. Уходя, он тем не менее задал мне странный вопрос: *Вы уже спрашивали себя, в чем смысл вашей жизни?*

Я застыл на месте, глядя, как он удаляется, а потом исчезает за углом улочки.

Смысл моей жизни…

Конечно, я мог покинуть эту страну, обустроиться где-то за границей, чтобы избежать мобилизации, подождать, пока все не уляжется, а потом, через несколько лет, попытаться вернуться по подложным документам. Но что я буду делать все эти годы? Кое-как перебиваться. Тянуть время…

Внезапно я понял, до какой степени был глуп. Я рисковал не только тем, что никогда больше не увижу семью, покину их навсегда, но еще и тем, что никогда больше не сяду за пульт! *А я ведь создан для биоинформатики*. Бессмысленно прятать голову в песок. Я действительно *создан* для этого. В этом заключалась вся моя жизнь студента, и в этом же, только в большей степени, она будет заключаться и позже. Представить себе хоть на мгновение, что я

[6] *Галеро* – большая плоская шляпа с полями по модели головного убора кардиналов. Часть традиционного мужского костюма в Бретани.

буду лишен этого до конца дней, казалось просто ужасным. В ту минуту у меня просто в голове не укладывалось, как я мог даже помыслить о таком!

Подумать только, понадобилась эта невероятная встреча, чтобы до меня наконец дошло. Мне хотелось поблагодарить незнакомца за невольную услугу, которую он мне только что оказал, но он наверняка был уже далеко.

Может, смутное сходство с отцом усилило воздействие его слов? В любом случае факт остается фактом: с того мгновения любые мысли о бегстве меня покинули.

Поездка из Нормандии в Эркери в старом, провонявшем метаноловым топливом послевоенном грузовике заняла больше двух часов. Когда мы прибыли в космопорт, нас отвели в отдельный зал ожидания, где и продержали двадцать четыре часа, запретив выходить. После полудня нам принесли безвкусный обед, а потом вынудили нас там же провести ночь, скорчившись в неудобных креслах или прямо на полу, на грязном ковровом покрытии. На следующий день, когда объявили посадку, наша группа с ломотой во всем теле, еле волоча ноги, двинулась к ожидавшему нас МТА.

Когда наконец подошла моя очередь, я, с облегчением заметив, что вонючий цербер потерял ко мне интерес, протянул контролеру свой бейдж и приказ о мобилизации. В проеме я уже видел спартанскую внутренность челнока. Стоящий передо мной парень, с которым я утром перекинулся парой слов, поднялся на борт, и настал мой черед. Я бросил последний взгляд на квадратик синего неба, видневшийся в высоте над зданием, спрашивая себя, когда я увижу его вновь, потом, под окрик офицера, велевшего мне поторапливаться, поднялся на борт баржи.

* * *

Ч – 27:13

Максимальный разгон занял минут десять, после чего реакторы отключились, предоставив челноку продолжить движение. Льето почувствовал, как его тело слегка приподнялось в страховочных ремнях. Он не сдержал веселого возгласа.

– Чувствуешь, братец? – со смехом спросил он.

Судя по удивленным восклицаниям в кабине, его товарищи по полету тоже осваивались с непривычным пьянящим ощущением: невесомостью. Но привлекательность новизны скоро улетучилась; в иллюминаторах возникло нечто особенное, привлекшее всеобщее внимание.

– Да, чувствую, – не сразу ответил Энгельберт. – Но снаружи есть кое-что поинтереснее…

Хотя Льето сидел спиной к проему, по лицу брата, сидящего напротив и устремившего взгляд наружу, он понял, что пропускает какое-то зрелище. Он повернул голову, едва не свихнув шею, и наконец увидел то, на что смотрели остальные.

Сначала он не различил ничего, кроме усеянного звездами неба, еще затуманенного мощным световым ореолом Земли, которую они оставляли за кормой. Уже и эта картина производила впечатление, но Льето почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок, когда рассмотрел темное пятно, которое быстро увеличивалось, пока под его изумленным взглядом не превратилось в парящую гору, опоясанную и усеянную мириадами световых точек. Гора и была их кораблем.

– Господи Исусе… – выдохнул он.

Траектория челнока провела их мимо передней части корабля, где они смогли полюбоваться воздвигнутой на носу фигурой: титанической статуей святого архангела Михаила, предводителя воинств небесных, воздевавшего меч возмездия. Ангел был так велик, так ослепителен, что все онемели от потрясения. Но где-то в глубине кабины один из солдат все-таки смог продекламировать:

В тебе свет величия,
Никто не сравнится с тобой красотою;
Восседающий рядом с Создателем,
Ты ведешь святую когорту:
Ты правишь дальними солнцами
И сверкающими звездами[7].

По обе стороны фигуры светящимися буквами шло название корабля, подкрепленное девизом, который несли все суда Новой христианской империи: A. M. D. G. *«Ad Majorem Dei Gloriam»* – «К вящей славе Божией».

Вскоре МТА сменил курс, с тем чтобы пролететь вдоль борта до причальных портов, предоставив таким образом восхищенным солдатам возможность обозреть из первого ряда панорамный вид металлического колосса в два километра длиной.

«Святой Михаил» был раза в три больше в длину, чем в ширину. Высота его корпуса, более-менее прямоугольного в сечении, в зависимости от конкретных зон могла достигать четырехсот метров. Ближе к двум расположенным позади перпендикулярным оконечностям, в которых располагались вспомогательные палубы, корпус постепенно сужался.

Внизу четкие очертания корабля теряли чистоту своей безупречной линейности – там, где размещались технические установки, включающие в себя двигатели и генераторы поля. Льето вспомнил, как где-то читал, что именно здесь находятся пресловутые туннельные приводы, основанные на принципе исключения Рёмера, разработанном двенадцатью годами раньше в исследовательских лабораториях Фильсхофена, в Германии. Эти приводы стали решающим элементом в предложенном папой Урбаном IX на двадцать шестом году его понтификата глобальном проекте звездной колонизации, выходящей за пределы Солнечной системы. До этого выдающегося технологического прорыва Папское управление астральных наук считало подобные планы утопическими в силу межзвездных расстояний.

На верхней части корабля бросали свои полукруглые тени на главные палубы восемнадцать выстроенных в два ряда куполов. Льето знал, что основная их часть предназначалась для подготовки войск. Он прикинул, что самые большие имеют метров шестьсот в основании. Другие, поменьше, располагались внутри корпуса.

И все же самой поразительной суперструктурой для того, кто видел корабль впервые, была, безусловно, череда гравитационных арок. Эта часть «Святого Михаила», похожая на контрфорсы готического кафедрального собора, простиралась над всем кораблем, связывая воедино огромное гравитационное поле, созданное находящимися в трюме генераторами. Вращаясь вокруг корпуса со скоростью более ста десяти тысяч оборотов в секунду, оно позволяло поддерживать внутри силу тяжести, сходную с земной.

На внешней оболочке судна рабочие в скафандрах все еще вели последние многочисленные работы и наладку, а десятки транспортников выстроились в нескончаемую цепь, торопясь завершить снабжение корабля. Все в целом, казавшееся столь неколебимым и законченным, если смотреть издалека, вблизи больше походило на биомеханический муравейник невероятных размеров. По-прежнему взволнованный до глубины души Энгельберт прочел себе под нос «Отче наш». Многие солдаты в кабине выражали свое воодушевление куда громче, аплодируя и крича «виват».

Челнок вошел в гравитационное поле корабля, и все замолкли, удивленные возвращением собственного веса. Мелкие предметы, порхавшие в воздухе после отключения реакторов,

---

[7] Жан-Батист де Сантёй (Jean-Baptiste de Santeuil; 1630–1697) – французский поэт, писавший на средневековой латыни. *(Примеч. авт.)*

разом упали на пол. Снаружи возникновение поля породило белую световую волну, распространившуюся во все стороны, чтобы медленно рассеяться через несколько сот метров, как рябь на поверхности воды. Этот феномен очень красиво смотрелся с борта «Святого Михаила», но был совершенно незаметен для пассажиров МТА.

А сам аппарат описал широкую дугу, выходя на осевую линию одного из гигантских ангаров, куда влетало и откуда вылетало множество суденышек. Затем, пройдя через восемь последовательных слоев, отделявших внутренний порт от пространственного вакуума компенсирующих полей, челнок снова включил отталкиватели и встал перед одним из дебаркадеров.

Люди покинули его всего за несколько минут, и началась разгрузка трюмов. Льето и Энгельберт не уставали восхищаться всем окружающим. Необъятность внутреннего порта «Святого Михаила» ничем не уступала его собрату в Нахоре. Энгельберт забавлялся, глядя, как брат озирается по сторонам с приоткрытым ртом и выпученными глазами.

– Я и впрямь впервые вижу, как ты любуешься чем-то, не оглушая меня воплями.

– Все так… невероятно. Я бы в жизни себе не простил, если бы пропустил такое зрелище.

К ним присоединились Дудон и Олинд, таща свое воинское снаряжение, выгруженное из трюма.

– Я бы вам посоветовал быстрее забрать свои пожитки, парни. Здешний каптенармус не выглядит хомячком.

– Понятно, уже идем, – ответил Энгельберт.

Он уже собирался встать в очередь из солдат, дожидавшихся выдачи багажа, но Льето дернул его за руку.

– Глянь-ка туда, – сказал он, ткнув пальцем в пандус напротив, где только что причалил другой челнок.

На лицах у спускающихся по причалу людей было написано такое же изумление, когда они открывали для себя местные виды. У всех, кроме одного.

– Скажи-ка мне, вон тот христианин никого тебе не напоминает?

Прищурившись, Энгельберт посмотрел в направлении, куда указывал брат, на противоположную палубу. У мужчины, спускавшегося из МТА, выражение лица резко отличалось от всех прочих. Его спокойные черты не отражали того потрясения, которое читалось на лицах окружающих. Мощного телосложения, он казался почти таким же крупным, как Льето, но явно был куда менее взволнован. Свои темные волосы он носил собранными в простой хвост на затылке, глаза тоже были темными; линия носа как бы продолжала линию лба, без обычной впадинки. Эта особенность придавала ему сходство с классической скульптурой.

В отличие от остальных, он не кинулся за своими вещами, а невозмутимо встал в очередь, отрешенно глядя куда-то вдаль.

– Разве это не знаменитый Танкред Какой-то-Там? – спросил Льето.

Энгельберт покопался в памяти, и перед ним всплыла картинка, мимолетно увиденная то ли на экране, то ли в газете. Но Олинд вспомнил имя раньше его:

– Тарентский. Это Танкред Тарентский.

– Точно! – неожиданно обрадовавшись, вскричал Льето. – Это он! Значит, мы будем служить в том же подразделении, что Танкред Тарентский. Святый боже, ну и пруха!

– А кто такой этот Тарентский? – спросил Дудон, заинтригованный бурным энтузиазмом Льето.

Тот прыснул, наградив молодого рекрута мощным хлопком по плечу:

– Он не знает Танкреда Тарентского! Мой бедный друг! Это же легенда сражений. Лейтенант, получивший больше всего наград во всей христианской армии. Свирепый воин, о котором рассказывают во всех военных школах… кроме твоей, очевидно.

– Не обращай внимания, – бросил Энгельберт. – Как обычно, он делает из мухи слона. Я тоже никогда не слышал об этом человеке. И уверен, что его знают только те, у кого голова забита мечтами еще выше продвинуться в классификации элитных воинов.

– По мне, так для типа, помешанного на войне, вид у него уж больно спокойный, – поддакнул Дудон, скорчив гримасу.

– Думаю, он один из редких метавоинов в нашем флоте, – заметил Олинд.

– Метавоин? – снова не понял Дудон. – Это такая общевойсковая классификация? Да?

– Откуда же ты выполз, друг? – поразился Льето, у которого в голове не укладывалось, что кто-то может не знать подобных вещей.

Энгельберт нахмурился, заметив, что брат свысока относится к этому совсем молодому парню, только недавно вступившему в армию.

– Льето, не будь высокомерным, – осадил его он.

– Ты прав, – немного смутившись, признал тот, – извини меня, Дудон. Сейчас объясню: так называется иерархия элитных воинов. Когда ты достигаешь определенного военного статуса, ты становишься элитным воином первого класса. Дальше идут еще три класса, в каждый из которых все труднее и труднее пробиться. Тех, кто достигает четверки, называют метавоинами.

– А у тебя какой класс?

Напыжившись от гордости, Льето попытался напустить на себя безразличный вид – безуспешно – и ответил:

– А я, мой друг, недавно прошел в третий класс, то есть стал *супервоином*.

– Значит, у меня класс Ноль, если я все правильно понял, – насупившись, вздохнул Дудон.

– Нет, несчастный! – снова вмешался Олинд, смеясь. – Нулевой класс – это оскорбление! Так называют всякую деревенщину, тех, кому не очень хочется воевать, и приходится давать им легкий поджопник, чтобы настроить на нужный лад. Их как бы делают невольными добровольцами. В конце концов, на фронте требуются не только солдаты, нужны еще и штатские, чтобы заниматься всякой грязной работенкой! Вот они и есть *бесшипники*, то есть класс Ноль.

На мгновение Энгельберту захотелось заметить, что если бы тот имел несчастье родиться в семье крестьян или рабочих, а однажды утром за ним явились бы к нему же в дом, чтобы *manu militari*[8] отправить прямиком на фронт, где он рисковал бы жизнью, да еще без всякого вознаграждения, возможно, у него поубавилось бы уверенности в справедливости происходящего. После того как в Нахоре Энгельберт увидел этих насильно мобилизованных, у него на душе кошки скребли, но бороться против такого рода воззрений, находясь в армии, – все равно что сражаться с ветром, размахивая шпагой.

– Как бы то ни было, – продолжил Дудон, – с Танкредом Тарентским в нашей части мы устроим еще тот спектакль на театре боевых действий. Это уж точно.

– Кстати, – сказал Дудон, – если он действительно такая знаменитость, как ты говоришь, вполне вероятно, его назначат полевым офицером нашего подразделения. А значит, он будет нашим командиром.

– Ну да, хотя для меня он всегда будет блатным родственничком, – вмешался Олинд. – Его дядя, Боэмунд Тарентский, член военсовета крестового похода. С такими тылами не так уж трудно стать командиром части.

Это замечание вогнало Льето в задумчивость.

– Правда? Так его двигают по знакомству… – протянул он, потирая синеватый от суточной щетины подбородок и по-прежнему не отрывая глаз от знаменитого лейтенанта, ожидающего своей очереди на противоположном пандусе.

---

[8] Воинской рукой *(лат.)* – то есть применяя силу, насильственно.

В этот момент офицер-регулировщик, пребывающий в скверном расположении духа, прервал их беседу, приказав забрать свои пожитки и немедля отправляться на место расквартирования.

* * *

Ч – 25:24

– Приступаю к нашей идентификации, чтобы получить разрешение на посадку, ваша светлость, – не оборачиваясь, доложил пилот.

В нескольких метрах позади него Годфруа Бульонский, один на борту МТА, предназначенного для баронов, просто кивнул, слишком поглощенный тем, что видел в иллюминатор, чтобы ответить. «Святой Михаил» изумлял его, как и всех прочих. А ведь он видел его не впервые: два года назад ему представился случай побывать там трижды. Но всякий раз он испытывал все тот же восторг.

Когда 18 марта 2202 года Урбан IX бросил призыв к крестовому походу, Годфруа откликнулся в числе первых. Учитывая его репутацию превосходного и неподкупного военачальника, папа естественным образом назначил его одним из руководителей.

– Приоритетный челнок – Джи – тридцать восемь, – монотонно наговаривал пилот. – Идентификационный код – пятьсот сорок четыре триста сорок четыре-эль, код безопасности – эпсилон-каппа-тау-сигма-альфа. Передаю криптокоды для посадки в спецпорт.

Годфруа появился на свет на землях Валлонии, на руинах великой европейской конфедерации, почти день в день через век после Войны одного часа. Ему исполнилось шесть лет, когда произошла реставрация монархии, он застал только конец Великого Хаоса, последовавшего за войной, и вырос в уважении к феодальным законам. С самого начала своей солдатской карьеры он сумел заслужить надежную репутацию воина, не дрогнувшего ни в одной битве, однако лишь намного позже возник тот образ рыцаря безупречных моральных качеств, каким его и знал теперь весь христианский мир.

– Коды идентификации приняты, ваша светлость. Сейчас пройдем через силовые поля.

Оторвавшись от зрелища титанического корабля, Годфруа выпрямился в кресле и постарался привести свою одежду в порядок.

Мужчина в расцвете сил, с коротко стриженными волосами и обрамляющей лицо длинной ослепительно-золотой бородой, он обладал мощной харизмой, оказывающей неизменное воздействие на окружающих. Хотя ростом он был чуть выше среднего, спокойная уверенность, которая читалась в синеве его нордических глаз, производила впечатление даже на самых представительных его собеседников.

Сегодня на нем была тяжелая мантия из бежевой ткани, прямыми складками спадавшая вдоль черных брюк, зауженных у щиколоток на манер военной полевой формы. На уровне сердца был вышит лотарингский герб – три легко узнаваемых алериона[9] и девиз: *Casuve, Deuove*[10], четко выписанный на ленте, окаймляющей рисунок. Скромная планка военных орденов сразу под ним была, казалось, единственным отступлением от строгости облика, с которым герцог был вынужден смириться. Среди них внимательный наблюдатель мог заметить знаменитый Золотой Потир, высшую награду, которую папа всегда вручал лично.

---

[9] *Алерион* – вымышленная птица, фигурирующая в мифологии и геральдике. В геральдике – фигура орла с раскинутыми крыльями, но без клюва и когтей. По легенде, во время Первого крестового похода Готфрид Бульонский (Годфруа де Бульон) при взятии Иерусалима в 1099 г. одной стрелой прострелил сразу трех орлов в полете, поэтому с тех пор три орла обременяют перевязь герцогов Лотарингии.

[10] Или случай, или Бог *(лат.)*.

Годфруа заметил, что легкий свист, давивший на уши, прекратился. Кабина была разгерметизирована.

– Позвольте пожелать вам приятного пребывания на борту, господин герцог, – сказал пилот.

– Спасибо, и примите поздравления за идеально выполненный маневр сближения, – учтиво ответил Годфруа, в то время как межорбитальный транспортный аппарат заканчивал посадку в одном из доков «Святого Михаила».

Едва люки челнока распахнулись, Годфруа попросил появившегося прапорщика немедленно проводить его к капитану судна Гуго де Вермандуа. Молодой солдат повел его по коридорам к тубе, горизонтальному транспортному средству корабля, позволявшему максимально быстро покрывать расстояние от расположенных на корме причальных палуб до командного пункта на носу.

Коридоры и внушительные залы стремительно мелькали за стеклянными окнами несшегося стрелой транспорта. Вагончик, в который они сели, был экспрессом со всего четырьмя предусмотренными остановками по всей протяженности корабля; но даже при этом им потребовалось около десяти минут, чтобы пересечь судно из конца в конец.

Когда они добрались до носовой части, прапорщик двинулся впереди Годфруа по лестнице, ведущей к главному мостику, приложил свой мессенджер к контрольной панели часового – тот подскочил, увидев, кто идет следом, – потом зашел в командный пункт, объявив о прибытии герцога Нижней Лотарингии. Бóльшая часть офицеров и техников, сосредоточившихся на своей работе, даже не шевельнулись, но человек с седеющими волосами обернулся и из глубины помещения направился к ним. Его манеры и форма не оставляли никакого сомнения ни в его звании, ни в социальном положении: Гуго Французский, граф де Вермандуа, капитан «Святого Михаила», член Совета крестоносцев, а главное, брат короля Франции. С широкой улыбкой он распахнул руки, чтобы тепло обнять Годфруа:

– Дорогой друг, добро пожаловать на борт!

– Не слишком протокольный прием, господин граф, – ответил Годфруа, тоже засмеявшись, – но весьма приятный. Счастлив вновь вас увидеть, Гуго.

– Как и я. Хорошо иметь людей ваших достоинств в такой военной кампании, как эта.

– Вы мне льстите.

– Вовсе нет. – Он взял Годфруа за руку и отвел немного в сторону от напряженно работающего командного состава. – Как поживает госпожа ваша матушка?

– Прекрасно. Она не пожелала проводить меня на посадку из опасения, как бы ее воодушевление, вызванное моим отъездом, не померкло в последнюю минуту, но я знаю, как она счастлива, что я стал крестоносцем. Ведь вы знаете, что Ида очень набожна.

– И правда, знаю. Она образец благочестия. Уж как она обхаживала моего брата, чтобы он лично принял участие в новом крестовом походе, но в конечном счете это бремя выпало на мою долю.

Годфруа с легкой улыбкой наклонил голову. Он знал, что Гуго поддразнивает его, намекая, что Ида косвенным образом вынудила его принять участие в крестовом походе: на самом деле брат короля Франции ни за что на свете не отказался бы от назначения на пост капитана «Святого Михаила».

В действительности мать Годфруа всеми доступными ей способами оказывала давление на многих сеньоров, считая своим долгом убедить баронов встать под знамена святого дела. Но у короля Франции Филиппа IX и в мыслях не было покидать свое королевство на многие годы, и он выступил с официальным предложением, чтобы его заменил брат. Хотя в кулуарах всем было ясно, что король не пожелал оказаться в подчинении у папы, с которым у него уже давно установились очень непростые отношения. А потому Гуго изначально знал, что именно на него будет возложена миссия представлять на фронте цвета французского королевского дома.

– Снабжение корабля проходит соответственно вашим пожеланиям? – спросил Годфруа, снова становясь серьезным.

– На данный момент, клянусь, да. Как бы невероятно это ни выглядело, мы вроде бы выдерживаем сроки и будем готовы завтра к семнадцати часам, как и предполагалось.

– Я никогда и не сомневался, Гуго. Вы не из тех, кто обещает то, чего не может исполнить.

– Ваш черед подхалимничать.

Годфруа расхохотался и дружески ткнул его в плечо. Они познакомились восемь лет назад во время военных действий в Новой Гвинее и сразу же прониклись взаимной симпатией. Простота Гуго, хоть он и был братом короля Франции, и его опыт покорили Годфруа, который, в свою очередь, произвел впечатление на графа своей смелостью и прямотой. Однако помимо этих общеизвестных черт характера, у двоих мужчин нашлось еще нечто общее: оба были любителями и тонкими ценителями культурных ценностей, что весьма редко встречалось в эти неспокойные времена.

Часто долгими вечерами во время осады Ириана[11] они вместе предавались своей страсти к эпической поэзии, читая друг другу длинные отрывки из Тассо или Ариосто и рассуждая о достоинствах новых послевоенных поэтов. Сам жанр познал неожиданный взлет вследствие исчезновения мировых развлекательных сетей во время великого катаклизма 2061 года.

– Вы прибыли к нам сразу за Раймундом де Сен-Жилем, Годфруа. Я уже начал опасаться, не остановила ли вас в последний момент какая-нибудь досадная помеха, лишив возможности блистать во время этой кампании.

– Напрасные тревоги, ничто не могло бы удержать меня от участия в крестовом походе во имя служения Всевышнему. Некоторые административные неурядицы задержали меня *in extremis*[12], только и всего. Все сеньоры уже поднялись на борт?

– Все… кроме одного. Роберт де Монтгомери еще не с нами.

Услышав это имя, Годфруа почувствовал, как потускнела радость, которую он испытал, встретив старого друга.

– Роберт Дьявол, – вздохнул он.

– Вам не следовало бы так его называть, вы можете оговориться в его присутствии.

– Я не боюсь этого человека.

– Нимало не сомневаюсь. И тем не менее он пользуется огромным влиянием среди большинства крупных французских феодалов и вплоть до других европейских дворов.

– Знаю, но он такой не один. Мы не должны допустить, чтобы фанфаронство этого ультра заставляло нас идти у него на поводу. В конце концов, ему бы следовало привыкнуть слышать такое прозвище. Разве не верно, что он его вполне заслужил?

– Похоже что так, – согласился Гуго. – Кстати, возможно, именно потому, что прозвище так ему подходит, оно и приводит его в бешеную ярость. Сколько раз при дворе своего брата я видел, как он лишь с величайшим трудом удерживает себя в руках, и только потому, что ему показалось, будто кто-то назвал его так за спиной.

Годфруа недоумевающе развел руками:

– Для меня по-прежнему остается непостижимым, как удалось убедить папу принять подобного человека в наши ряды.

– Даже Урбан не мог себе позволить отказаться от поддержки столь существенного контингента, коим является его армия.

– Еще полгода назад из-за бесчинств, которые он творил и продолжает творить до сих пор на своих землях, речь шла о его отлучении от церкви!

---

[11] *Ириан* (Западный Ириан) – название западной части острова Новая Гвинея.

[12] В последний момент *(лат.)*.

– Разумеется, но вы, как и я, знаете, что политические соображения часто берут верх над вопросами морали.

– Знаю, но никогда с этим не смирюсь. Тем более что у этого человека есть неприятная привычка заражать бóльшую часть тех, кто его окружает, своими пагубными воззрениями. Я уверен, что к концу путешествия мы обнаружим среди нас вдвое больше ультра, чем мы бы имели без него.

– Будем надеяться, что вы окажетесь не правы. Значит, мы должны быть более убедительны, чем он.

Годфруа не скрывал своего скепсиса:

– Для нашего крестового похода было бы куда предпочтительней обойтись вообще без него. Возможно, Господь в своей бесконечной мудрости ниспошлет ему в последнюю минуту *действительно серьезную* помеху, чтобы помешать его челноку взлететь.

Гуго заставил себя рассмеяться, но никакого веселья не испытывал. Без сомнения, он бы тоже предпочел, чтобы этот человек не поднимался на борт его корабля.

* * *

Ч – 25:03

Люди из 78-го смешанного пехотно-кавалерийского подразделения добрались до пункта своего расквартирования в несколько взвинченном состоянии. По прибытии на место сбора большинство из них были вынуждены как минимум двадцать часов ждать посадки в Нахоре, и возбуждение, испытанное при приближении к «Святому Михаилу», лишь отчасти разогнало накопившуюся нервную усталость. Поэтому заселялись они шумно, словно банда подростков, обживающая спальню своего интерната.

В общей каюте номер 48–57 насчитывалось сорок коек. Значит, больше половины подразделения будет находиться здесь. Помещение имело форму шестиугольника, пять сторон которого занимали секции по восемь коек. Сами койки были заключены в ячейки, прикрепленные прямо к стене и расположенные в два яруса, по четыре в каждом. В шестой стене каюты находилась дверь, ведущая в круговой коридор, куда выходили и другие общие каюты этого сектора, в свою очередь вписанные в общий шестиугольник.

Меблировка помещения сводилась к минимуму, то есть к нескольким столам и стульям в центре. Зато ячейки с койками были снабжены массой приспособлений. А именно индивидуальной панелью, подключенной к внутренней видеосети – Интра, – и медицинскими датчиками, встроенными непосредственно в ложе и позволяющими еженощно отслеживать состояние здоровья обитателя. Помимо этого, так сказать, классического оборудования, каждая ячейка могла быть изолирована от остального пространства корабля – либо перегородкой, автоматически развертывающейся в случае аварийной разгерметизации, либо индивидуальным компенсирующим полем, обеспечивающим выживание жильца во время фазы разгона и торможения.

Согласно замыслу, «Святой Михаил» должен был набирать основную скорость в момент старта, а по прибытии, наоборот, резко тормозить в течение нескольких дней, прежде чем остановиться. Эти две фазы были бы смертельны для экипажа, если бы люди не были защищены компенсирующими полями. Но главным образом это сложное оборудование было установлено в каждой ячейке для обеспечения долгого периода стазисного сна, в котором людям предстояло провести бóльшую часть путешествия.

Братья Турнэ нашли номера своих коек и стали распаковывать багаж. Оказавшиеся в той же каюте Дудон и Олинд уже знакомились с соседями. В возбужденной атмосфере, среди громких солдатских разговоров и смеха, появление Танкреда Тарентского прошло незамечен-

ным. Он остановился у своей койки, сбросил на нее поклажу и начал, как и остальные, убирать вещи в шкаф.

Вот тогда Льето его и заметил. Энгельберт поднял голову и увидел, что брат, снова потирая подбородок большим и указательным пальцем, во все глаза уставился на знаменитого лейтенанта. Энгельберт, слишком хорошо знавший Льето, понял, что сейчас тот что-то выкинет. Он открыл было рот, но молодой человек уже решительным шагом направился к Танкреду Тарентскому. Льето воздвигся перед офицером, скрестив руки, и громко спросил:

– Это ты Танкред Тарентский?

В каюте наступила тишина. Казалось, температура резко упала на несколько градусов. Тот, к кому был обращен вопрос, медленно повернулся и посмотрел на Льето. Он был чуть ниже, но от этого его стать производила не меньшее впечатление.

Лицо Танкреда не выражало никаких эмоций, а на губах Льето играла уверенная улыбка. Лейтенант ответил спокойным тоном:

– А кто ты?

Забыв про свой вопрос, Льето тут же продолжил:

– Говорят, ты просто ходячий ужас.

Танкред выдержал паузу.

– Похоже, тебя я не ужасаю.

– А я думаю, что ты всего лишь блатной родственничек. И офицером ты стал наверняка благодаря Боэмунду Тарентскому!

Энгельберт устало вздохнул. Брат вечно нарывался на скандалы, а его самого это приводило в отчаяние. Танкред Тарентский ответил все тем же ровным тоном:

– Пока подразделение официально не сформировано, ты волен думать все, что пожелаешь.

– Умничай сколько хочешь, но никогда мной не будет командовать какой-то паршивый папенькин сынок!

На лице Танкреда появилось такое выражение, будто разговор потерял для него всякий интерес. Энгельберт подумал, что хладнокровие этого человека просто поразительно, – уж он-то знал, каким несносным может быть брат, когда на него находит. Лейтенант выдержал взгляд рыжего гиганта, через мгновение отвернулся и продолжил разбирать свои вещи.

Тогда Льето сделал шаг вперед и положил руку ему на плечо, чтобы заставить повернуться. В мгновение ока Танкред схватил его за запястье и каким-то неуловимым движением оказался у него за спиной. Из этой позиции он простым выворачиванием локтя припечатал Льето к стенке, вроде бы не приложив ни малейших усилий. Тот удивленно вскрикнул и попытался высвободиться, но противник держал его как в тисках. Солдат отчетливо понял, что если попытается дернуться, то первым делом лишится локтя.

– *Дядюшкин сынок*, – медленно проговорил Танкред. – Тебе следовало сказать: дядюшкин сынок, потому что Боэмунд де Отвиль, князь Тарентский, является моим дядей и я ношу это имя в его честь. Мой отец, Эд Бонмарши, даже не вступал в армию.

После чего он ослабил давление на руку молодого человека.

Тот мгновенно обернулся, и двое мужчин оказались лицом к лицу. Тишина в каюте, казалось, весила многие тонны. Льето побагровел, пригнулся и готов был броситься в бой. Несколько мгновений он неподвижно стоял, весь подобравшись, потом вроде бы расслабился. Распрямился и так же неожиданно, как впал в ярость, расхохотался. Искренне и простодушно.

– *Дядюшкин сынок!* Классная шуточка! – Он дружески хлопнул Танкреда по плечу. – С чувством юмора у тебя все в порядке, христианин. Вот и отлично, значит, с тобой мы не заскучаем.

Все тоже рассмеялись, и напряжение спало. Явно удивленный, Танкред еще некоторое время разглядывал его, после чего как ни в чем не бывало снова принялся раскладывать свои

вещи. Льето вернулся на место, подмигнув брату, который ответил ему мрачным укоризненным взглядом.

– Не можешь обойтись без своих выкрутасов, да? Тебе обязательно надо выставиться перед всеми, пусть даже подравшись с человеком, которого ты вовсе не знаешь!

– Я его знал, он же знаменитость, – проказливо возразил Льето.

– Вспомни, мы должны сражаться во имя Господа, а не ради собственного тщеславия.

Льето возвел глаза к небу и не без иронии сложил ладони:

– О, прости меня, дорогой брат. *Mea culpa, mea maxima culpa!*[13]

Кое-как покидав вещи в шкаф, Танкред Тарентский вышел из общей каюты и направился к Центральной аллее.

Этот огромный коридор шел почти вдоль всего корабля. Туда вели практически все соединительные артерии, и его же использовали многие транспортные линии. Размеры коридора варьировались в зависимости от зоны, но могли достигать тридцати метров в высоту и пятидесяти в ширину.

Если двигаться по ней, Центральная аллея производила впечатление изборожденного переходами и мостиками бесконечного огромного ангара, края которого не было видно; на нее выходили прилегающие этажи, выставляя напоказ свое содержимое, так что в целом создавалось впечатление домов, разрезанных гигантскими ножницами. Здесь туба шла в высоте, но даже с самого низкого уровня можно было расслышать характерный шум ее магнитной тяги.

Повсюду кишела куча народа, стоял непрекращающийся гул голосов. Но каждый был занят делом, и никто не прогуливался. Отправка явно близилась.

Пораженный размерами окружающего пространства, Танкред долго шагал без всякой цели, просто любуясь техническими достижениями человеческого гения, встречающимися здесь на каждом шагу, и проникаясь по дороге столь знакомой атмосферой лихорадки и возбуждения, которая всегда предвещала начало крупной кампании. Потом он вспомнил об изначальной цели своего ухода из зоны кают: найти общественный терминал. Всего через сто метров он его обнаружил. Какая-то женщина уже сидела за пультом и была полностью поглощена разговором; Танкред остановился позади и стал ждать своей очереди.

Мысли его вернулись к недавнему столкновению с солдатом. В тот момент он не мог понять, с какой стати этот молодчик без всякой причины набросился на него на глазах у всех остальных, прекрасно зная, что имеет дело со своим будущим командиром. Однако теперь, когда напряжение спало, ответ показался ему очевидным: тот метил свою территорию.

Солдат стремился произвести впечатление на товарищей по оружию и с самого начала заработать репутацию крутого парня, атаковав наиболее знакового из всех – единственного класса Четыре в отделении. Танкреду такой поступок показался глупым, но ему была хороша знакома подобная манера поведения, часто встречающаяся в армии. И все же в случае с этим парнем он невольно признавал, что для того, чтобы вот так накинуться на метавоина, требуется определенная смелость. К тому же простота, с какой тот, без стыда и гнева, признал поражение, показалась Танкреду признаком здорового духа. И хотя он пока не был знаком с этим гигантом с фламандским акцентом, тот уже пробудил его любопытство.

Женщина невысокого роста, за спиной которой он терпеливо дожидался, ласковым голосом обращалась к собеседнику на панели терминала. Что-то в ее повадке – может, манера склонять голову набок – вызвало в памяти Танкреда образ его матери, Эммы де Отвиль. Он увидел ее такой, какой она встретила его в их фамильном замке по возвращении из предыдущего похода. Как всегда, когда он появлялся в родовом поместье между двумя военными кон-

[13] Моя вина, моя величайшая вина *(лат.)* – формула покаяния и исповеди в католицизме.

фликтами, в ней странным образом боролись разочарование и радость, глаза ее были полны любви, а в голосе звучал укор.

Их разговор перед его отбытием на «Святой Михаил» был тому лучшей иллюстрацией. Хотя это была далеко не первая военная кампания, в которую он отправлялся, мать по-прежнему не могла смириться. Да и кто на ее месте мог бы спокойно видеть, как сын уходит сражаться? Но на этот раз все было даже хуже, чем обычно.

Она много плакала, уговаривая его отказаться ехать и остаться на Земле. По ее мнению, он уже достаточно потрудился ради расширения границ Новой христианской империи, так что одним походом больше, одним меньше дела не меняет. Танкред не выносил ее слез, особенно при отце и сестре. За последние годы он очень редко навещал свою семью, и всякий раз, когда он возвращался в родовое гнездо, мать, конечно же, была счастлива его видеть, но рыдала долгими часами при мысли, что вскоре сын опять отправится на фронт. Молодому человеку было тяжело оставлять ее в таком состоянии, и он вынужден был обещать, что после окончания крестового похода всерьез подумает об уходе с действительной военной службы. В прошлом он уже давал подобные обещания как минимум полдюжины раз и тут же забывал о них, едва закрыв рот. Однако на этот раз данное им слово вызвало у него неприятное чувство, как если бы теперь он всерьез опасался, что его придется сдержать.

Вся семья поехала в Нахор проводить его, но родители предпочли не заходить в космопорт из опасения, что нервы Эммы сдадут на глазах у всех. Семье их ранга не подобает давать повод думать, будто она не оказывает крестовому походу полной и искренней поддержки. Поэтому родители попрощались с ним перед выходом на посадку, а вот его сестра Ниса пошла вместе с ним к стойке регистрации офицерского состава, чтобы провести с братом несколько лишних минут, пока он стоит в очереди.

– Мать никогда не смирится, верно? – сказала она Танкреду.

– Никогда, ты права. Как и не откажется от попыток при каждом моем возвращении домой убедить меня уйти с действительной службы.

– Может, однажды ты так и сделаешь?

Порыв сквозняка бросил один из локонов на лицо Нисы. Танкред мягко отвел прядь и заложил ее вместе с другими сестре за ухо.

– Не знаю. И что я буду делать целыми днями? Думаешь, нам еще не поздно снова играть в рыцаря – убийцу ведьм в папоротниковом лесу?

При этом воспоминании лицо сестры осветилось.

– А почему бы и нет? Ты и впрямь стал великим воином, зато не знаешь, что я стала ужасной ведьмой!

– Нет, прекрасно знаю.

– Грубиян! – бросила она, рассмеявшись.

Танкред был счастлив видеть, что хоть толика радости вернулась на лицо сестры. Пусть она, в отличие от матери, явно этого не показывала, но он знал, что Ниса за него тревожится. Вся семья привыкла видеть, как он уезжает на войну, но эта кампания к звездам таила в себе куда больше опасностей, чем сражения на средиземноморских склонах.

– Ты мог бы управлять родовым имением, – заметила она, вновь обретя серьезность.

– Наш отец уже это делает, и я не собираюсь занимать его место. И потом, разве я похож на управляющего? Организовывать сбор урожая, продавать рассаду ультрапонных культур или концессии на пошлины, поднимать налоги на фабрики и тому подобное?

– Да, на мой взгляд, очень даже похож. Мне даже кажется, что тебя первого удивит, как скоро ты начнешь получать от этого удовольствие. А что до отца, он будет только счастлив передать тебе эстафету. К тому же я могла бы тебе помогать…

У Танкреда сжалось сердце. Он хорошо понимал, куда клонит Ниса. Учитывая, с какими трудностями она столкнулась в связи с собственным замужеством, сестра явно начинала при-

выкать к мысли, что ей предстоит стареть одной в родовом поместье, и надеялась, что Танкред рано или поздно там обоснуется.

Хотя они и принадлежали к очень старинному роду – одному из редких в НХИ, чье генеалогическое древо могло претендовать на то, что его корни уходят во времена до Войны одного часа, – семья Отвиль – Бонмарши уже несколько лет пребывала в весьма плачевном финансовом положении, и выгодные женихи не толпились, чтобы завоевать расположение Нисы. А главное, бедняжка была бесплодна. И в этой области, учитывая, что Господь рассудил лишить данную особь способности к размножению, никто был не в праве что-либо изменить. Танкред часто размышлял о том, что, если бы подобное несчастье пало на мужчину, ничто не помешало бы ему выбрать себе супругу, а потом, чуть поступившись самолюбием, найти способ сделать ее беременной, в то время как у женщины, объявленной бесплодной, шансы обрести семью сводились практически к нулю. А поскольку честь семей страдала меньше, если одна из дочерей становилась монахиней, то многие из этих несчастных в конце концов принимали постриг. Танкред знал, что его родители никогда не стали бы принуждать сестру удалиться в монастырь, но опасался, как бы она сама в один прекрасный день не сочла себя обязанной это сделать.

На протяжении последних лет несколько отпрысков достойных семей проявляли к ней интерес, но потом, узнав об ее «ущербности», убегали со всех ног. И пусть даже Танкред испытывал к ним за это глубочайшее презрение, по крайней мере, ни один не выдал тайны, оберегая тем самым честь девушки. Однажды Ниса призналась ему, что готова выйти за любого плебея ради счастья создать свой очаг. К несчастью, она прекрасно понимала, что родители никогда не решатся позволить ей сочетаться браком с кем-либо, не соответствующим ее положению. Танкред, не склонный обращать внимание на социальный статус, находил такой подход абсолютно нелепым и обещал себе как-нибудь поговорить об этом с отцом. Однако до сих пор ему так и не представился случай, и он укорял себя в некотором эгоизме. Сестра страдала, и он считал своим долгом любым способом помочь ей.

Когда он был ребенком, Ниса, как и большинство старших сестер, поначалу выступала в роли второй мамы. Потом, взрослея, они стали товарищами по играм, проводя бóльшую часть времени вместе и придумывая всяческие состязания и необыкновенные истории. Они не расставались даже во время учебы, делили одних и тех же учителей и бок о бок корпели над латынью или математикой. Но когда Танкреду исполнилось четырнадцать, возраст, в котором братья и сестры обычно начинают цапаться, постепенно завоевывая собственную независимость, он отбыл в военную школу. Прошло четыре года, прежде чем они увиделись снова, и это долгое отсутствие упрочило ту особую связь, которая их объединяла. На сегодняшний день, когда Танкреду уже минуло тридцать три, а Нисе – тридцать шесть, они по-прежнему были очень близки.

Лицо сестры сияло улыбкой, но Танкред прекрасно понимал, что она чувствует. Он надавил указательным пальцем на кончик ее носа, как частенько делал, желая ее развеселить:

– Тебе не обязательно ждать, пока я вернусь к гражданской жизни, чтобы по-сестрински заняться семейными владениями, к тому же я уверен, что скоро ты найдешь достойного тебя мужчину!

На лице Нисы мелькнула скептическая гримаса.

– Может, ты думала, что я не замечу, как часто в последнее время ты наведываешься к одному торговцу тканями из Сен-Марселя? Или в тебе внезапно вспыхнула страсть к вязанию, или же эта страсть *связана* с сыном торговца, а? Как там зовут этого молокососа, Антуан Куржемель, кажется?

Щеки Нисы заалели. В отместку она ткнула своего гиганта-братца в плечо:

– Дурачина несчастный! Его зовут Антуан *Киргмель*, и он вовсе не молокосос! Очень приятный парень, и он, по крайней мере, не придает такого значения внешности, как эти размалеванные индюки из молодых аристократов!

Потирая ушибленное плечо, Танкред подумал, что и сам не описал бы точнее тех претендентов, которых видел увивающимися вокруг сестры.

– Но в любом случае это не имеет значения, – продолжила Ниса, – Антуан не благородного происхождения, и отец никогда не согласится даже познакомиться с ним.

– Я просто тебя дразнил. Я его немного знаю, он честный и трудолюбивый человек. К тому же он займет хорошее положение, когда отец передаст ему свое дело. А еще я знаю, что он придумал новые «умные» синтетики, которые поставляются даже ко двору. Наш отец мог бы пересмотреть свое отношение к такой партии, пусть скромной, конечно, но вполне достойной.

Выражение лица Нисы показывало, насколько маловероятным ей кажется такое предположение. Когда подошла его очередь предъявить командировочное предписание, Танкред добавил:

– Не теряй надежды, обещаю, что поговорю с ним, как только получу на борту сеанс тахион-связи[14]. Мне уже давно следовало это сделать, но ты же знаешь, дома я себя чувствую немного напряженно.

– Все в порядке, господин лейтенант, можете отправляться на причал номер семьсот десять.

Не давая ему времени ответить, Ниса крепко обняла его.

– Спасибо, Танкред, от всего сердца надеюсь, что тебе удастся его убедить, – выдохнула она.

Уходя, молодой человек несколько раз обернулся, чтобы еще раз помахать сестре. Ни одной слезинки не скатилось по щеке Нисы, но он знал, как она переживает.

Женщина перед Танкредом закончила разговор и уступила ему место. Подтверждая свою личность, он быстрым жестом провел наручным мессенджером перед детектором, потом набрал на клавиатуре зашифрованный пароль. Пока сервер переключался на защищенную линию, экран на мгновение потемнел, потом на нем появилось плохо освещенное лицо. Человек несколько секунд вглядывался в Танкреда, очевидно сверяя фотографию на собственном терминале с той, которую передал мессенджер. Удовлетворенный результатом, он сказал лишь:

– Танкред Тарентский, вы должны немедленно прибыть в двадцать шестой пехотный отдел, уровень Т, этажный коридор – сорок четыре.

Не отвечая, Танкред прикоснулся к зоне «отключение» на экране, и призрачное лицо исчезло, уступив место обычному общественному терминалу. Танкред поднялся на четыре уровня к линии тубы, проходившей по верхней части Центральной аллеи. Он уже собирался полюбоваться открывающимся с остановки панорамным видом, но состав прибыл почти мгновенно.

Поездка позволила Танкреду ознакомиться с одной из самых удивительных частей «Святого Михаила» – огромным застекленным проемом, выходящим прямо на лес тахионных антенн. Эти огромные металлические структуры, ощетинившиеся по обоим бортам корабля вокруг его носа, позволяли обмениваться сообщениями с Землей на протяжении всего полета. Основанный на комплексной кодировке, сжимающей данные в соотношении один к десяти тысячам, этот способ передачи данных посылал тахионные импульсы, частицы которых делали возможным отправку и получение данных в реальном времени, даже если речь шла об астрономических расстояниях. В самом зрелище леса разномастных копий – самые длинные достигали многих сотен метров – было нечто поразительное, особенно с высоты галереи тубы.

Сигнал закрытия дверей вырвал Танкреда из мечтательного состояния. Он осознал, что прибыл на уровень Т, и вскочил с кресла, чтобы выпрыгнуть из дверей ровно в тот момент,

---

[14] *Тахион* – гипотетическая частица, движущаяся со скоростью, превышающей скорость света в вакууме, в противоположность обычным частицам.

когда они уже закрывались. Осуществляя свой маневр, он кого-то толкнул, и человек выразил глубокое недовольство показанным через стекло неприличным жестом. Танкред послал ему извиняющуюся улыбку, что еще больше вывело брюзгу из себя.

С этой станции переходы от тубы шли к уровню Т и к административным зонам «Святого Михаила». Ознакомившись с многочисленными поэтажными планами, развешенными в коридорах судна, Танкред не слишком уверенно выбрал маршрут, не переставая размышлять о том, сколько времени ему потребуется, чтобы научиться ориентироваться в этом парящем городе.

Не единожды усомнившись, туда ли он идет, Танкред в конце концов оказался у двери с надписью: «Легкая пехота – 26-й отдел». Он вошел без стука.

И попал в самое стандартное и безликое помещение, где сидела секретарша, работавшая за терминалом. При его появлении она подняла голову и посмотрела на него отсутствующим взглядом:

– Что вам угодно?

Танкред снял мессенджер с браслета на запястье и протянул ей маленький черный прямоугольник. Секретарша приложила его к считывающему устройству на терминале и проверила подтверждение его доступа. Вернула мессенджер, не поднимая головы.

– Вам туда, – сказала она, кивнув на маленькую дверь в глубине помещения.

В знак благодарности он поклонился и направился к двери. Отметил для себя, что видимость приемной с секретаршей выполнена безукоризненно. От унылой обстановки кабинета с серыми стенами и вплоть до вялой безучастности секретарши – все заставляло думать, что вы попали в административный предбанник. Но двадцать шестого отдела легкой пехоты не существовало. Просто фасад для любопытствующих.

Он прошел по узкому коридору со стенами из шумопоглощающего пластика, единственным выходом из которого была другая дверь, запертая на кодовый замок. Танкред без колебаний набрал код на маленькой светящейся клавиатуре, и дверь бесшумно отошла в сторону, открыв темную, затянутую мглой комнату. Он сделал шаг вперед, и дверь за ним закрылась.

Рассеянный свет в круглом помещении исходил от потолочного светильника. Вдоль стен, так близко к ним, что почти не оставлял прохода, шел ряд приземистых колонн. В центре комнаты стояло семь расположенных кругом кожаных кресел, в которых сидели шесть человек. Двое курили сигары, выпуская спирали синеватого дыма в столб света, падающий с потолка. Все повернулись к Танкреду, когда он появился.

Он прошел к центру комнаты и преклонил колени перед одним из сидящих.

– *Dominus illuminatio mea*[15], – твердым голосом произнес он.

– *Sit nomen Domini benedictum*[16], – ответил тот.

Знаком он велел Танкреду подняться и встал сам. Стоя друг против друга, они обнялись.

– Танкред Тарентский, к услугам ордена.

– Нам известно, кто вы, молодой Тарент, было бы трудно не знать о ваших подвигах. Мы ждали только вас, чтобы начать. Соблаговолите занять свое место. – Он указал на пустующее кресло и добавил: – Добро пожаловать на Совет тамплиеров «Святого Михаила».

* * *

Ч – 25:00

---

[15] Господь мой свет (дословно «Господь просвещает меня») *(лат.)*. Пс. 26: 1. Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?

[16] Да будет имя Господне благословенно *(лат.)*. Пс. 112: 2.

Мое перемещение на орбиту прошло не слишком удачно. Я и без того знал, что страдаю воздушной болезнью, но для меня стало открытием, что я к тому же не переношу невесомости. Весь тот короткий промежуток времени, когда мое тело утратило вес, жуткие судороги сводили внутренности и вызвали рвоту столь внезапную, что я едва успел выхватить из-под кресла бумажный пакет и поднести его ко рту. Разумеется, именно в этот момент МТА вошел в гравитационное поле «Святого Михаила». Неожиданное возвращение веса частично перенаправило струю рвоты мне на куртку, что мгновенно вызвало исполненные отвращения протесты моих непосредственных соседей. Мысль, что мне на протяжении многих часов придется терпеть на себе этот отвратительный запах, окончательно подорвала мой и без того невысокий моральный дух.

Всех бесшипников разместили во втором квадранте «Святого Михаила», подальше от тех, кто записался добровольно. Наши казармы были обустроены так же, как у военных, без всяких различий в комфорте или безопасности, хотя не вызывало сомнений, что сделано все возможное, чтобы мы не смешивались.

От челнока до общей каюты я бездумно тащился вслед за всеми. Я был мрачен, не в себе после перелета на орбиту, и меня переполняло отвращение к ситуации в целом. Я всеми силами старался не думать о той полосе препятствий, которую мне предстояло преодолеть до того, как я через много лет вернусь – если вернусь – на Землю, и не говорить себе, что этот паршивый день лишь первый в череде многих паршивых дней. Простой факт, что я оказался на борту, тут же поставил меня в полную зависимость от кучи мелкого чванливого начальства, вынуждая до самого конца стискивать зубы и гнуть хребет. Одна эта мысль вызвала прилив такой тошноты, что я предпочел выбросить все из головы, а не из желудка. Свою порцию публичного унижения я на сегодня уже получил.

Сержант, который проводил нас до самой каюты, провел перекличку по присвоенным нам номерам и выделил каждому его ячейку, приказав встать рядом по стойке смирно. Когда все распределились по местам, он приступил к вступительной речи типа «добро пожаловать», расхаживая между нами с заложенными за спину руками и суровым взором, – идеальная карикатура на тупого солдафона. Я чувствовал, как от гнева, усиленного боязнью замкнутого пространства, у меня кружится голова, пока слушал эту бесконечную тираду, которую, казалось, знал наизусть:

– …От насильно мобилизованных, вроде вас, лично меня с души воротит! С самого начала я не мог в толк взять, как может найтись хоть один человек, достойный имени христианина, который не захотел бы участвовать в крестовом походе. Подумать только, толпы отличных солдат так и рвались наперегонки, чтобы записаться, и им вынуждены были отказать, а вот вас пришлось *заставить* впрячься! Вы просто сборище трусов, и, если бы это зависело от меня, ни одного из вас здесь бы и духу не было. Вас взяли только потому, что нуждались в подобных ничтожествах для выполнения грязной работы!

Ну конечно, и вы докопались до специалиста по биоинформатике только потому, что кто-то должен выносить мусор, так? А это, случайно, никак не связано с тем, что в вашей армии одни лишь безграмотные кретины?

– …И здесь вам лучше ходить по струнке и стараться, чтобы вас в упор не видно было. На борту этого корабля собрана элита христианских армий всего мира, то есть люди, которым не очень нравятся сачки вроде вас. Поэтому вбейте себе в голову: пусть наше начальство решило, что с насильно мобилизованными нужно обращаться так же, как с кадровыми солдатами, но далеко не все на борту «Святого Михаила» придерживаются того же мнения!

Нетрудно было догадаться, стоит только на тебя глянуть, свинья несчастная! От тебя так и несет ненавистью и спесью. Твое умственное

развитие не выше, чем у хорошо дрессированной собаки, вот ты и кидаешься на нас из-за собственного комплекса неполноценности.

– …Если у вас есть вопросы относительно вашего статуса класс Ноль, или проблемы со здоровьем, или еще что, вы должны обратиться в общевойсковой отдел бесшипников в административном квадранте. А если *вы сами* станете проблемой на борту из-за неладов с дисциплиной или еще почему, то будете иметь дело со мной, и запомните хорошенько: я обожаю улаживать проблемы сачков!

Вот тут я тебе охотно верю. Так и вижу тебя вечером в пригороде, как ты вместе со своими дружками-легионерами охотишься на евреев-вероотступников.

– …Итак, не забудьте: вы на борту по необходимости, но ни один из вас не является незаменимым. Стоит вам дернуться не в ту сторону – и вам крышка! Если вам нравится на нарах, скажите сразу: я прямо сейчас могу выхлопотать вам персональное местечко в камере четыре звезды…

Я решил, что лучше не слушать ядовитый поток, изрыгаемый этим пафосным остолопом, а сосредоточиться на дурноте, которая не только не утихала, но становилась все сильнее. Я попытался контролировать дыхание, равномерно и глубоко дыша, но сделал только хуже, перенасытив легкие кислородом. Голова закружилась еще сильнее, и я начал всерьез опасаться, что сейчас рухну на пол и привлеку внимание садиста в форме, который продолжал расхаживать по каюте. Кстати, а что он здесь застрял? Свой треп он закончил, однако крутится между бесшипниками, словно вынюхивающий добычу хищник. Никто не осмеливался поднять голову и встретиться с ним взглядом, потому что все знали, что кадровые солдаты только и искали повода сорвать зло на каком-нибудь бесшипнике. Наконец, бросив последнее саркастическое предупреждение, сержант направился к выходу:

– Всегда помните, что вы *пустое место*, так что ходите по струнке!

В сопровождении двух зеркальных шкафов из военной полиции он вышел за порог, и бесшипники наконец остались в общей каюте без посторонних. Большинство впервые за четыре дня оказалось без непосредственного надзора враждебно настроенных военных.

Я облегченно вздохнул и прислонился лбом к дверце своего шкафчика, наслаждаясь прохладным металлическим прикосновением, от которого головокружение, не оставлявшее меня после перелета на МТА, немного утихло. Мало-помалу каюта перестала вращаться вокруг меня. Я смог наконец присесть на край койки и расслабить дрожащие ноги.

– Ну и козлина же этот сержант, а?

Глубокая мысль была высказана моим соседом, молодым человеком с нечесаной темной шевелюрой, который, казалось, лишь недавно вышел из отрочества, несмотря на суровое лицо, пересеченное двумя внушительными шрамами. Он уже начал раскладывать свои вещи в прикроватном шкафу. Я встал с намерением заняться тем же.

– Боюсь, он окажется типичным представителем тех начальников, которые будут помыкать нами следующие несколько лет.

Тот безнадежно покачал головой:

– Не уверен, что выдержу так долго этих кретинов.

Что он себе думает, этот типчик? Что мне своих собственных переживаний недостаточно?

– Поступишь как все: стиснешь зубы в надежде вернуться, когда все будет кончено.

Похоже, он был немного задет.

– А ты так уверен, что они сдержат обещание? Уверен, что снова увидишь Землю, даже если они выиграют эту кампанию, а?

Маленький мерзавец не мог придумать более резкую отповедь. Его ответ подействовал на меня как удар ледяного копья прямо в сердце. С самого начала я изо всех сил старался не думать именно о подобном исходе – в такой ужас вгоняла меня эта мысль. Никогда больше не увидеть Землю, никогда не увидеть столь милых моему сердцу нормандских пейзажей, никогда больше не ощутить луч солнца на лице… Никогда не увидеть мою семью.

Если я не вернусь, Гийеметта и папа совершенно точно скатятся в полную нищету. Вот что переворачивало мне душу. Представить себе, как сестра в базарные дни просит милостыню у городских ворот, а папа заканчивает свою жизнь в жуткой общей камере за то, что украл в чьем-то саду несколько яблок… Нет. Я обязан вернуться. Они обязаны сдержать обещание.

– *Да*, я увижу Землю!

Я произнес эти слова с такой убежденностью, что сосед перестал складывать вещи в шкаф и уставился на меня:

– Похоже, ты знаешь, чего хочешь, а?

– Ты любую фразу заканчиваешь своим «а»?

– Ну надо же, ваша светлость получили хорошее воспитание, *а*? И с образованием все в порядке, как я погляжу. Так для чего же тебя мобилизовали, кроме как чтобы давать остальным уроки синтаксиса?

Если этот молокосос решил говорить со мной свысока, то сейчас он свое получит. Не без доли ложной скромности я ответил:

– Специалист по биоинформатике, категория Д.

– Да ну, – машинально откликнулся он, – как и я, надо же!

От удивления я быстро выпрямился, а поскольку до того, доставая вещи из сумки, стоял склонившись над койкой, то здорово приложился головой о верхнюю койку.

– Чего? Ай! Ты тоже?

– Ну и что? Или тебе казалось, что ты единственный парень на Земле, который сумел получить такое образование, *а*?

– Нет, конечно же нет.

Проклятье, как такой примитивный тип мог добраться до категории Д? Что-то он темнит.

– Значит, мы наверняка будем работать вместе в биоСтрукте, – заговорил я, потирая затылок.

– Не знаю. Зависит от твоей специальности. Я оператор пульта 2CG эрго-команд.

В точности как я. Я не знал, стоит мне радоваться этой новости или нет.

– Гм… Ну, я тоже.

Он улыбнулся, выставив напоказ все зубы, и протянул мне руку:

– Очень приятно, дорогой коллега.

Я ответил на рукопожатие, чувствуя, что во мне пробуждается интерес к парню, который на первый взгляд смахивал на деревенщину, но выказывал живой ум и был специалистом в области, которая требует редкой компетенции.

– Меня зовут Альберик Вильжюст, а тебя?

– Паскаль Жалоньи.

– Рад познакомиться. Извини за недавнишнее, я не очень хорошо перенес перелет и паршиво себя чувствовал.

– Понимаю. Без проблем.

– Ты откуда?

– Из Парижа. Живу недалеко от рынка Блан-Манто.

– Знаю этот квартал, – кивнул я.

– Ты тоже парижанин?

– Нет, моя семья живет в Верноне. Это в Эре, в восьмидесяти километрах от столицы. Но я учился в Париже. А чем занимаются твои родители? Тоже работают в биоинформатике?

– Мои родители умерли восемь лет назад. Они были торговцами.

– О, прости.

– Ничего, ты же не мог знать. Они были убиты сыном маркиза и его бандой мелких отморозков. Те выпили, было поздно, они искали каких-нибудь бедолаг, чтобы покуражиться, и им попались мои родители.

Он сказал это спокойно, уставившись в пустоту, как о чем-то не имеющем к нему отношения. Я не нашелся что ответить; такое частенько случалось в деревнях – в Париже намного реже, – и всякий раз меня это возмущало до глубины души. Сынки аристократов, капризные и одуревшие от безделья, постоянно разгоняли жестокостью свою позолоченную скуку, подбиваемые всякого рода темными субъектами, которые жили за их счет как паразиты. Эти ночные вылазки часто заканчивались кровью, но терпимость властей оказывалась прямо пропорциональна рангу преступника. В большинстве случаев молодой аристократ и его свита отделывались предупреждением, даже без всякого наказания.

– Мерзавцы! – сквозь зубы проговорил я в конце концов. – А что произошло с тобой? Тебе удалось убежать?

– Меня там не было, – буркнул Паскаль. – Иначе я и не пытался бы убежать, а маркизишка отправился бы вслед за моими родителями!

Он повысил голос к концу фразы, и несколько голов обернулись в нашу сторону. Но потом все снова занялись своими делами, больше не обращая на нас внимания. В каюте было до странности тихо, все разговаривали негромкими голосами, словно не чувствуя себя вправе вести себя как обычно. В отличие от почти всего остального корабля, никакой особой радости здесь не ощущалось.

– В один прекрасный день кому-то придется за это заплатить.

Хоть прозвучало это неубедительно, мои слова отражали поднимавшийся во мне глухой гнев. Удивленный такой неожиданной горячностью, Паскаль Жалоньи исподтишка взглянул на меня:

– Кое-какие вещи не стоит говорить при посторонних. Даже здесь.

– Да, ты прав. Но меня это возмущает.

– Как и меня, можешь не сомневаться. Как-нибудь поговорим об этом при случае, в другом месте.

Этот заговорщицкий тон пробудил мое любопытство. Однако я понял, что больше он ничего не скажет.

Сознательно сменив тему, Паскаль продолжал:

– Как бы то ни было, мне не терпится посмотреть вблизи на тот биоСтрукт, за пультом которого придется сидеть!

– А ты что, биоСтруктов никогда не видел?

– Видел, конечно, я даже работал на CYRA-4, когда готовил диплом, но никогда не видел ничего такого масштаба, как на «Святом Михаиле».

– Это нормально. *Никто* никогда не видел такого, как на «Святом Михаиле», по той простой причине, что ничего столь огромного никогда не создавали.

* * *

Ч – 24:32

Во внутреннем порту «Святого Михаила» величественные подъемные краны выгружали контейнеры, во множестве доставляемые на корабль для завершения снабжения. Затем транс-

портники более скромных размеров переправляли грузы в предназначенные для них секторы. А дальше уже простые автопогрузчики освобождали их от содержимого и развозили все по местам.

Направляя свою машину к погрузочной платформе, которая обслуживала цеха распределительной палубы, водитель контейнеровоза номер 203 Мишель Лассе думал только об одном: о Бертраде, ладненькой официантке из столовой. Он появился на борту в качестве водителя-такелажника за четыре недели до прибытия основного солдатского контингента и с тех пор всякий раз, когда отправлялся получать свою порцию трехразового питания, не упускал случая приударить за этой цветущей девицей, которая призывно хлопала ресницами, поглядывая на него из-за стойки раздачи. На сегодняшний вечер у них было назначено свидание.

Два дня назад он наконец решился и пригласил ее провести вместе вечер. К великому его удивлению, она согласилась. Его это немного смутило: приличная женщина не должна так легко поддаваться на заигрывания мужчины. Однако в его положении не приходилось проявлять излишнюю разборчивость: до сегодняшнего дня ни одна женщина не принимала его предложений, а ему уже стукнул сороковник, причем не вчера.

И теперь он раз за разом проигрывал в голове все, что собирался сделать и сказать сегодня вечером в гостинице, нервничая при мысли, что может ляпнуть глупость или допустить оплошность. Подумать только, какой невероятной удачей было бы найти себе женщину во время крестового похода, а главное – удержать ее.

Он прибыл на место разгрузки, и, постучав в окно кабины, диспетчер прервал ход его мыслей:

– Эй, вы, там, внутри, подъезжайте к пандусу задним ходом!

Мишель знаком показал, что понял, и сдал назад сорокаметровый контейнеровоз, пристраиваясь к разгрузочному терминалу. Потом заглушил двигатель и приготовился вылезти наружу, чтобы помочь. В этот момент он различил внутри контейнера глухой удар. Заинтригованный, он прислушался, но звук не повторился. *Опять ящик плохо закрепили*, подумал он, спускаясь из кабины.

Техники с промежуточных палуб подходили по очереди получать заказанные материалы, а диспетчер сверял их имена со списком у себя на планшете. Двадцать минут спустя контейнер был пуст, за исключением одного ящика в глубине. Мишель склонился, вглядываясь в путевой лист, и с удивлением обнаружил, что этот ящик в нем не фигурирует.

– Не понимаю, вроде эта штука не вписана, – сказал он диспетчеру.

С недовольной гримасой тот полез в контейнер, чтобы тоже осмотреть ящик:

– Действительно, на нем даже спецификации нет.

– Что теперь будем делать? Я уже и так из графика выбился, больше ждать не могу.

И Бертрада убьет меня, если я опоздаю; может, она даже ждать меня не станет!

Диспетчер растерялся, не рискуя брать на себя какую-либо инициативу, и Мишель решил ему слегка помочь:

– Может, открыть его и посмотреть, что там внутри? Тогда будем знать, кому доставить.

– Хм… теоретически мы не имеем права… Вдруг там точное оборудование…

– Ну же, христианин, этот контейнер предназначался для техников. Откуда там точное военное оборудование! Иначе, можешь мне поверить, этот ящик не потерялся бы. Ничего мы там особенного не найдем, кроме кучи грязных инструментов.

– Может, ты и прав. Давай открывай.

С облегчением подумав, что не придется терять еще больше времени, Мишель сказал себе, что сможет наверстать опоздание за счет дневного перерыва и поспеет на вечернее свидание. Он достал из предписанного набора инструментов кусачки и перерезал пластиковые стержни, воткнутые в каждое ушко крышки. Диспетчер снял ее, и у обоих глаза округлились от удивления.

Хромированный металлический параллелепипед, закрепленный внутри ящика между блоками полимера, поглощающего возможные удары, отбрасывал тревожные отблески в слабом свете, просачивающемся в глубину контейнера. На его холодной, абсолютно гладкой поверхности не было ни единой щербинки, а углы казались настолько острыми, что об них было страшно порезаться. Единственной различимой отметиной был черный круг диаметром двадцать пять сантиметров на верхней части.

– Святый боже! – вскричал диспетчер. – Кажется, мы только что крупно лажанулись.

– Почему? – не понял Мишель. – Что это такое?

– Гомеостатический ящик! Никогда таких не видел? Это абсолютно герметическая и практически неразрушимая коробка, которая служит для перевозки *сверх*точного оборудования!

– Ай! – лаконично отреагировал Мишель, внезапно осознав, какую неимоверную глупость они совершили. – Послушай, – продолжил он, – может, тебе лучше сходить за офицером? А я пока посторожу эту штуку. Ты меня слышишь? Эй!

Совершенно оцепеневший диспетчер не отвечал. Его глаза были устремлены за спину Мишеля, зрачки расширены, дыхание прервалось. Исказивший его черты внезапный ужас мгновенно передался Мишелю. Совершенно не понимая, с чего вдруг его затопила такая паника, он целую вечность оборачивался, чтобы разглядеть ее источник.

Первое, что он увидел, была раздвинувшаяся в глубине контейнера тонкая скользящая перегородка, за которой обнаружилось тесное пространство, обустроенное как крошечная герметичная кабина. Там, в окружении различной аппаратуры, необходимой для жизнеобеспечения в космической пустоте и холоде, царящих в трюме во время перевозки контейнеров, стояло ковшеобразное кресло с отстегнутыми ремнями. *Что эта штука там делает?*

Второе, на чем остановились его глаза, была тень. Черный силуэт, возникший перед ними, облаченный в длинную черную рясу с огромным капюшоном, в котором виднелась одна темнота. Видение было столь внезапным и бесшумным, что Мишеля просто парализовало. Нутряной ужас, который его обуял, добрался до головы. Из тени вытянулась рука и наставила в их направлении обвиняющий палец. Мишеля словно загипнотизировали. Как ни странно, он не смог отогнать мысль, что и впрямь опоздает на свидание с Бертрадой.

Неожиданно ему пришлось зажмуриться и отвернуться от слепящей вспышки. Остаточная слепота продлилась несколько секунд. Сначала он почувствовал запах паленого мяса, и это напомнило ему, что он еще не ел. Потом он услышал сдавленный вскрик, что-то вроде едва различимого бульканья. Тогда он открыл глаза и увидел стоящего на коленях диспетчера; двумя руками тот держался за горло, рот был открыт в немом вопле. Густой дым поднимался из его еще пламенеющего горла, и Мишель понял, откуда взялся запах горелой плоти. Ужаснувшись, он медленно повернулся к призраку, который так и не шевельнулся.

В этот момент инстинкт самосохранения взял верх. Спотыкаясь, Мишель отступил назад, не отводя взгляда от глубокой тьмы, заменявшей силуэту лицо. Когда рука поднялась снова и направила палец на него, паника распространилась по его нервной системе, как морской прилив, и он кинулся к выходу из контейнера. Но новая вспышка осветила все вокруг, и Мишель успел только увидеть бесконечные переливы электрических арок, звездообразно исходящих из его горла, прежде чем почувствовал пронзившую его невообразимую боль. Ноги больше не держали его, и он рухнул, с размаха ударившись головой об пол. Несколько мускульных сокращений – и он умер.

Словно ничего не случилось, силуэт в рясе медленно вернулся обратно. При ходьбе он не производил никакого шума, а поскольку ряса скрывала нижнюю часть его тела, казалось, будто он скользит над поверхностью пола. Рука снова вынырнула из складок одежды и набрала какую-то команду за раздвижной перегородкой. Та закрылась с легким шорохом, полностью

слившись с задней стеной и став неразличимой. Секунду спустя оттуда вылетел легкий дымок, свидетельствующий о том, что перегородка спаялась с остальным контейнером.

Тень вернулась к ящику и откинула боковые фиксаторы. Четыре стенки тяжело упали на пол, далеко отбросив полимерные блоки. Но гомеостатическая коробка не сдвинулась ни на миллиметр, оставшись подвешенной в воздухе в тридцати сантиметрах над полом. Силуэт достал плоский металлический футляр, тоже хромированный, и направился к ящику. Тяжелый металлический блок пришел в движение, неукоснительно следуя за маленьким футляром. Затем тень вслед за парящим в метре перед ней странным параллелепипедом вышла из контейнера.

Оказавшись снаружи, силуэт, вместо того чтобы направиться к выходу из зоны разгрузки, остановился у боковой стены. Какое-то мгновение его рука шарила за вентиляционной шахтой. И прямо перед ним перегородка раздвинулась, открыв темный и узкий межэтажный коридор. По-прежнему следуя за хромированным блоком, силуэт скользнул туда, и стенка с сухим щелчком сомкнулась за ним.

И тут в шипении и потрескивании кислоты вся задняя часть контейнера странным образом смялась, как будто состояла из дряблого студенистого теста, большие листы железа медленно отделились, удерживаемые только тянущимися расплавленными волокнами. Под контейнеровозом образовалась едкая лужа, а в помещении распространился белый дымок. Задняя часть контейнера уже представляла собой бесформенную спекшуюся кучу металла и пластика.

Все произошло за несколько минут, и ни один звук не встревожил людей, работавших в соседнем пакгаузе.

* * *

Ч – 24:05

Танкред устроился в пустом кресле и оглядел других членов собрания. Хотя никого из них он раньше лично не знал, минимум троих он уже видел.

Прежде всего – человека, сидящего напротив и встретившего его по прибытии. Ему не удавалось вспомнить имя, но ему было известно, что этот приземистый рыцарь с проницательным взглядом – влиятельный член ордена, представлявший его при всех европейских дворах. Сейчас он был облачен в бежевое одеяние главы Совета, и именно поэтому Танкред преклонил перед ним колени.

Слева от главы, в довольно небрежной позе, с толстой сигарой в правой руке, сидел высокий Гийом де Северак с подстриженными ежиком волосами. Несколько лет назад Танкред слышал одну его речь на церковном соборе во Флоренции и тогда еще отметил в нем неоспоримые таланты политика, которым отчасти препятствовала непомерная самоуверенность, неизбежно вызывавшая раздражение слушателей. Он не сомневался, что когда-нибудь этот габалитянин[17] добьется высших постов в ордене, возможно даже столь притягательного титула *Magister Templi*[18].

В сидящем справа от главы Танкред сразу узнал знаменитого Эврара Беро. В свое время военная слава этого сутулого старика с обветренным загорелым лицом не знала границ. Давным-давно он отличился в великих сражениях Реконкисты[19] во имя папы, а главное, сыграл важную роль в возрождении ордена Храма. В последнее время он имел лишь совещательный

[17] *Габалы* – кельтское племя в Аквитании, южной провинции Франции.

[18] *Здесь:* Великого магистра или Мастера Храма *(лат.)*.

[19] *Реконкиста* (*исп.* и *порт.* Reconquista – отвоевывание) – длительный процесс отвоевывания христианами земель на Пиренейском полуострове, занятых маврскими эмиратами.

голос, но его тонкий ум оставался бесценным источником советов для членов ордена. Танкред был счастлив встретить его и надеялся в скором времени познакомиться с ним поближе.

Трое остальных членов Совета были ему совершенно незнакомы.

Глава взял слово:

– *Milites Templi*[20], я Арман де Бюр, главный асессор Великого магистра ордена храмовников.

Услышав это имя, Танкред вспомнил: Арман де Бюр, возможный будущий Великий магистр ордена в Европе.

– В качестве преамбулы позвольте уточнить, что мое присутствие среди вас носит временный характер, я покину корабль до того, как он будет готов к отлету. Если я выразил желание возглавить это первое собрание на борту «Святого Михаила», то лишь в силу необходимости удостовериться, что вы, мои друзья и единоверцы в этом крестовом походе, до конца понимаете всю важность данной военной кампании для нашего ордена. – Мановением руки он указал на своего соседа слева. – После моего отъезда рассматривайте Гийома де Северака как главу данного представительства тамплиеров, хотя все решения *in fine*[21] будут приниматься нашим Великим магистром – в той мере, разумеется, в какой это позволят средства связи. Во время нашего собрания Гийом будет выполнять роль первого асессора.

Он сделал паузу, и Северак учтиво склонил перед ним голову.

– Прежде всего, – продолжал Арман, – вы должны знать, что вы и сейчас, и впредь являетесь единственными тамплиерами на этом корабле.

По залу пробежал неодобрительный шумок. И действительно, в армиях Ватикана традиционно на тысячу солдат приходился как минимум один тамплиер. Теоретически представительство ордена на борту должно было насчитывать приблизительно тысячу человек. Но это только теоретически: всякий понимал, что, несмотря на подписанные с папой договоры, на «Святом Михаиле» никогда не согласились бы принять тысячу тамплиеров. Но никому и в голову не приходило, что их окажется всего шесть.

Хотя Танкред был удивлен не менее остальных, он не присоединился к всеобщему ропоту. Его внимание сосредоточилось скорее на личности Армана де Бюра и его манере переходить сразу к делу. Да, этот человек не утруждал себя обходными маневрами.

– Вы не хуже меня знаете, с какими трудностями сталкивается наш орден в отношениях с папской властью в Риме. А в последнее время, после того как магистр ордена Гийом де Сонак был принят при германском императорском дворе самим Генрихом Восьмым, напряжение возросло еще больше. Не имеет смысла объяснять вам, насколько Урбану не понравилось это сближение. Мне не пристало судить о действиях нашего главы, но я только надеюсь, что этот визит того стоил, потому что впоследствии нам пришлось преодолеть множество препятствий, чтобы добиться нашего присутствия на борту. Урбан был в такой ярости, что поначалу решил запретить ордену участвовать в крестовом походе. Божьей милостью и путем оказания всяческого мягкого давления число шесть было сочтено компромиссом, устраивающим обе стороны.

Сидящие в креслах задвигались, явно обеспокоенные. Всем было очевидно, что эта напряженность в верхах предрекает тамплиерам возможные трудности во время кампании.

Однако Арман де Бюр, не обращая внимания на всеобщее замешательство, продолжал:

– В этой весьма неординарной ситуации, я полагаю, излишне напоминать вам, что сейчас, как никогда, необходимо сохранять в тайне состав данного представительства. Только Петр Пустынник, духовный лидер и *Praetor peregrini*[22] крестового похода, знает ваши имена.

---

[20] Солдаты Храма *(лат.)*.

[21] *Здесь:* в конечном счете *(лат.)*.

[22] Претор по делам иноземцев *(лат.). Здесь:* высшее должностное лицо, представляющее власть за пределами государства. В данном случае – высший представитель папы в крестовом походе.

– Если нас на борту всего шестеро, – вмешался Эврар Беро, – полагаю, так оно и лучше.

– Безусловно, – согласился Арман, – анонимность есть гарантия должного выполнения миссии ордена: помочь распространить власть церкви повсюду, где явится такая необходимость, а главное, неусыпно следить за строгим следованием священным текстам.

Он замолчал, этой паузой воспользовался Гийом де Северак, чтобы потушить свою сигару. Танкреду никогда не нравилась эта страсть к курению, которой в последнее время обзавелись многие тамплиеры. Он видел в ней признак легкомыслия, несовместимого с суровыми доктринами ордена. Арман заговорил снова:

– А теперь я вам напомню о неофициальной стороне миссии нашей делегации – в той форме, в какой это было высказано нашим Великим магистром: удостовериться, что представители Урбана Девятого ничего не скрывают от глаз ордена Храма и не действуют против наших интересов. И в то же время имейте в виду, что никто из руководителей похода не обманывается относительно настоящего положения вещей. А посему будьте особенно осторожны и дипломатичны. Не забывайте, что вы находитесь на борту военного корабля, вооруженного Ватиканом, а следовательно, полностью подчиненного власти верховного понтифика.

В этот момент заговорил один из тех троих, которых Танкред никогда не видел:

– Присутствие членов ордена в папских армиях всегда имело косвенной целью следить за соблюдением наших интересов; и однако, мне кажется, что никому еще не приходилось выполнять эту задачу в подобных условиях.

Он сопровождал свою речь величественной жестикуляцией, словно стараясь придать словам больше веса. Танкред заметил, что он все еще носит стрижку под горшок, как было принято при королевских дворах лет десять назад.

– Наше малое число, – продолжал тот, – а главное, наша абсолютная зависимость от тех, в чьих руках будет власть на этом корабле, едва он отбудет, ставит нас в крайне уязвимое положение. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, что стоит «Святому Михаилу» стартовать – и минимум три относительных года отделят нас от любой официальной поддержки. Наша значимость в глазах руководителей этого похода предстанет весьма незначительной.

– Скажите, друг мой, – высокомерно прервал его Гийом де Северак, – разве, когда вы вступали в ряды тамплиеров, вам обещали, что все ваши миссии будут простыми и безопасными?

Он заговорил в первый раз и сразу показался Танкреду самодовольным и неприятным. То, как он только что одернул Стрижку-под-горшок, наводило на мысль, что он заранее практикуется, готовясь к тому дню, когда сам станет Великим магистром ордена. Очевидно, тот был убежден, что такой день непременно наступит, потому что не рискнул дать отпор и только выдавил смущенную улыбку.

– Это верно, мы будем отдалены от наших обычных сфер влияния, – снова заговорил Арман де Бюр, – но не следует недооценивать надежность нашей сети в Новой христианской империи. Совет крестоносцев, даже в межзвездном пространстве, *даже* в четырех световых годах от Земли, не забудет, что должен считаться с тамплиерами.

– И какова, по-вашему, будет позиция его членов по отношению к нашему ордену? – спросил сосед Стрижки-под-горшок, которого Танкред тоже не знал.

– Я лично несколько раз встречался с Петром Пустынником, – ответил Арман. – Он произвел на меня впечатление человека твердого и несгибаемого, абсолютно лояльного по отношению к папе. Тем не менее я не думаю, что он испытывает принципиальную враждебность к тамплиерам. Зато совершенно ясно, что он неодобрительно относится к любому противодействию позициям Ватикана.

– Что до главного военачальника крестового похода, Годфруа Бульонского, – вступил в разговор старый Беро, – он образцовый солдат исключительной честности. Он тоже верен папе, хоть я и знаю, как для него притягательна моральная строгость, присущая ордену Храма.

– Достаточно ли велик его интерес к нам, чтобы стать нашим союзником в трудный момент?

Танкред, с самого начала не сказавший ни слова, счел момент подходящим, чтобы принять участие в беседе.

– Не думаю, что он зайдет так далеко. Его верность папе нерушима.

– Вы с ним знакомы?

– Лично – нет. Но дядя часто говорил о нем. Он очень его уважает.

Арман де Бюр поменял положение в кресле, внезапно почувствовав неудобство.

– Кстати, господа… Думаю, необходимо привлечь ваше внимание еще к одной детали. Как вы уже поняли, услышав имя нашего сотоварища, – он кивнул в сторону Танкреда, – его дядя – сам Боэмунд Тарентский, член Совета крестового похода и, соответственно, советник Петра Пустынника.

От этого заявления в зале повеяло холодом. Танкред остался невозмутим. Явно удивленный, Гийом де Северак пристально разглядывал его. Не моргнув, Танкред выдержал его взгляд, искренне сомневаясь, что столь влиятельный человек мог быть не в курсе подобной информации.

– Клянусь Господом, это довольно… затруднительное обстоятельство, – заявил тот. – Друг мой, простите мою прямоту, но куда будет направлен ваш меч в случае явного конфликта между Советом крестоносцев и орденом?

Танкред мгновенно почувствовал легкое покалывание в затылке – верный признак подступающего гнева. Но провокация Северака была слишком очевидной – хотя и косвенной, – чтобы он на нее поддался. Поэтому он тщательно взвешивал каждое слово.

– Не думаю, что дал когда-либо малейший повод сомневаться в моей преданности взятым на себя обязательствам. Больше того, Гийом де Северак, вот уже много лет, как я постоянно подвергаю испытанию свою честность, тщательно скрывая от дяди – того, кто помог мне сделать первые шаги в военной карьере, – свою принадлежность к ордену Храма. Подобная ситуация – постоянный источник моих внутренних переживаний, которые должны бы вызывать у вас скорее сочувствие, нежели недоверие.

То, что простой лейтенант осмеливается отвечать ему с такой уверенностью, согнало краски с лица де Северака. Он уже открыл рот, собираясь возразить, но Арман де Бюр решительно вмешался:

– Не надо так горячиться, молодой Тарент. Задавая подобные вопросы, Гийом де Северак всего лишь исполняет свой долг. Не забывайте, наша задача здесь – защищать интересы ордена, и если один из нас станет препятствием для осуществления этой задачи, то, как вы, я надеюсь, понимаете, ему уже не будет места в Совете.

– Естественно, – ответил Танкред. – Я прекрасно осознаю эту необходимость, но не думаю, что окажусь в подобном положении.

Северак, на лицо которого так и не вернулись краски, явно не желал на этом останавливаться.

– Разумеется, племянник Боэмунда Тарентского, вы не предполагаете, что окажетесь в подобном положении. Но не угодно ли вам будет со всею определенностью ответить на мой вопрос, а не отделываться сентиментальными рассуждениями. Прошу вас.

Думая одернуть наглеца, Танкред не предполагал, что тот продолжит настаивать. Повторить вопрос, учитывая, какой был дан ответ, заключавший в себе клятву честью, было равнозначно сомнению в его порядочности. Струна гнева завибрировала во всю силу. Обвиняющим жестом он наставил указательный палец на асессора и ледяным тоном произнес:

– Не провоцируйте меня снова, Гийом де Северак, я не из тех, кто дважды спускает оскорбление!

Столкнувшись со столь неожиданной и бурной реакцией, Северак на мгновение заколебался, затем взял себя в руки и оперся о подлокотники кресла с явным намерением вскочить, но Арман де Бюр в очередной раз оказался быстрее, приказав громовым голосом:

– Достаточно, господа! Оставайтесь сидеть, Гийом! А вы, Тарент, немедленно возьмите назад свою угрозу, это приказ!

Танкред на несколько секунд замялся, понимая, что Арман предлагает ему достойное отступление, смирил свою гордость и процедил сквозь зубы:

– Прошу извинить меня, магистр. Я не должен был угрожать асессору, находящемуся при исполнении своих обязанностей.

Приподнявшийся было Гийом де Северак с побелевшим лицом рухнул обратно в кресло. Танкред с удовлетворением отметил про себя, что тот, без сомнения, не скоро повторит подобную попытку. Он наверняка не привык к достойному отпору в ответ на свою заносчивость.

– Я не желаю, – продолжал Арман, – чтобы впредь возникали столкновения такого рода. Вас будет всего шестеро на борту, и вы должны быть едины, а не разделены.

Сделав небольшую паузу, он обратился к Танкреду куда более примирительным тоном:

– И тем не менее, Танкред, мне бы хотелось, *если вам будет угодно*, чтобы вы ответили на вопрос, сформулированный Гийомом де Севераком, хоть я и не одобряю ту форму, в какой он был задан.

Атмосфера в зале ощутимо сгустилась. Несмотря на иголочки гнева, все еще покалывающие в затылке, Танкред уже жалел, что привлек к своей персоне столько внимания. К тому же он отдавал себе отчет, что его вспышка была лишь неявным способом уйти от вопроса. Он знал, что его взгляды в этом отношении отличаются излишней для тамплиера умеренностью. Чувствуя на себе пронзительный взгляд Армана, он решил все-таки дать откровенный ответ:

– Я думаю, что Урбан Девятый – человек прямой, все прошлое которого указывает, что он умеет быть справедливым. Я не отношусь к тем, кто полагает, будто у Ватикана и ордена противоположные интересы. Однако я выбрал службу ордену, когда пришел к выводу, что папа при всей своей искренности выбрал себе не лучшее окружение и прислушивается не к лучшим советам.

– Хорошо, – заговорил Арман, не давая вступить никому другому, – я считаю этот ответ вполне удовлетворительным.

Затем он демонстративно сменил тему, перейдя к скучной повестке заседания Совета и предложив обсудить способы шифровки сообщений, которыми предстояло обмениваться с руководством ордена в Монпелье. Танкред предпочел до самого конца просто следить за ходом совещания; Гийом де Северак больше не удостоил его ни единым взглядом.

Менее чем через час Совет завершился, и семеро мужчин покинули штаб-квартиру, расходясь по одному через промежутки в несколько минут, чтобы не привлекать внимания. Последними в зале остались Танкред и Эврар Беро.

Старик спокойно рассматривал его, синие радужки глаз поблескивали в льющемся с потолка скудном рассеянном свете. Танкред колебался, не очень представляя себе, должен ли он воспользоваться случаем, чтобы поговорить, или же после несдержанности, проявленной в стычке с Гийомом де Севераком, ему лучше уйти, не добавив ни слова. Беро избавил его от проблемы выбора, заговорив первым. Несмотря на возраст, его голос сохранил высокий тембр, а по живости напоминал бегущий между камнями ручеек.

– Мой юный друг, вам следовало бы научиться сдерживать свои чувства. Всякий раз, позволяя гневу взять верх, вы неизбежно будете ставить себя в невыигрышное положение.

Банальность совета слегка разочаровала Танкреда, который ждал чего-то более глубокомысленного от такого человека, как его собеседник. Но неожиданно на эту сцену наложилось воспоминание о его учителе фехтования в Королевской военной школе Робере де Клеруа, и он

подумал, что тот при подобных обстоятельствах сказал бы то же самое. Ему захотелось оправдаться.

– Северак публично поставил под сомнение мою порядочность.

– Работа асессора в этом и заключается. А своей строптивостью вы нажили себе врага.

– У меня столько врагов, что я утешаюсь уверенностью, что большинству из них предстоит остаться с носом, так и не насладившись местью.

Эврар Беро не удержался от улыбки. Этому лейтенанту недоставало политического чутья, но вовсе не ума.

– Разумеется, но все же я надеюсь, что вы доживете до старости, чтобы понять: достоинство человека оценивают не по количеству нажитых врагов. – Пока Танкред искал достойный ответ, старик встал, тоже собираясь уйти. Но добавил: – Должен признаться, что искренность вашего ответа относительно папы меня тронула. Мало кто из солдат – членов ордена – осмелился бы, подобно вам, встать на защиту Урбана. Я не совсем согласен с вашим пониманием ситуации, но оно свидетельствует о независимости мышления.

Слегка сбитый с толку этим неожиданным комплиментом, Танкред пробормотал:

– Что ж, благодарю вас за поддержку…

– А я вас не поддерживаю, – прервал его Эврар. – Для этого, друг мой, вы слишком непредсказуемы. И все же знайте, что вы мне симпатичны.

Он кивнул Танкреду в знак прощания и вышел.

* * *

> Добрый вечер всем, и спасибо, что вы присоединились к НВ[23]-девять, лучшему информационному каналу во всем христианском мире! Со вчерашнего дня мы изменили всю нашу сетку вещания, чтобы час за часом наблюдать за подготовкой к старту «Святого Михаила». Уже менее чем через двадцать четыре часа вы сможете увидеть в прямом эфире отбытие этого стального гиганта. А пока я предлагаю вашему вниманию репортаж, рассказывающий об основных этапах развития этой не имеющей себе равных военной кампании! Оставайтесь с НВ-девять!

Двенадцать лет назад, когда был задуман «Святой Михаил», он назывался «Святой Фома» и не имел военного предназначения.

Это судно должно было стать первым из серии «кораблей-сеятелей», запущенных к звездам с целью покорения новых миров человечеством в поисках жизненного пространства. Поскольку Война одного часа облучила больше двух третей обитаемой поверхности Земли, а постоянно дующие ветры неотвратимо заражают радиоактивным ядом редкие еще пригодные для проживания области, год за годом неумолимо сокращая их, колонизация новых планет стала необходимостью для будущего выживания человеческой расы.

И хотя возможность обнаружения иных форм жизни во время осуществления этой грандиозной программы считалась вполне вероятной, никто не ожидал найти настоящую цивилизацию. И тем более цивилизацию враждебную!

И вот в 2095 году, после того как Новая христианская империя вложила в исследования колоссальные суммы, была подготовлена первая экспедиция, имеющая целью колонизацию за пределами Солнечной системы. Пунктом ее назначения стало наиболее близкое к Земле созвездие, центральным светилом которого является альфа Центавра А.

---

[23] Настоящее Время.

Через три относительных года экспедиция высадилась на вторую планету этого нового солнца, на скалистый шар, во всех отношениях подобный Земле, который астрономы Папского управления астральных наук с академической строгостью окрестили АКА-2. Средства массовой информации – во главе с НВ-9, разумеется, – сделали все возможное для максимального освещения продвижения передового отряда в прямом эфире, с тем чтобы позволить исполненным новой надеждой народам следить за передвижениями тысячи пилигримов, отправившихся в это рискованное странствие.

Ученые знали, что на АКА-2 существует жизнь, но не предполагали, что она достигла стадии разумности. А потому первая встреча с аборигеном глубоко всколыхнула общественное мнение. Обнаружение этих странных созданий – атамидов, как они сами себя называют, – и их поселений на некоторое время затмило колониальную цель всего предприятия, и многие начали сравнивать эту звездную экспедицию со славными миссионерскими деяниями евангелистов семнадцатого века. Однако настоящее потрясение произошло, когда в одном из их городов обнаружился христианский храм!

Здание, возвышающееся над одним из их крупнейших городов, венчалось гигантским крестом христианской формы, вырубленным из каменной глыбы. Даже само его сходство с символом католической религии трудно было отнести на счет случая, но самым невероятным было то, что на нем находилась скульптура распятого человека… У миссионеров не осталось и доли сомнений: перед ними изображение Христа!

Зачарованные этим открытием, миссионеры проникли в святилище, не подозревая, какой шок их там ожидает. В помещении стоял каменный гроб, в котором покоились древние останки. Человеческие останки, облаченные в саван, с терновым венцом на голове…

Когда вызванное этим открытием огромное волнение немного улеглось, они были вынуждены признать очевидное: лежавшие перед ними останки могли быть телом самого Христа! Ученые миссии исследовали терновый венец и саван, и проведенные анализы не оставили места для сомнений: в отличие от всех фальшивок, предъявляемых на протяжении веков, эти мощи были очевидно подлинными! Установленная дата совпадала, состав венца и савана соответствовал растительности Средиземноморского региона того времени. И хотя для окончательного подтверждения еще предстояли более обстоятельные исследования, отныне было признано, что смертные останки Христа покоятся на этой безбожной планете.

Весь христианский мир испытал истинное потрясение. Объяснения теологов не заставили себя ждать.

После своего воскресения Христос не вернулся в Царствие Небесное. Он покинул людей, чтобы выполнить новую миссию: нести слово Всемогущего в другой мир, другому народу. По всей видимости, этот не знающий веры народ не смог воспринять Его учение, и Господь призвал Сына к себе, оставив телесные останки как знак, адресованный человечеству. Знак, который человек сможет увидеть, когда научится путешествовать к звездам. И знак этот гласил: новая Земля обетованная находится здесь.

Народные массы быстро прониклись этой смелой теологической гипотезой и взяли ее на вооружение, недвусмысленно назвав «Неодогматом».

Немногим позже папа Урбан IX заявил права на эту землю от имени единственного истинно христианского народа Вселенной, и миссионеры предъявили туземцам свои законные притязания на данное место.

Однако дикари яростно воспротивились этому требованию, и ситуация обострилась. Аборигены напали на миссию, и поток изображений, постоянно передававшийся на Землю, внезапно прервался. Только устный доклад одного из державших в лагере оборону офицеров позволил узнать, что же произошло. Сотни мужчин, женщин и детей были жестоко истреблены.

Это варварское деяние потрясло народы Земли, и во всех церковных приходах мира возносились моления о спасении душ невинных, павших во имя Христа. Получив это ужасное

известие, Ватикан на протяжении сорока восьми часов развил бурную деятельность: руководители государств бесконечной чередой являлись на переговоры с папой или его советниками. По завершении этих консультаций Урбан IX сделал торжественное заявление в прямом эфире по всем информационным каналам.

В память о неправедно убиенных невинных душах и дабы отмстить за них, наказав варваров-атамидов, а главное, дабы освободить гробницу Христову, оскверняемую самим присутствием этих существ, он возвестил о начале нового крестового похода на АКА-2.

Девятого крестового похода.

> Вы по-прежнему на НВ-9, лучшем информационном канале всего христианского мира! А теперь в прямом эфире наш специальный корреспондент на борту «Святого Михаила» для эксклюзивной экскурсии по этому невероятному военному межзвездному кораблю!
>
> Всем привет! Мне посчастливилось получить официальное разрешение попасть на борт «Святого Михаила», так что предлагаю вам начать наш визит с краткого обзора жизни на борту – той, которую будут вести наши храбрые *Milites Christi*[24] на протяжении последующих месяцев.
>
> Сейчас, когда я говорю с вами, на борту «Святого Михаила» уже вечер. Как вы можете видеть, свет медленно гаснет. На самом деле, чтобы войска не утратили представления о времени и биологические часы сбились не так быстро, общее освещение корабля постоянно регулируется, воспроизводя циклы день/ночь, а также имитируя метеорологические изменения, то есть чередуя рассеянный свет дождливого дня с ярким светом солнечного. Когда наступает ночь, освещенными остаются только центральные проходы, а в остальных частях корабля включаются ночники, вмонтированные в пол у основания стен и испускающие желтый свет, немного напоминающий лунный свет в сельской местности Земли.
>
> Теперь мы ненадолго уйдем на рекламу, а потом сразу вернемся к эксклюзивной беседе с главным квартирмейстером корабля. Обещаю вам поразительную информацию об этой огромной военной машине, которую мы готовы запустить к звездам! До самой скорой встречи на НВ-9!

* * *

Ч – 19:33

Несмотря на звуковой фон, создаваемый панелью, передающей репортаж, сейчас, в конце дня, в общей каюте номер 48–57 было относительно тихо. Все солдаты подразделения явились на ужин в восемнадцать тридцать, а затем воспользовались своим свободным временем. Те, кто решил вернуться в каюту, отдыхали или развлекались по своему разумению. Одни играли в карты, другие читали или смотрели программу «Специальный выпуск „Святой Михаил“» по НВ-9.

Сидя на стуле и положив ноги на соседний, Льето рассеянно следил за партией в итальянское Таро, в которую рубились за соседним столом. Когда в помещение вошел Танкред, он поднял голову и проследил за ним взглядом.

[24] Воины Христовы *(лат.)*.

Лейтенант снял куртку, аккуратно положил ее на койку и включил панель в своей ячейке. Поняв, что большинство информационных каналов повторяют по кругу сюжеты о девятом крестовом походе, он переключился на внутренний канал, чтобы послушать последние новости. Под делано энергичный голос комментатора он воспользовался свободной минутой, чтобы окончательно переложить свои вещи в шкафчик и навести в нем порядок. Внезапно в потоке скучной информации его внимание привлекли два слова: «чудовищная смерть». Дальше он слушал внимательнее:

…офицер-диспетчер и водитель контейнеровоза были обнаружены сегодня в пакгаузе технической палубы умершими при странных обстоятельствах. Несчастные погибли от проникающих ожогов в области горла, происхождение которых остается неустановленным. Контейнер, разгрузкой которого они занимались, также получил серьезные повреждения, позволяющие предполагать связанный с электричеством несчастный случай или взрыв химических веществ, которые и могли стать причиной трагедии. Все техники, работавшие в соседнем пакгаузе, были опрошены в качестве свидетелей, но ни один из них не смог сообщить следователям полезных сведений. В довершение всех бед оказалось невозможным просмотреть записи камер видеонаблюдения зоны разгрузки в пакгаузе, поскольку агент службы безопасности по недосмотру стер их…

Продолжения Танкред не услышал, так как подошедший Льето выключил панель. Усмехнувшись, он бросил:

– Не стоит тебе слушать эту хрень, внутреннему инфоканалу «Святого Михаила» можно верить не больше, чем самому Иуде.

Мужчины, игравшие в карты, прыснули, даже не поднимая носа от игры. Энгельберт испепелил его взглядом, но Льето не обратил на это внимания и продолжил:

– Слушай, друг, а как ты насчет того, чтобы выпить пивка, которое наливают на борту? Мы с братом обнаружили тут один вполне сносный кабачок.

Танкред на секунду задумался, разглядывая этого колосса с такими ребяческими повадками. Он еще не забыл утреннюю провокацию и размышлял, не задумал ли этот парень какую-нибудь пакость в отместку. Потом глянул на Энгельберта, вконец раздосадованного поведением брата, и решил, что такой простодушный и естественный вид не может быть наигранным.

– Почему бы и нет?

«Единорог» оказался темным и шумным баром, как две капли воды похожим на те забегаловки, которые встречаются на Земле в предместьях больших городов. Танкред с братьями выбрали столик чуть в сторонке, и Льето сделал знак трактирщику принести три пинты.

– Я удивлен, что на борту разрешены такие заведения, – заметил Танкред, усаживаясь на скамью.

– А ты себе представляешь миллион парней, на полтора года втиснутых в эту посудину без возможности поразвлечься? – возразил Льето. – И полугода не пройдет, как начнется бунт.

– И то верно, однако военному командованию не впервой ставить экипаж в трудные условия. На каравеллах, некогда бороздивших океаны, такими соображениями не заморачивались.

– Разница в том, – вмешался Энгельберт, – что это судно поначалу было гражданским. А раз уж такие заведения на нем уже существовали, то наши командиры, наверно, решили, что будет разумно оставить несколько.

– К величайшей нашей пользе, – поставил точку Льето, увидев приближающегося официанта.

Тот небрежно грохнул три кружки на стол, выплеснув немного пены. Все резко отпрянули, пытаясь избежать брызг; отходя от стола, официант пробормотал извинение. Танкред недоверчиво обмакнул губы в пиво и был приятно удивлен, найдя его совсем неплохим. Выходит, командование и впрямь решило поддерживать моральный дух войск.

– Поскольку мой дурень-братец не способен по-человечески представить людей друг другу, – продолжал Энгельберт, – я сделаю это за него. Меня зовут Энгельберт Турнэ, а его – Льето, мы фламандские солдаты на службе у графа Льежского.

– Так, значит, вы прибыли с контингентом Годфруа Бульонского?

– Нет, не совсем. Хотя все фламандские солдаты по феодальному праву действительно подчиняются Годфруа Бульонскому, не все войска служат под его началом. По правде говоря, мы его и видели-то всего пару раз: когда он приезжал проводить смотр войскам графа Льежского и в сражении с мятежниками Иваншчицы[25]. Мы шли на приступ горного склона прямо за ним. Крутой молодчик!

– Охотно верю, – кивнул Танкред. – Мне не терпится увидеть его в бою. А вы обычно какие посты занимаете?

– Я полевой наводчик уровня С, а он только что получил свои нашивки класса Три.

– Супервоин? – спросил Танкред Льето. – Неплохо.

– Да ладно тебе, – ответил тот, – не скромничай. Все знают, что ты класс Четыре.

Танкред приподнял бровь:

– Ты и утром это знал, когда задирал меня?

– Конечно, приятель, а ты как думал? – усмехнулся Льето, двинув его локтем. – Метавоин – это ж интересно! Но честно говоря, уж я-то в курсе, что начиная с класса Три солдат учат сохранять хладнокровие!

– Понимаю… – ухмыльнулся Танкред.

– А вот ты, могу поспорить, прогулял все занятия, – бросил Энгельберт.

– Ах, дорогой братец, ты всегда готов поддержать в нужный момент, верно? Ну, Танкред, расскажи нам, кто ты таков и откуда взялся?

– По происхождению я нормандец, служу в регулярных войсках НХИ. Поэтому подчиняюсь непосредственно папским властям, а вовсе не Боэмунду Тарентскому, как кое-кто мог подумать; он командует нормандцами Сицилии и Южной Италии…

– Ну да, знаю, – прервал его Льето, нарочито потирая плечо. – Твой *дядя*… не твой отец.

Вот уж незлопамятный парень, подумал Танкред, начинавший понимать, с кем имеет дело, и даже находить в этом солдате нечто привлекательное.

– Точно. Мои родители по-прежнему живут в своем нормандском поместье и остаются гражданскими. Именно Боэмунд еще в юности подтолкнул меня к военной карьере. И он же помог мне поступить в Королевскую военную школу Дании.

Льето восхищенно присвистнул:

– Королевская школа в Ольборге! Неплохо иметь связи!

– Льето! – повысил голос Энгельберт.

– Он прав, – продолжал Танкред. – Что верно, то верно, попасть в эту школу без протекции почти невозможно. Но, откровенно говоря, обучение там настолько тяжелое, что не уверен, пошел бы я туда снова сегодня, будь у меня выбор.

– Да, датская академия этим славится, – в знак согласия кивнул Энгельберт.

– Может, и так, – бросил Льето, – но вот мне пришлось ждать два года, чтобы попасть в настоящее сражение, а после этой школы в действующую отправляют враз. Хоть не приходится мариноваться.

– Верно, – ответил Танкред, внезапно помрачнев. – Как только я получил первые нашивки, меня сразу отправили в зону конфликта… в Сурат[26].

Льето стремительно повернулся к нему:

– Ты участвовал в кампании в Сурате? Черт, ну конечно, как же я мог забыть?

---

[25] *Иваншчица* (Иванчица) – горная цепь в Северной Хорватии.

[26] *Сурат* – город на западе Индии.

Он вдруг смутился и что-то забормотал, но старший брат оборвал его:

– Не можешь не вляпаться, а? Прости его, Танкред, вечно он мелет языком, не подумав.

– Ничего страшного.

– Но скажи-ка, – продолжал Энгельберт уже мягче, – ведь мятеж в Сурате случился как минимум… четырнадцать лет назад. Ты же тогда был совсем мальчишкой.

– Говорю же, я только окончил школу. Мне было девятнадцать.

– Господи…

Льето неодобрительно нахмурился:

– Это отвратительно – посылать совсем зеленых солдат на такие задания.

За столом воцарилось неловкое молчание. Уже очень давно Танкред старался стереть из памяти те ужасные события и каждый раз, когда что-то напоминало о них, ощущал, как присущий ему оптимистический взгляд на жизнь мгновенно мрачнеет, как чистая вода от капли чернил.

Однако на сидящего рядом молодого фламандца вполне можно было положиться, чтобы разрядить атмосферу. Тот быстро встряхнулся и высоко поднял свою кружку:

– Да ладно, хватит вспоминать тяжелые времена, давайте выпьем! За девятый крестовый поход!

Без особого энтузиазма – но и не упуская возможности сменить тему – Танкред тоже взялся за пиво и добавил:

– За крестоносцев!

Вслед за ними поднял свою кружку Энгельберт и торжественно возгласил:

– Во славу Господа!

Льето удрученно возвел очи горé, но тем не менее залпом осушил свою пинту и грохнул кружкой о стол под насмешливым взглядом развеселившегося Танкреда. Общение с кем-то вроде Льето Турнэ – отличный способ не пережевывать до бесконечности черные мысли.

Льето снова подозвал трактирщика, чтобы повторить заказ, и недобрым глазом следил за подавальщиком, когда тот ставил кружки на стол. Но дурные привычки прилипчивы, и пена снова брызнула им на ноги. Энгельберт подколол брата:

– Думаю, тебе еще следует поработать над грозным взглядом, пока получается не слишком убедительно.

Проигнорировав насмешку, тот внезапно напустил на себя заговорщицкий вид и понизил голос, чтобы спросить:

– Кстати, вы слышали, что говорят?

– Очередная сальная и пошлая история, на которые ты мастер? – процедил брат.

– На самом деле я тут в столовке застал разговор двух техников. По их словам, похоже, что на борту уже действует какая-то группа недовольных и они из-под полы раздают листовки.

– Ничего неожиданного, раз на борту миллион человек, – заметил Танкред. – Скорее следовало бы удивляться, если бы таких не нашлось.

– Конечно, – согласился Льето. – Но всего через сорок восемь часов – что-то уж больно быстро.

– Некоторые на борту уже несколько недель, – возразил Танкред, – и у группы было полно времени сформироваться. Ну, если она действительно существует. Судя по тому, что ты говоришь, это всего лишь слухи.

– Если я правильно понял, – не сдавался Льето, – там всем баронам, кто в крестовом походе, досталось: из серии «все лжецы, все продажные».

– Старая песня эта твоя «серия», – высказался Энгельберт тоном строгого внушения. – Не стоило бы тебе обращать внимание на такие вещи. Слухи – это всегда лишь жалкие сплетни, распространяемые в угоду одному из самых неприятных пороков рода человеческого: любопытству.

Льето вздохнул:

– Как тебе удается всегда быть таким предсказуемым? И кстати, далеко не все слухи всегда оказываются ложными. Иногда если в них разобраться, то можно извлечь крупицу истины.

– Я с тобой не согласен, – заявил Танкред. – Слухи или анонимные листовки – это всегда клевета, запущенная теми, кто слишком труслив, чтобы взять на себя ответственность за собственное мнение. Чтобы не рисковать лично, они ставят на старый предрассудок «нет дыма без огня». Если у этих людей есть серьезные основания для обвинения, они просто должны высказать их публично – и будут услышаны.

– Отлично сказано, Танкред, – поддержал его Энгельберт.

– Что ж, – шутливо заметил Льето, – я и не знал, что выпиваю с двумя святошами. Мало мне было братца, читающего нотации при каждом удобном случае, так еще и командир туда же. Два воплощения добродетели на одну мою голову!

От смеха Танкред чуть не поперхнулся пивом. Даже уже приготовивший строгую отповедь Энгельберт прыснул. В этот момент дверь кабака открылась и вошла молодая женщина.

Не особенно красивая, с длинными, спадающими на плечи волосами и открытым взглядом, она обладала очарованием простой девушки без комплексов. Нос с небольшой горбинкой, а глаза казались то карими, то серыми. Она окинула взглядом зал – не обращая внимания на рассматривающих ее мужчин – и направилась прямо к столику Танкреда и братьев Турнэ. При ее приближении все трое подняли голову, а она без всякого стеснения присела на колени Льето и положила ему руку на плечо.

– Эй, привет, красотка, – весело воскликнул тот, – как ты меня отыскала?

– Я зашла к вам в каюту и спросила, – пояснила она ясным приятным голосом. – Некий Дудон мне помог. Милый паренек этот Дудон.

– Друзья, – обратился Льето к двоим другим, – познакомьтесь с Вивианой. Я встретился с ней сегодня днем в прачечной, и мы сразу нашли общий язык!

И он подмигнул брату.

– Привет, парни, – прощебетала Вивиана. – Кто из вас угостит меня выпивкой?

Танкред поднял руку, делая знак хозяину принести еще пива.

– Экий важный господин наш Танкред, – бросил уязвленный Льето.

– Глазам своим не верю! – вмешался изумленный Энгельберт. – Еще и суток не прошло, как мы на борту, а ты уже погряз в грехе!

– Это меня ты называешь грехом? – лукаво поинтересовалась Вивиана. – Я польщена.

– Ладно тебе, Энгельберт, – осадил брата Льето. – Ты решил вести жизнь аскета, и отлично, но не рассчитывай, что я последую твоему примеру.

– Так-то оно так, – шепнул Танкред, заметив, что многие взгляды в зале обратились на них, – но, может, лучше бы Вивиане присесть на скамью.

Молодой фламандец бросил взгляд на пялившихся на него мужчин. Танкред отметил, что его лицо внезапно окаменело. Зарождающийся гнев, который оно сейчас выражало, не имел ничего общего с напускным, которым он недавно пугал официанта, и действительно производил впечатление. Льето выдержал их взгляды, пока они не отвели глаза. И только тогда согласился отпустить Вивиану, чтобы она села как положено.

– Хорошенькое нас ждет путешествие, если даже в кабаке нельзя расслабиться…

Молодая женщина устроилась напротив него; похоже, ей ситуация тоже пришлась не по вкусу.

– Я здесь всего три дня, – желчно заметила она, – а уже видела на борту больше консерваторов и ультра, чем во всем Ватикане.

При этом заявлении Энгельберт резко повернул к ней голову, но воздержался от нотации, не желая обострять ситуацию.

Остаток вечера прошел спокойно, и благодаря постоянным усилиям Льето разрядить обстановку веселое настроение постепенно вернулось к ним. Природная жизнерадостность Вивианы делала ее общество весьма приятным. Танкред нимало не удивлялся, что эти двое так быстро спелись, столько у них было общего.

Поздно ночью, возвращаясь по месту расквартирования, они свернули в коридор, идущий вдоль внешней оболочки корабля. Проходя мимо еще не закрытых створками обзорных иллюминаторов, они на мгновение остановились, чтобы насладиться зрелищем: перед их глазами, за надстройками «Святого Михаила», висело величественное освещенное полушарие Земли, являя им множество деталей и тонкостей, недоступных даже лучшим экранам, на которых они обычно разглядывали виды своей планеты.

С такого расстояния вид континентов и океанов почти вызывал головокружение – как у парашютиста, прыгнувшего со слишком большой высоты и не знающего, пора ли уже дергать за кольцо. В этот момент над Азией занимался день, одновременно заливая светом такие разные регионы, как Таиланд, Бирма, Китай, Суматра и даже Россия.

Сколько когда-то живых и населенных областей, а сегодня мертвых и навсегда зараженных радиацией. Глядя на эту картину в натуральную величину, Танкред почувствовал отвращение к чудовищной глупости людей, которые сами навлекли на себя тяжелейшую кару. Потребуются еще десятки лет, чтобы снова подняться на ноги и восстановить общество, достойное этого названия и на более здоровой основе – благодаря Новой христианской империи.

Другая мысль, еще более душераздирающая, внезапно пронзила его, когда он смотрел на медленно проплывающие у него перед глазами континенты и постепенно озаряющиеся светом горы: *Людей не видно*. С такого расстояния невозможно было заметить ни единого признака присутствия или деятельности человека. Не угадывались ни граница, ни город, ни дороги, эта планета могла бы быть девственна… и, возможно, однажды такой и станет. *Мы ничто, пустое место, к чему все это?* На мгновение его разумом овладел великий ужас. *Все, что мы делаем, тщетно, всему суждено исчезнуть! Все абсурдно и бесцельно!*

Он уже не впервые испытывал подобные ощущения, не впервые нечестивые мысли смущали его разум. Всякий раз он яростно старался побороть их, однако рано или поздно они всегда возвращались, еще более сильные и коварные. И, как всякий раз, он ощутил на своих плечах тяжкий груз, пригибающий его к земле. Чтобы сохранить равновесие, ему пришлось ухватиться за поручень под иллюминатором.

Энгельберт заметил это и положил руку ему на плечо:

– Все в порядке, друг? Тебе вдруг вроде как поплохело.

Огромным усилием воли Танкред отогнал охватившее его губительное оцепенение:

– Да… Да, Энгельберт, благодарю… Наверняка просто усталость…

Но в глубине души он знал, что это не так. Как он уже замечал с некоторого времени, его старые демоны вернулись.

* * *

10 мая 2204 ПВ
Ч – 6:02

На следующий день только одно занимало все умы: проповедь Петра Пустынника в соборе.

Она должна была прозвучать ближе к полудню, и этому важнейшему событию, знаменующему начало крестового похода, предстояло стать символом нерушимой клятвы верности

армии крестоносцев, а также ключевым моментом, когда официально прозвучит воззвание к Господу, дабы имя Его вело людей в этой небесной миссии и помогло им сдержать данный обет.

Большинство впервые увидит собственными глазами Петра Пустынника во плоти, причем именно тогда, когда он официально станет истинным главой крестового похода, а также его духовным вождем. Завершение проповеди послужит сигналом к окончательному обратному отсчету времени, оставшегося до старта «Святого Михаила».

В одиннадцать часов по всем помещениям разнесся призыв к общему сбору:

Всем: мужчинам и женщинам, членам экипажа и военным, техникам и гражданским лицам – предлагается явиться, отложив текущие дела, в собор в квадранте один; неаккредитованным, а также тем из аккредитованных, кто находится слишком далеко от квадранта один, предлагается направиться к ближайшим общественным панелям, чтобы прослушать проповедь Петра Пустынника и перед отправлением получить благословение епископа Адемара Монтейльского.

Эхо этих слов еще разносилось по просторным помещениям корабля, когда каждый мужчина и каждая женщина оставляли свои занятия – наконец-то пришел долгожданный момент – и все как один двигались в первый квадрант. Почти повсюду перед общественными панелями собирались все более плотные группы.

Танкред находился на борту уже почти два дня, а единственными, с кем у него установился неплохой контакт, были братья Турнэ. Хотя Энгельберт производил впечатление немного сварливого сурового монаха, в нем угадывались человеческая теплота и ум, которые нравились Танкреду. Что до его брата Льето, пусть импульсивного и иногда поступающего как незрелый юнец, он обладал несокрушимым оптимизмом и общительным характером. Поэтому Танкред, разумеется, предложил вместе пойти слушать проповедь Петра Пустынника.

Опасаясь сутолоки, они явились больше чем за час до общего сбора и умудрились найти места в самом соборе, у подножия колонны недалеко от балдахина[27]. Они ждали стоя – сидячие места, естественно, предназначались для более важных персон. По правде говоря, Танкред мог бы без труда заполучить такое местечко, но подумал, что это будет некрасиво по отношению к Льето и Энгельберту, вдобавок ему было нетрудно и постоять.

Когда, несколькими часами раньше, они вошли под купол квадранта один, их прежде всего поразили его размеры. Пространство, отведенное под строительство священного храма, было, наверно, одним из самых больших на судне, за исключением, возможно, некоторых тренировочных куполов.

Такова была воля Урбана IX: выстроить внутри самого «Святого Михаила» точное подобие римского собора Святого Петра, самого большого культового здания христианского мира. Такому кораблю, авангарду христианских армий в других мирах, было бы недостойно не вместить в себе также и наиболее грандиозный дом Бога, который когда-либо создавался человеком.

С этой целью все мельчайшие детали сооружения, начатого Браманте в 1450 году и законченного Микеланджело полтора века спустя, были описаны и тщательно воспроизведены в мраморе из Массы[28], а затем переправлены на борт и собраны уже здесь. Площадь шириной более трехсот метров, на которую выходит благородный фасад оригинала, здесь заменили оставшимся пространством купола, где установили несколько гигантских экранов.

Наличие такого грандиозного сооружения в самом сердце военного межзвездного корабля являло собой поразительное зрелище для тех, кто видел его впервые. Это было так красиво, так величественно, так значимо, что присутствие здесь Бога казалось почти осязае-

---

[27] *Балдахин*, или Киворий – сень (навес) над престолом (алтарем), поддерживаемая колоннами. Самый известный бронзовый Балдахин работы Бернини расположен в центре собора Святого Петра в Ватикане, над тем местом, где погребены мощи святого Петра.

[28] *Масса* – город в Италии.

мым. Танкред и Льето онемели от удивления, а Энгельберт, шепча молитву, осенил себя крестным знамением.

Лишь одна деталь немного портила эту почти совершенную картину: верхняя часть собора, возвышавшаяся на Земле на высоту ста тридцати метров, на двадцать пять метров превосходила высоту купола квадранта один. Поэтому пришлось урезать знаменитый свод, созданный Микеланджело, убрав изначально венчавшую его башенку с крестом. На некоторых это производило неприятное впечатление, которым пришлось пренебречь, чтобы втиснуть весь ансамбль под корабельный купол, но ватиканские власти сочли, что символическая мощь этого памятника на борту перевешивает эстетические соображения.

Восхищение Танкреда и братьев не уменьшилось, когда они оказались внутри собора. Подавляющие размеры нефа – более ста восьмидесяти метров в длину – ничуть не умаляли гармонии единого целого, а создатели копии проявили особое внимание к деталям, воспроизведя все окружавшие на протяжении веков центральную часть оригинала скульптуры, вплоть до бронзового изображения святого Петра работы Арнольфо ди Камбио или же знаменитой *Пьеты*[29] самого Микеланджело.

Хотя Танкред не был знатоком классического искусства, он уже видел все эти произведения раньше, поэтому его внимание привлек главным образом балдахин Бернини, заключавший в себе папский алтарь. Возведенные на пересечении трансепта[30] четыре витые колонны, чьи верхушки возносились почти на тридцать метров, казалось, изменяли ракурсы и пропорции собора, заставляя все взгляды устремляться к центральной точке, откуда Урбан IX обращался к миру в особо важных случаях.

Привлеченный этим легендарным местом, Танкред с братьями Турнэ, следовавшими за ним по пятам, пробился вперед, чтобы оказаться поближе. И все трое приготовились к долгому ожиданию начала проповеди.

Шестьдесят тысяч мест – максимальная вместимость огромной церкви – были быстро заполнены, а вновь прибывшие собирались у гигантских экранов, которые транслировали вид алтаря. Что до бесшипников, им настоятельно рекомендовали довольствоваться общественными панелями Интрасвязи, которые имелись в коридорах корабля.

– Клянусь, тут весь цвет общества! – присвистнув, бросил Льето. – Видел своего дядю, Танкред?

– Нет еще.

На самом деле с самого своего прихода Танкред искал его глазами, но никак не мог различить в плотной толпе первых рядов. Он знал, что Боэмунд взошел на борт за день до него, но случая встретиться с ним еще не представилось. Впрочем, он не понимал, почему Боэмунд не призвал его к себе сразу по прибытии, и страдал от этого. С самых юных лет дядино внимание очень много значило для него. И сегодня, в его почти тридцать четыре года, это оставалось не менее важно.

Прежде, когда он был всего лишь юным аристократом, праздным подростком, не знающим никаких увлечений и редко покидавшим пределы нормандских семейных угодий, визиты дяди Боэмунда представляли для него яркие события, которых он ждал с нетерпением. Всякий раз, когда приезжал этот прославленный воин, его сопровождала вереница рассказов о приключениях и героических свершениях, окружая его присутствие возбуждающим ореолом мечтаний и чудес.

Оставаясь в имении, Боэмунд никогда не упускал возможности провести время с племянником, обучая его владению оружием или рассказывая о постоянно обновляющихся тех-

---

[29] *Пьета* (от *ит.* pietà – жалость) – сцена оплакивания Христа Девой Марией с изображением Богоматери и мертвого Христа, лежащего у нее на коленях.

[30] *Трансепт* – поперечный неф в храмах, пересекающий основной (продольный) неф под прямым углом.

никах боя. Время от времени он соглашался отправиться с ним в лес Кодильи, где юный Танкред построил себе целый мир таящихся монстров и легендарных схваток и несколько крепких хижин, и делал вид, что верит во все наивные истории, придуманные мальчиком.

Танкред взрослел, его физические возможности заметно возрастали, и он все лучше усваивал уроки боевых искусств, которые давал ему дядя. В шестнадцать лет он был ростом метр восемьдесят пять сантиметров и обладал исключительными физическими достоинствами. Заметив целеустремленность и хладнокровие молодого человека, Боэмунд сообщил родителям, что рекомендует его в датскую Королевскую военную школу.

Для родителей это стало тяжелым решением, особенно для матери. Школа в Ольборге была, конечно, наиболее престижным военным университетом во всем христианском мире, в ней мечтали учиться сыновья и дочери самых высокопоставленных аристократов, а также гарантией высокого положения *ad vitam*[31] в европейской военно-аристократической иерархии. Но в то же время обучение в ней неизбежно означало, что они снова увидят сына только через несколько лет – да и то лишь на время кратких увольнительных – и что в дальнейшем он будет постоянно находиться на театре военных действий и рисковать жизнью.

Каждый желает своему ребенку самого лучшего. Нет ничего естественней. Но когда осуществление этих надежд подразумевает, что вы на долгое время потеряете его из вида, а потом будете мучиться страхом, что однажды вам сообщат о его гибели, появляется дилемма, разрешить которую практически невозможно. В конце концов Боэмунду пришлось поклясться своей сестре Эмме, матери Танкреда, что он будет неотступно приглядывать за племянником, что бы ни случилось.

Внезапно заполнявший собор непрерывный гул усилился, прервав размышления Танкреда. На несколько ступеней центрального алтаря взошел облаченный в изумрудную рясу служителей ордена Святого Северина священник и, воздев руки, призвал к молчанию. Поток переполнявших пространство голосов понемногу иссяк, и в относительной тишине святой отец объявил:

– *Milites Christi!* Духовный вождь и *Praetor peregrini* крестового похода: Петр Ащенский, называемый Пустынником.

Через один из трансептов в неф вошел человек, и на толпу пала тишина. Все не сводили глаз с вновь прибывшего, глядя на него с почтением, смешанным с изумлением.

Это был высокий и исхудалый, аскетического вида, с твердым взглядом, выстриженными тонзурой волосами и безбородым лицом, в длинном черном облачении с колораткой[32], строгом и ладно подогнанном. Все в нем выражало суровость и непреклонность, но в глазах словно мерцал внутренний огонь, некое бурление, остающееся под строгим контролем. Он был таким, каким Танкред и представлял его себе по проповедям и наставлениям, и выглядел так же, как в тех редких случаях, когда он появлялся на информационных каналах. Самые ярые поклонники считали его святым. Никак не меньше.

Быстрым шагом пройдя через собор, Петр Пустынник поднялся под балдахин и остановился перед алтарем. И совершенно спокойно оглядел собравшихся. Слегка откинув голову назад и устремив глаза в бесконечность, он на несколько мгновений замер в позе человека, пребывающего в полном согласии с самим собой, словно хотел напитать окружающее пространство своим присутствием, прежде чем начать проповедь.

В соборе воцарилась полная тишина.

Он воздел руки и обвел толпу горящими глазами. Его отчетливый голос заполнил все вокруг, и все почувствовали, как их электризует звучащий в нем огонь:

---

[31] На всю жизнь *(лат.)*.

[32] *Колоратка*, или римский воротник, – элемент облачения священнослужителей в западных церквях: жесткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой, надевающийся под сутану.

– *О сыны Божии!*

Слова прозвучали как молитвенный призыв, и их эхо долгие секунды звенело в огромном пространстве собора.

– О сыны Божии! Поклявшись Господу поддерживать мир в ваших странах и верно служить Церкви в защите ее прав, вы сможете получить награду, обратив ваше мужество на выполнение иной задачи. Это дело касается Бога и каждого из вас. Ваш долг немедля прийти на помощь братьям, еще остающимся на Акии Центавра. А если не осталось живых, которых вы могли бы спасти, вы должны отомстить за их незаслуженную гибель!

Последние слова Петр Пустынник почти выкрикнул, и Танкред увидел, как все внимание присутствующих сосредоточилось на проповеднике. Даже аристократы из первых рядов, обычно склонные оставлять экзальтацию на долю плебса, приоткрыли рты и подались вперед.

– Как большинство из вас уже знает, несколько лет назад отправившаяся на эту планету миссионерская экспедиция сделала там необыкновенное открытие: они нашли истинную гробницу Христа, возведенную в самом сердце варварского безбожного города! Мы все были потрясены этим необычайным знаком судьбы: Всемогущий указал нам, что мы следуем верным путем и должны быть тверды в нашем выборе. В своей великой мудрости руководители миссии от имени единственного истинно христианского народа Вселенной – человечества, объявили о правах на это место. Ответ туземцев был ужасен. Они зверски убили миссионеров. Тысяча мужчин, женщин и детей пала под их ударами.

Отныне эти варвары, эти языческие создания, порожденные самим дьяволом, безнаказанно оскверняют своим присутствием и мерзкими ритуалами благословенную планету, избранную Создателем, дабы принять людей в свое лоно. Но величайшая задача, которую мы должны осуществить во имя Его, есть не что иное, как освобождение гроба Его Сына, святилища, хранящего останки Его телесной оболочки. Однако, стремясь устрашить нас, лукавый направил свои легионы, и эти монстры постоянно порочат своим присутствием вновь обретенный Гроб Господень.

Посему я вас призываю и умоляю – и это не я вас призываю, но сам Господь, – вас, провозвестников Христовых, к какому бы слою общества вы ни принадлежали, рыцарей или пехотинцев, богатых или бедных, отправиться на Акию Центавра отомстить за смерть наших христианских мучеников и оттеснить убивший их зловредный народ подальше от Божественного святилища. Я говорю это всем присутствующим здесь и возвещаю отсутствующим: этого требует Христос!

Теперь Петр впал в настоящий транс. От обилия картинных жестов с него лил пот, речь стала прерывистой, будто требовала от него огромных усилий. Загипнотизированное его мистической аурой, собрание завороженно внимало его горячим призывам. Танкред бросил взгляд на братьев Турнэ и увидел, что они тоже впились глазами в проповедника. Спросил себя, почему же он сам не впадает в экстаз от того, что слышит, почему его не отпускает легкое беспокойство, мешая полностью включиться в это коллективное причащение.

– Всем, кто отправится в путь и умрет в дороге или же лишится жизни в сражении с язычниками, будет даровано отпущение грехов. Властью, полученной от самого Господа, я даю его всем участвующим в этом походе. Какой позор, если народ столь презренный, столь низменный, раб демонов, возьмет верх над нацией, которая следует стезе Господней и почитает себя христианской! Идите же в бой против неверных – бой, достойный участия в нем и неизбежно ведущий к победе. Будьте отныне рыцарями Христа! Бейтесь за правое дело против варваров и получите вашу вечную награду! Что же до неимущих, обездоленных и бесшипников, тех, кто изнурял себя в ущерб телу и душе, они будут трудиться во имя двойной чести и награды. На Земле они были печальны и бедны, там они будут веселы и богаты. *Все вы были здесь слугами Всевышнего; там вы станете Его друзьями!*

Речь была встречена долгими и бурными приветственными возгласами. Собравшиеся ликовали и кричали «виват». Некоторые плакали от радости. Одни падали на колени и судорожно сжимали ладони в страстной молитве, другие, воздевая руки, заклинали Вседержителя даровать успех походу.

Все еще задыхаясь, Петр Пустынник обвел толпу медленным взором, его пламенеющие зрачки выхватывали то одно лицо, то другое. Танкред обратил внимание, что кое-кто, в стремлении как можно дольше оставаться в луче его глаз, почти неуловимо перемещается, следуя за взглядом проповедника, отчего в толпе как будто образовывались волны. От этого возникало поразительное ощущение, как если бы Петру удавалось чисто физически внушать свою волю, увлекая людей одной только силой своего взгляда.

Однако Танкред никак не мог избавиться от тягостного чувства внутреннего дискомфорта, упорно мучившего его с самого начала, причем до такой степени, что ему становилось неловко перед окружающими, которые всеми доступными способами проявляли свой энтузиазм. Напрасно кто-то, желая поделиться радостью, дружески хлопал его по плечу: Танкред держался отстраненно. Бросив взгляд в сторону Энгельберта, он увидел, что тот хоть и выглядит более-менее спокойным, но растроган проповедью до слез, а Льето, захваченный всеобщей эйфорией, выражал свой восторг, крича и свистя вместе со всеми остальными.

Трифорий[33] в верхней части собора был пуст, потому что власти предержащие решили, что слишком опасно было бы запустить сюда толпу, желающую послушать проповедь. Излишне разгорячившиеся люди могли бы, перегнувшись через балюстраду, свалиться вниз.

Однако что-то шевельнулось за колонной, что-то темное, почти неразличимое в царившем там полумраке. Оно медленно перемещалось и на мгновение попало в луч света. Силуэт в черной рясе, отражающий так мало света, что он казался оптической дырой в окружающей среде. Просто тень среди теней.

Силуэт задержался еще на мгновение, оглядывая всю картину из своего уединенного убежища, затем развернулся и исчез, никем не замеченный.

Закончив проповедь, Петр Пустынник покинул возвышение, а система общего оповещения напомнила мужчинам и женщинам «Святого Михаила», чтобы они держались ближе к своим ячейкам, так как старт состоится менее чем через четыре часа. Танкред и братья Турнэ вышли из высоких соборных дверей и направились в свой отсек.

– Клянусь Господом, какая выдающаяся проповедь! – воскликнул Льето. – Теперь, когда я своими глазами увидел, с какой легкостью Петр Пустынник воодушевил огромную толпу, я куда лучше понимаю, почему он так прославился.

– Верно, у этого человека великая сила убеждения, – согласился Энгельберт.

– Уверен, если бы он приказал, большинство присутствующих без колебаний выбросились бы в космическую пустоту! – со смехом добавил Льето. Внезапно его, казалось, осенила новая мысль. – Знаете, до сегодняшнего дня меня не слишком волновала цель нашего путешествия. Мне было важнее принять участие в самой крупной военной кампании всех времен. Но сейчас, прах меня побери, этому человеку удалось придать смысл моему решению. Те твари должны заплатить за свое преступление! Ешкин кот, как представлю, что высаживаюсь на эту планету, так в ногах сразу мурашки бегут, а пальцы сами тянутся к спусковому крючку! Долго же придется ждать, целых полтора года!

---

[33] *Трифорий* – в церковной архитектуре узкая невысокая галерея, расположенная в толще стены над арками, отделяющими боковые нефы от среднего.

– Да, поучение Петра было до крайности убедительным, – произнес Энгельберт, немного смущенный воинственным пылом брата. – Есть что-то почти… сверхъестественное в такой способности заставить других разделять твое ви́дение, порыв, столь пламенную веру…

– Скажи-ка, Танкред, – прервал брата Льето, – ты, похоже, не в восторге от услышанного. Тебе проповедь не понравилась?

Вопрос застал Танкреда, который не участвовал в разговоре, а просто слушал, как оба брата выражают свои восторги, врасплох. Он не разделял общего энтузиазма, и это было заметно. Однако ему было бы очень сложно объяснить почему. В чем причина внутреннего замешательства, не покидавшего его в течение всей проповеди?

– Просто… меня немного разочаровало содержание его речи…

– Разочаровало? – удивился Энгельберт. – А чего же ты ждал?

– Ну, может быть, не такого… исступления. Я хорошо изучил реакции людей на поле боя, и можешь мне поверить, совершенно не обязательно, чтобы в сражение их толкали гнев или ненависть. Напротив, стоит им впасть в неистовую воинственность, как становится трудно поддерживать дисциплину. Петр мог бы, например, подробнее объяснить причины этой кампании, чтобы все хорошо понимали, за что мы будем сражаться.

– Да ладно тебе, – возразил Льето, – это же проповедь, а не лекция по геополитике. Большинство солдат ничего не понимают в таких высоких материях, и я первый. Все, что нам нужно, – это ясный и простой повод драться.

– Тут я согласен, – признал Танкред. – И сознаю, что призыв к крестовому походу должен в первую очередь пробуждать всеобщий энтузиазм и воодушевление…

– …но ты бы предпочел нечто более умеренное, – заключил Энгельберт. – Чтобы Петр Пустынник не рисовал эти создания *истинными* приспешниками Сатаны.

– Что-то вроде этого, – кивнул Танкред, благодарный Энгельберту за то, что тот помог прояснить его мысль. – Я согласен, что эти создания нечестивы, следовательно, в качестве таковых должны быть повержены, а затем изгнаны из всех христианских пределов. И все же я сомневаюсь, что они действительно адские отродья.

Говоря это, Танкред отчетливо осознавал, что кривит душой, и прежде всего по отношению к самому себе. Его внутреннее смятение точно не имело никакого отношения к давнему христианскому спору между теми, кто видел везде след лукавого, и теми, кто полагал, что человек не нуждается в помощи дьявола, чтобы творить зло. Нет, он отлично знал истинную причину и делал все возможное, чтобы не дать этим мыслям всплыть на поверхность из глубин своего подсознания.

– Ладно, поторопимся, – бросил он, чтобы скрыть неловкость. – Я не хочу, как вчера, битых полчаса искать место в столовке.

– Ты прав, – согласился Льето, – иначе придется лопать на полной скорости, чтобы успеть к старту.

* * *

Ч – 3:52

Петр Пустынник был счастлив. Его проповедь имела ожидаемый успех, и даже больше того. Помимо бурного одобрения толпы, он ощутил тот порыв воодушевления, что пронесся среди собравшихся, ту электризацию умов, которые, когда ему удавалось их добиться, приводили его в состояние высшего экстаза. Это доставляло ему такое острое удовольствие, что у него иногда даже возникало чувство вины, словно он совершал нечто греховное. Но он раз и навсегда решил для себя, что будет считать эти нравственные сомнения пустыми придирками, ибо трудился во имя величайшего дела: дела Божьего.

Проповедь отняла у него столько сил, что, когда он вышел из центрального нефа, ему пришлось ненадолго присесть. Мгновенно к нему устремилось множество дьяконов, протягивающих ему стакан воды, утирающих лицо прохладными салфетками и помогающих снять длинное черное облачение, которое он упорно носил, несмотря на занимаемые теперь высокие посты. Этот явный знак смирения представлял для него очень значимый символ.

Радость, снизошедшая на него после окончания проповеди, была внезапно омрачена появлением широко улыбающегося папского легата, епископа города Пюи Адемара Монтейльского.

– Мой дорогой Петр, я непременно хотел быть первым, кто вас поздравит!

Означенный Петр встал и, приветствуя прелата, склонил голову. Было заранее обговорено, что в силу особых обстоятельств военной кампании от обычно соблюдаемого священниками по отношению к епископу протокольного этикета временно откажутся. В качестве *Praetor peregrini* данного крестового похода Петр не мог склониться и поцеловать перстень епископа, будь то даже Адемар Монтейльский.

– Какая великолепная проповедь! Какая пылкая речь! Как должен возрадоваться Господь, когда подобные слова возносятся к Нему!

Петр ответил вежливой улыбкой, хотя, будь его воля, лучше закатил бы ему пощечину. Лицемерие прелата было отвратительно; ни для кого не секрет, что Адемар предпочел бы увидеть, как труп Петра выносят из Камеры забвения, нежели явиться с такого рода изъявлениями восторга. Однако политическая необходимость рассудила по-другому.

Возвышение Петра Пустынника на протяжении двух последних лет оказалось головокружительным. Этот амьенский монах впервые привлек к себе внимание в 2202 году, когда вопреки всем военным запретам совершил паломничество к руинам священного города – Иерусалима. Он отправился пешком, увлекая за собой толпу правоверных, коих и довел до средиземноморских границ НХИ: до западного побережья Босфора. Там он пустил в ход все средства, чтобы получить разрешение и технические возможности, дабы пересечь пролив, чем привлек к себе внимание всех средств массовой информации христианского мира. Кем был этот блаженный, желающий с риском для жизни попасть на зараженную радиацией землю и втянувший в эту авантюру тысячи паломников? Так и не добившись желанного разрешения, он встал временным лагерем на берегу Эгейского моря, твердо решив любым способом выкрутить властям руки.

И там во сне ему однажды ночью явился Христос.

Сын Божий приказал ему присоединиться к сражению с неверными и поднять армию, дабы привести христиан к победе. Вечно жадные до сенсаций информационные каналы коршунами набросились на событие, неустанно донося до общего сведения любое заявление этого увлекающего за собой толпы монаха.

А поскольку всего лишь несколькими месяцами ранее был объявлен крестовый поход на Акию, Петр ни на мгновение не усомнился в значении полученного им послания. Босой и в одной рясе, он пустился в путь к Риму, неся от города к городу проповедь священной миссии во исполнение воли Всевышнего. Его ораторские таланты были таковы, что поток кающихся грешников без конца нарастал, а идея крестового похода – и без того всячески пропагандируемая средствами информации – мало-помалу обрела действительно внушительную силу.

Политические комментаторы не ожидали, что верховный понтифик согласится принять этого блаженного, однако двери Ватикана широко распахнулись перед ним. Отчет о встрече гласил, что обе стороны по достоинству оценили друг друга. Для Урбана было приятной неожиданностью увидеть перед собой человека пылко верующего, но обладающего живым и ясным умом, вполне способного уловить все нюансы обязательных условий, которые выдвигает операция такого масштаба, как крестовый поход; Петр же был ослеплен встречей с этой почти мифической личностью, первым папой после Великого Хаоса и человеком, возродившим идею

Dominium Mundi. Поэтому проповеднику, разумеется, было предложено принять участие в крестовом походе.

Следует заметить, что в тот момент на роль руководителя этой военной экспедиции прочили епископа города Пюи Адемара Монтейльского. Уже много лет он был папским легатом, посланником, сумевшим добиться особенно больших успехов при различных европейских дворах, а главное – давнишним другом брата короля Франции, Гуго де Вермандуа, будущего капитана «Святого Михаила». Если с политической точки зрения все эти достоинства делали его наиболее вероятным главой крестового похода, то для средств массовой информации он был темной лошадкой. И вот, едва увидев появившегося в ближайшем окружении Урбана Петра Пустынника, епископ мгновенно понял, что этот харизматичный проповедник его затмит.

И действительно, с течением месяцев слава Петра только росла. Он не щадил себя, чтобы увлечь за собой толпы, и результатом его усилий стала мобилизация такого количества народа, что под конец многим даже приходилось отказывать. Стало очевидным, что Урбан IX колеблется, не зная, кого из двоих выбрать. Чувствуя, что проигрывает, Адемар прибег к неприглядным маневрам, стараясь подорвать влияние Пустынника и запятнать его репутацию, для чего организовал клеветническую кампанию в прессе, которая распространяла самые дикие измышления. Однако эта стратегия грешила очевидностью и привела только к еще большему росту популярности Петра, превратив его в единственного достойного представителя христианского народа, от которого в высших сферах попытались избавиться самым постыдным образом.

Несмотря на все свои усилия, в тот день, когда канал HB-9 в утренней передаче сообщил в прямом эфире, что Адемар страдает одной из тех неизлечимых генетических болезней, которые появились после Войны одного часа, епископ получил последний удар. Это открытие *ipso facto*[34] ставило его вне игры в том, что касалось командования долгосрочной военной экспедицией. Никто так никогда и не узнал, каким образом подобная информация попала к журналистам, но она стала решающим фактором.

В тот же день Петр Пустынник был официально объявлен *Praetor peregrini*. А также стал верховным судьей армии крестоносцев, ее главнокомандующим и религиозным лидером.

Адемару же Монтейльскому предстояло принять участие в походе только в качестве папского легата. Роль, конечно, почетная, но исключительно совещательная; он будет заседать в Совете крестоносцев, но не иметь в нем реального влияния.

И вот теперь, после такого падения, он как ни в чем не бывало явился ломать комедию перед своим давним соперником – человеком, похитившим у него пост, о котором он так мечтал, должность, которая увенчала бы его карьеру, – как если бы он *действительно* восторгался проповедью Петра.

– Монсеньор, я счастлив, что моя проповедь вам понравилась.

– Просто поразительно, какое воздействие на толпу всегда производят ваши речи, мой дорогой Петр.

– Я лишь смиренно стараюсь быть наилучшим глашатаем слова Божия.

– В действительности вы играете гораздо большую роль! – продолжал рассыпаться Адемар, медоточивый как никогда. – С таким апологетом, как вы, можно не беспокоиться о воцарении истинной веры. Лично я убежден, что не существует ни одного безбожника, которого вы не смогли бы обратить.

Намерение епископа обиняком низвести его до уровня простого коммивояжера никоим образом не ускользнуло от Петра, ощутившего, как внутри у него вспыхивают искры гнева. Ему хотелось ответить, что с Божьей помощью он мог бы постараться обратить даже некоторых епископов, но пришлось ограничиться улыбкой и легким наклоном головы. Адемар продолжал:

[34] Самим фактом *(лат.)*.

– Его святейшество лично поручил мне передать вам свои поздравления с этой проповедью *ad gloriam Dei*[35].

Петр не сумел сдержать удивления:

– Урбан Девятый нашел время прослушать мою проповедь?

И тут же пожалел о своем вопросе. Если папа его поздравляет, значит он его слушал. Петр разозлился на себя за слишком поспешно вырвавшиеся слова. Он постарался овладеть собой и поспешно продолжил:

– Он оказал мне большую честь, я знаю, как мало времени оставляют ему дела империи.

– Верно, но он всенепременно пожелал лично отследить этот решающий этап крестового похода. Я должен был связаться с ним после вашей проповеди по другим поводам, и он не скупился на похвалы вашей пламенной речи.

Петр подумал, что, если Адемар и дальше будет упражняться в своем лицемерии, рано или поздно у него изо рта потечет желчь.

– Я вам глубоко признателен, монсеньор.

Кто-то порывисто вошел в помещение, переключив на себя внимание обоих священнослужителей. На вновь прибывшем была широкая, расшитая золотом коричневая накидка и тяжелые кожаные сапоги, громко клацающие по металлическому полу. Темные брови, перечеркивающие квадратное лицо, прямой нос над короткой ухоженной бородой. Молодые дьяконы расступились, а льстивое выражение мгновенно исчезло с лица Адемара Монтейльского.

– Роберт Нормандский! – воскликнул Петр Пустынник громким голосом, в котором прозвучала нотка неудовольствия. – Вам удалось пропустить мою проповедь!

Роберт де Монтгомери, герцог Нормандии, прошел вперед со странным выражением – смеси суровости и раскаяния – на лице.

– Можете поверить, мне искренне жаль, мой дорогой Петр, но я только что поднялся на борт. К несчастью, меня задержало начало мятежа в одном из моих владений…

Вслед за ним вошел другой человек, моложе, но с таким же непреклонным видом. И застыл в трех шагах позади герцога.

– На ваших землях всегда мятежи, – с раздражением заметил Петр Пустынник.

Роберт приблизился к Адемару Монтейльскому, глядя ему прямо в глаза. Тот выдержал его взгляд, но невольно слегка откинул голову. Это непроизвольное движение не ускользнуло от внимания Роберта, и на лице у него появилась дерзкая ухмылка, когда он наклонился, чтобы поцеловать перстень. Потом он обернулся к Петру и, не меняя жесткого выражения лица, неожиданно ответил ему почти жалобным, совершенно не идущим ему тоном:

– Поймите же, дорогой Петр, даже при всех современных военных технологиях сеньору всегда будет сложно сохранять порядок на столь обширных землях.

Епископ, который явно чувствовал себя не в своей тарелке с момента появления герцога, предпочел откланяться:

– Хм… господа, к сожалению, вынужден вас оставить: до старта мне нужно еще кое-что уладить в моем ведомстве.

Роберт де Монтгомери в ответ проговорил «монсеньор», но Петр повел себя более официально:

– Ваше присутствие на моей проповеди было для меня честью, монсеньор.

Адемар в последний раз обернулся, чтобы ответить вежливой улыбкой, затем быстрым шагом вышел из помещения под непроницаемым взглядом спутника Роберта.

Петр Пустынник отослал присутствующих дьяконов, и они остались одни.

– Я хотел бы представить вам моего нового ближайшего помощника, – заговорил Роберт, указывая на сопровождающего его человека.

---

[35] К славе Божией *(лат.)*.

Тот подошел ближе и почтительно склонился перед Петром.

– Его зовут Арган. Я полностью ему доверяю и полагаю, что он будет крайне полезен нам на борту.

Петр посмотрел на доверенное лицо Роберта и не смог сдержать презрительную гримасу. Герцог явно нанял на службу бандита. Арган уловил реакцию проповедника, и в его глазах блеснула молния. Но он не выказал ничего больше, только отступил, в знак почтения склонив голову.

– Вы уже в курсе новостей относительно Годфруа Бульонского? – спросил Роберт де Монтгомери.

– Нет, о чем речь?

– Он положил конец своей распре с Боэмундом Тарентским, которая тянулась с две тысячи сто девяносто восьмого года. Годфруа официально отказался от намерения разместить германскую военную базу в Валоне и покинул те места, развязав таким образом Боэмунду руки и оставив за ним контроль над обоими берегами пролива Отранто.

– Не понимаю. Ведь такова была воля самого германского императора, а Годфруа относится к числу его сторонников. Так какого же черта он делает подобное одолжение какому-то сицилийскому нормандцу?

– Действительно, в этом нет ни малейшего военного смысла. Что меня и беспокоит.

– Не говорите загадками, Роберт! – резко оборвал его Петр.

– Я полагаю, что в этом есть *политический* смысл, – пояснил Роберт, тщательно выделяя каждое слово.

Войдя в ближайшее окружение Петра, Роберт научился бестрепетно выдерживать перепады его настроения. К тому же он давно понял, что проповедник не выносит, когда ему дают понять, что ему не хватает политического или дипломатического чутья. Вообще говоря, Петр Пустынник был вынужден уделять внимание такого рода соображениям только с момента, когда официально встал во главе крестового похода, и в этой области чувствовал себя как в новой, плохо подогнанной одежде.

– Ваши намеки означают, что лагерь умеренных усиливается? – уточнил Петр.

– По-моему, это единственно возможное объяснение столь неожиданного сближения.

– Да, это действительно может создать некоторые затруднения, но Годфруа абсолютно предан папе, возможно даже больше, чем своему императору. А потому я не разделяю вашего беспокойства.

– Конечно, отец мой. Вполне вероятно, вы правы, – ответил Роберт с едва заметной улыбкой на губах.

Петр Пустынник нахмурился и едва не повысил тон при виде этой завуалированной иронии, но герцог Нормандский уже развернулся и, отвесив легкий поклон, в сопровождении своего помощника покинул помещение.

* * *

Ч – 00:58

Меньше чем за час до запуска двигателей весь «Святой Михаил» охватило огромное возбуждение. Все члены экипажа были заняты подготовкой к великому отбытию, отлаживая последние детали или с лихорадочной поспешностью выполняя последние инструкции.

Каюта номер 48–57 не избежала общей лихорадки, и все солдаты 78-го подразделения П/К суетились, производя адский шум, или же в сотый раз просили разъяснить процедуру индивидуальной изоляции в ячейке. Танкред осуществлял общий контроль над подготовкой, стараясь не терять спокойствия и безостановочно повторяя одни и те же указания:

– Вы должны ввести свой персональный код через персональный терминал вашего спального места и активировать команду *взлет*. Не спутайте с командой стазис-сна, это надо будет сделать позже! Понятно? Затем вы ложитесь с голым торсом, и за десять минут до отлета прозвучит первый общий сигнал, который скомандует вам улечься в своей койке.

– А раздеваться догола, господин лейтенант? – смущенно спросил один из солдат.

– Нет, солдат, только до пояса!

Послышались смешки, парень вдруг сильно побагровел. Льето, который заметил, как брат сокрушенно вздохнул, поражаясь глупости отдельных представителей рода человеческого, не удержался от желания подколоть его:

– Эй, Энгельберт, знаешь, как техники называют предсветовые реакторы?

– Нет.

– «Адовы пасти»… – с широкой удовлетворенной улыбкой сообщил тот.

– Шайка безбожников, – сердито проворчал Энгельберт.

Танкред продолжал набивший оскомину инструктаж:

– Заняв горизонтальное положение на койке, подключите два электрода, которые находятся в отделениях с пометкой ECG слева от спального места. Один вы прикрепляете в области сердца, другой слева в паху…

– Хм… простите, господин лейтенант, – снова прервал его тот же солдат. – Пах – это ведь под мышкой? Верно?

На этот раз хохотом разразилась вся каюта, и Танкред сделал глубокий вдох, чтобы не взорваться. Он подошел к слегка заторможенному парню, который отступил на шаг, увидев, как этот здоровяк с раздраженным видом надвигается на него. Танкред взял его за руку и приложил ладонью к тому месту, где смыкались ляжка и живот:

– Это тут, солдат!

В этот момент в каюту влетел запыхавшийся от бега адъютант и окинул взглядом помещение. Пытаясь перекрыть гвалт, он прокричал:

– Лейтенант Танкред Тарентский! Будьте любезны!

Тот, услышав свое имя, обернулся:

– Чего тебе, христианин?

– Лейтенант, меня послал за вами ваш дядя, сеньор Боэмунд. Он желает, чтобы вы немедленно пришли к нему.

Танкредом мгновенно овладело раздражение. Он взошел на корабль уже сорок восемь часов назад, а дядя изыскал возможность вызвать его только за сорок пять минут до отлета.

– Сейчас? Ты уверен?

– Да, господин лейтенант. Он ждет вас у входа в гексагон.

Значит, у входа в сектор их кают. Не так уж далеко, это не займет слишком много времени. Он обернулся и подозвал старшего прапорщика Юбера, следующего по старшинству в подразделении после него самого:

– Мне нужно отлучиться ненадолго, старший прапорщик. Замените меня и повторяйте инструкции, пока не будете уверены, что все их действительно поняли.

– Слушаюсь, мой лейтенант, – кивнул Юбер.

– Отлично, иду, – сказал Танкред адъютанту.

Они двинулись по коридорам, петляющим между общими каютами шестигранника, кое-как пробираясь сквозь бурлящую там толпу солдат. Боэмунд поджидал их у входа в отсек, стоя у перил и рассеянно следя за суетой на внутренней палубе. Казалось, он не обращал внимания на удивленные взгляды пробегающих мимо солдат, не ожидавших увидеть столь высокопоставленное лицо в месте своего расквартирования.

На первый взгляд сложно было уловить хоть какое-то родственное сходство между ним и Танкредом – настолько разными были эти двое мужчин. Но если приглядеться внимательней,

становилась заметна та же решительность во взгляде, та же сдержанная свирепость, которая и сделала из них знаменитых воинов.

Несмотря на седеющие волосы и легкую склонность к полноте, в свои сорок пять Боэмунд оставался благородным воином, выглядящим весьма внушительно в облегающем мундире и коротком плаще сицилийских нормандцев. Едва заметив Танкреда, он, распахнув руки, как для объятия, всем телом развернулся к нему и широко улыбнулся:

– Танкред, наконец-то! Рад тебя видеть.

Он дружески потряс его за плечи, однако от крепких объятий воздержался. Боэмунд всегда держал племянника на определенной дистанции и, несмотря на связывающие их тесные узы, так и не стал ему по-настоящему близким человеком.

– Дядюшка, я тоже рад вас видеть. Уж и не думал, что до отлета представится такой случай.

– Да, знаю, мне следовало бы заглянуть к тебе раньше, но, как ты сам понимаешь, у меня было много работы на корабле в связи с последними приготовлениями. Совет крестоносцев требует постоянного внимания.

– А, так сеньоры уже начали проводить совещания?

– Разумеется. С первого дня, едва взошли на борт. Чтобы собрать Совет, Петр не стал дожидаться, пока выступит со своей проповедью.

– Вы слушали его сегодня утром?

– Хм… нет. Я был занят. Как раз в это время мне пришлось отвлечься на решение одного безотлагательного вопроса. – Он подался вперед, чтобы быть к Танкреду поближе, и понизил голос: – Однако, откровенно говоря, мне и необязательно было присутствовать, чтобы знать, о чем пойдет речь. Его магическая сила, так действующая на толпу, всегда обходит меня стороной. Проповеди Петра обычно оставляют меня безучастным и даже имеют неприятную особенность нагонять на меня тоску. Слишком много поучений, призывов гнева Божьего и упоминаний всех святых подряд по христианскому календарю. Я, Танкред, искренне считаю, что война, какой бы священной она ни была, выигрывается на поле боя и благодаря хорошей стратегии.

Танкред про себя отметил, что отреагировал так же, но по другим причинам. Дядю смущала не столько форма высказываний, сколько их расхождение с чисто военным подходом. Что и неудивительно – Боэмунд всегда был прагматиком, и какому-либо обстоятельству следовало превратиться в реальное препятствие, чтобы привлечь его внимание. В своих проповедях Петр Пустынник мог распинаться как угодно, лишь бы это не мешало военачальникам вести боевые действия по своему усмотрению.

Дядя взял его под руку, и они сделали несколько шагов, продолжая беседовать.

– А как твои родители? – продолжил Боэмунд. – Я не связывался с ними вот уже несколько месяцев, думаю, сестра наверняка заклеймила меня позором!

– Вряд ли, – с легким смешком ответил Танкред, – она привыкла. Сейчас у них все нормально, но чуть больше месяца назад у отца был приступ, который отправил его на неделю к госпитальерам.

– Приступ? Но все обошлось?

– Да. Они провели ему клеточную реконструкцию, и, по его собственным словам, теперь ему кажется, будто у него сердце двадцатилетнего!

– Реконструкцию? Проклятье, это же стоит целого состояния! Разве имение приносит такой доход?

– Хм… на самом деле пришлось частично взять под залог в аббатстве Жюмьеж.

Боэмунд резко остановился:

– Брать под залог? И к тому же в аббатстве? Какое безумие! Вам ни в коем случае не следовало на это соглашаться.

– Отец был в критическом состоянии, у нас не было времени искать другой выход.

– Бог мой, нужно было обратиться ко мне, Танкред! Я бы обязательно помог.

– Знаю, дядя. Но мать не захотела, для нее это вопрос принципа.

– Пошла она к дьяволу со своими принципами! Она всегда считала делом чести со всем справляться самой, не обращаясь ни к кому за помощью. Благородная позиция, пока она не заставляет закладывать фамильное имение! Это часть твоего наследства, Танкред, ты хоть отдаешь себе отчет?

Танкред прекрасно отдавал себе отчет. На самом деле он пытался переубедить мать, но безрезультатно. Он знал, что следовало проявить больше твердости и что, когда отца не станет, именно ему придется взять на себя бразды правления кланом, а значит, он должен быть к этому готов. Но долгие годы военной службы, проведенные вдали от семьи, зародили в нем смутное ощущение некоторой утраты законности своего положения как владельца и наследника. От этого он терялся, как если бы упрекал самого себя в том, что не выполняет обязательств, которыми его никто на самом-то деле и не наделял. Наверняка эти чувства отразились у него на лице, потому что Боэмунд внезапно смягчился.

– Ну вот, я тебя уже отчитываю, хотя мы не виделись столько недель. Ты же знаешь, я тебя понимаю, должно быть, как никто другой, Танкред, я-то слишком хорошо знаю, в какие трудные обстоятельства может вогнать военное ремесло человека, надолго отдалив его от близких. В конечном счете кто знает, проявил бы я больше прозорливости, оказавшись на твоем месте.

Танкред ответил ему легкой улыбкой – он оценил этот знак внимания.

Дядя продолжил:

– На самом деле я пришел кое-что тебе сказать. Момент, конечно, не лучший, но я не уверен, что сумею повидаться с тобой вскоре после старта.

– Слушаю вас, дядя.

– Я только хотел сказать, что на борту – и в более широком смысле, во время этой кампании – я буду вынужден вести себя с тобой так, как если бы ты не был моим племянником.

Танкред нахмурился, не понимая, куда клонит Боэмунд.

Тот не замедлил уточнить:

– Разумеется, я говорю исключительно об официальных обстоятельствах. Когда мы будем встречаться в неформальной обстановке, я буду вести себя как обычно. Однако на публике или если речь зайдет о тебе в связи с делами военными, я не могу допустить, чтобы у кого-то создалось впечатление, будто я отношусь к тебе по-особенному.

Танкред по-прежнему не мог понять, зачем дяде понадобилось специально вызывать его на разговор, чтобы высказать все это. У него мелькнула мысль, что Боэмунд, возможно, узнал о его принадлежности к ордену Храма, и он ощутил смутное беспокойство. Однако немедленно отбросил такое предположение. Если бы Боэмунд действительно что-то услышал, он вел бы себя не так непринужденно, а, наоборот, наверняка пришел бы в ярость.

– Разумеется, дядя, так всегда и было, и я никогда не ожидал от вас особых привилегий.

Боэмунд с явным удовлетворением положил руку ему на плечо:

– Да-да, конечно, Танкред. Я прекрасно знаю, не беспокойся. Мне просто хотелось на всякий случай прояснить этот момент в наших отношениях. В конце концов, мы ведь впервые вместе участвуем в одной военной кампании.

По всем коридорам разнесся сигнал общего вызова:

До времени «Ч»[36] *менее тридцати минут. До времени «Ч» менее тридцати минут. Персоналу занять свои места в ячейках, прекратить всякую деятельность и перейти в режим взлета. Приказ подлежит немедленному выполнению.*

---

[36] *Время «Ч»* – время начала операции (армейский термин).

– А, думаю, мне пора идти, – сказал Танкред. – Я еще должен проверить, правильно ли подготовилось мое подразделение.

– Конечно, конечно! Я постараюсь сделать так, чтобы мы виделись чаще, чем раньше. В конце концов, мы же на борту одного корабля, – добавил Боэмунд, улыбаясь, – так что это будет проще, верно?

Они снова обнялись, и на этот раз по-настоящему. Может, дядя тоже немного нервничал перед отлетом.

Вернувшись в каюту, Танкред увидел, что все его люди, болтая и перешучиваясь, уже расположились по ячейкам на койках. Старший прапорщик Юбер ждал его, чтобы самому подготовиться. Танкред поблагодарил прапорщика за то, что тот подменил его, и оба тоже устроились на своих местах.

Хотя его люди весело балагурили в ожидании сигнала к отбытию, Танкред различал в их голосах тревожные нотки. Их беспокойство нарастало по мере приближения старта. Он припомнил, что сам всегда относился к этому моменту как к простой рутине, не заключавшей в себе никакого риска. Но в то же время вероятность воспламенения при старте, какой бы малой она ни была, все-таки не сводилась к нулю. Он вдруг ощутил, что у него стали мокрыми ладони, когда вообразил, как кабину вдруг заполняет раскаленный газ, испепеляя все на своем пути, пожирая тела и… *Прекрати!* Он заставил себя думать о чем-то другом, хотя теперь прозвище реакторов – Адовы пасти – показалось ему куда менее остроумным.

Натянув предписанные уставом тонкие хлопковые штаны, он улегся на койку и прицепил к себе два электрода, предназначенные для наблюдения за его жизненными показателями. Ремни, которыми он затем пристегнулся, играли скорее символическую роль, поскольку компенсирующие силовые поля, которые скоро сомкнутся вокруг ячейки, должны поглотить все ужасные последствия предстоящей перегрузки.

Громкоговорители в каюте объявили:

> *До времени «Ч» менее пяти минут. Персоналу немедленно занять свои койки.*

Теперь все умолкли или тихонько молились. Танкред следил за высвечивающимися на его панели цифрами обратного отсчета, стараясь изгнать из головы все мысли и расслабить мускулы. Льето не только не беспокоился – он буквально сгорал от возбуждения; Энгельберт с жаром читал последнюю молитву:

> Господь Всевышний и славный Бог, приди
> и просвети тьму моего сердца;
> Дай мне искреннюю веру, твердую надежду
> и безупречное милосердие;
> Дай мне чувствовать и знать, чтобы я мог исполнить святую волю
> Твою, дабы не дала она мне впасть в заблуждение[37].

> *До времени «Ч» менее трех минут. Запуск последнего обратного отсчета. Если кто-либо не смог добраться до своей ячейки, у него есть шестьдесят секунд, чтобы остановить отсчет с любого терминала.*

Льето взмолился, чтобы никто не оказался в подобной ситуации, но не только из альтруизма, а потому, что это прервало бы процесс взлета и потребовались бы, возможно, часы, чтобы заново запускать его. Но никакого сигнала тревоги не прозвучало, и минуту спустя индивидуальные силовые поля были активированы, окружив каждую ячейку мягким пульсирую-

[37] Молитва святого Франциска Ассизского.

щим голубоватым светом. Танкред почувствовал легкое затруднение дыхания и покалывание на коже – эффект воздействия излучения фи, в которое они теперь были погружены.

Время «Ч» менее чем через пятнадцать секунд… четырнадцать… тринадцать… двенадцать… одиннадцать…

Последние секунды обратного отсчета неслись из всех громкоговорителей в гигантских артериях теперь опустевшего корабля, вместившего в себя миллион мужчин и женщин, которые решили отправиться в опасную и непредсказуемую экспедицию, одну из величайших, которые когда-либо предпринимало человечество.

…десять… девять… восемь… семь… шесть… пять… четыре… три… два… один… Пуск.

Сила толчка превзошла все самые пессимистичные страхи. Каждый человек на борту почувствовал его всем телом, несмотря на защиту силовых полей пятого уровня.

Струи раскаленного газа вырвались из всех двенадцати термоядерных сопел «Святого Михаила», мгновенно растянувшись на многие сотни километров. Чудовищный грохот прокатился по всему судну, а выбросы плазмы расширялись, постепенно заполняя все пространство сопел.

В ядре термоядерных реакторов плотность нарастала по экспоненте благодаря действию векторных тяжелых бозонов[38], бомбардирующих со скоростью миллиардов раз в секунду атомы бериллия, накапливающие мощную энергию в объеме диаметром в несколько молекул. Если на этом этапе произойдет сбой, цепная реакция распространится на весь корабль, сминая миллионы тонн металла, как бумагу, чтобы завершиться чудовищным физическим явлением, сингулярностью пространства-времени: черной дырой.

И тут потоки слились воедино, синхронизируя фазы, как голоса в хоре, взрывающиеся в *dies irae*[39]. Температура резко взлетела на тысячи градусов, послав тем самым последний сигнал системе зажигания. Головокружительная энергия, накопленная в бериллиевых реакторах, внезапно освободилась от своих оков и, как свора бешеных собак, сбросивших путы, ринулась в сопла.

Пламя – вспышка, – вырвавшееся из реакторов, зажглось в земном небе и на мгновение затмило сияние солнца, как маяк в зените. Тогда корабль пришел в движение, почти медленно по сравнению с адским пеклом, которое разверзлось позади него, потом все быстрее и быстрее. Люди на борту почувствовали, как на них наваливается давление, вызванное ускорением. Через 180 секунд это ускорение достигло 9,7 процента скорости света, и реактивные сопла были отключены. Им на смену пришли классические силовые установки, чтобы продолжить разгон корабля до необходимых на данной фазе полета 87 процентов. Для достижения этой фазы потребуется четыре месяца, после чего весь экипаж погрузится в холодный сон, чтобы «Святой Михаил» мог набрать пресловутые 175 процентов скорости света, которые и позволят преодолеть отделяющую их от альфы Центавра пропасть за полтора года вместо четырех лет, требуемых фотону.

Было запущено огромное ротационное силовое поле, обеспечивающее судну имитацию почти земного притяжения, а несколькими минутами позже сняты индивидуальные защитные поля ячеек. Мужчины и женщины экипажа поднялись, но с величайшим трудом – настолько их вымотали шесть минут взлета, которые им пришлось перетерпеть.

---

[38] *Бозоны* – один из типов элементарных частиц, служат связующим звеном при слабых ядерных взаимодействиях других частиц. Бозон Хиггса называют «частицей Бога».

[39] День гнева *(лат.)* (подразумевается день Страшного суда) – название известнейшего средневекового церковного песнопения.

Циклопический корабль был уже далеко от Земли и теперь устремлялся к звездам, свет которых едва отражался от его длинного темного корпуса.

Люди оставили позади голубое пятнышко на черном фоне, родной мир, который они покинули ради достижения новых горизонтов, столь же грозных, сколь и притягательных, не зная, сколько времени продлится их изгнание и будет ли ему когда-нибудь конец.

II

Охра. Желтизна. Огонь.

Воздух дрожит и переливается.

Песок – повсюду.

Я чувствую тебя.

Скалы беззвучно распадаются. Камни скрежещут, скатываясь по склону. Слишком много света, он вынужден сощуриться.

Я нашел тебя. Наконец.

Теперь скалы ближе. Но там и в тени жарко. Почти как на солнце. От жары не укрыться. Она душит. Он сгорит, если останется на солнце, он уверен.

Иди сюда.

Это невыносимо. Даже в тени он сгорит. Выдержать невозможно.

Иди сюда.

Темное пятно в тени. Пещера.

Ловушка? Нет, никого. Пусто.

Внутри не так жарко. Он наконец-то скрыт от солнечных лучей.

В пещере ни звука. И однако, она не пуста. Кто здесь?

Я здесь.

Здесь кто-то есть! Он не должен тут оставаться. Это опасно.

Нет, не опасно. Здесь я смогу с тобой говорить. Сюда ты сможешь прийти.

Внутри только песок. Везде и всюду песок. Ни следа влаги. Ни следа жизни. Все здесь выжжено. Надо отдохнуть.

Он так устал…

* * *

12 августа 2204 ОВ[40]

Во рту у Танкреда привкус песка.

Наверняка песчинки попали и в горло, потому что ему дико хочется откашляться. Но придется сдержаться любой ценой, если он не хочет наделать шума. Распластавшись на животе на склоне дюны, он боится лишь одного: вдохнуть по оплошности еще песчинок и рефлекторно закашляться.

Чтобы добраться сюда, им пришлось долгие минуты ползти под палящим солнцем, таща на себе оружие и обильно потея в полном обмундировании, и теперь лица всех двадцати человек первого подразделения 78-го искажала гримаса страдания. Температура на уровне почвы была настоящей пыткой. Если порыв ветра время от времени и вздымал облачко песка, этого в любом случае не хватало, чтобы охладить перегретые тела. Они на несколько мгновений остановились передохнуть, но совсем скоро им предстояло продолжить медленное продвижение по этой пустыне.

Лежащий слева от Танкреда Льето казался совершенно спокойным и вроде бы нимало не страдал от изнурительной жары. Чуть ли не завидуя той легкости, с которой молодой человек переносил окружающую среду, Танкред спросил себя, придет ли день, когда он увидит этого парня выбившимся из сил. Его мысли прервал шепот Энгельберта:

– Мой лейтенант, у меня сигнал.

[40] *ОВ* – Относительное Время.

Танкред перевернулся на спину, чтобы подставить солнцу другую половину тела, и перенес свое внимание на подползшего поближе Энгельберта. У него был характерный затуманенный взгляд оператора, который обращается к кому-то, продолжая отслеживать тактические данные, отражаемые через ИЛС[41], – наложение на забрале его шлема. Полчаса назад, когда они только начали свой путь ползком, он переключил вывод спутниковых данных dirSat[42] на забрало, чтобы свернуть экран на нагрудной пластине. Спутник засек вражескую группу, медленно перемещающуюся в двухстах метрах от их позиции. Отделение продолжало неспешно ползти, стараясь приблизиться к врагу в полной тишине.

– У меня движение в сорока метрах на северо-северо-запад, – снова заговорил Энгельберт, все так же шепотом. – Их около тридцати; может, немного больше.

Танкред прикусил нижнюю губу:

– Черт, больше, чем нас.

Приняв к сведению плохую новость, он, пока Энгельберт пальцем протирал запотевшее забрало с системой ИЛС, спешно прокрутил в голове все возможные стратегии и повернулся к терпеливо дожидавшемуся указаний Льето:

– Твой выход, Льето.

Тот выпрямился, широко улыбаясь:

– Без проблем, лейтенант!

– Да тише ты, дурень! – нервно прошипел Танкред. – Хочешь, чтобы нас засекли?

– Простите, – выдохнул молодой фламандец, переходя на более подходящий регистр. – Что я должен сделать, командир?

– Возьми трех человек и обойди с ними неприятеля с запада. Когда займете позицию, поставишь маячок с имитацией, но с задержкой на пять минут.

– Ладно… – нахмурившись и пытаясь догадаться, что на уме у лейтенанта, кивнул Льето.

– Затем снова обойдешь их, на этот раз с севера, и займешь позицию к востоку от них.

– Хм… простите, лейтенант, но какой смысл ставить имитационный маячок, если они точно знают, где на самом деле находится наше подразделение?

– Возможно, никакого, но не думаю, что они нас засекли. Иначе они непременно уже атаковали бы нас, ведь у них численное превосходство. А главное, как только маячок включится и заставит их детекторы поверить, что мы на их западном фланге…

– …тут-то мы и навалимся с восточного.

– Именно. Результат: они решат, что их взяли в клещи, и укроются на другом склоне своей дюны…

– …и окажутся прямо у вас на линии огня. Отлично, я понял; считайте, уже сделано.

Он включил свой микрофон и тихонько позвал:

– Рено, Людовико и Олинд, живо! Выдвигаемся.

Скользнув к подножию дюны и вызвав небольшие песчаные лавины, покрывшие склон изящными силикатными волнами, четверо солдат бесшумно двинулись на запад. Энгельберт перекатился на спину и развернул экран dirSat нагрудника, чтобы Танкред тоже мог отслеживать передвижения своих людей. Четыре световые точки, на каждой из которых высвечивался личный номер солдата, как и было задумано, быстро, чтобы не быть замеченными, перемещались по широкой эллиптической траектории. Танкред кивнул одному из своих людей, засевших на вершине дюны, спрашивая, молча спрашивая, не засек ли он движение. Тот отрицательно помотал головой. Энгельберт не сводил глаз с белых пятнышек.

– Они окажутся на виду, когда пойдут по восточной стороне… – обеспокоенно прошептал он.

---

[41] *ИЛС* – индикатор на лобовом стекле.

[42] *dirSat* (*от* directe satellite *фр.* – прямая спутниковая) – прямая спутниковая связь.

Танкред мельком взглянул на него, но ничего не ответил. Он думал о том же, но рассчитывал, что благодаря талантам Льето все пройдет хорошо. На экране четыре точки замерли в опасной близости от расплывчатой массы, которая отражала приблизительную оценку, данную dirSat позиции и числу неприятелей. Целую минуту ничего не происходило. В ярко-синем небе немилосердно палило солнце, тишину нарушало только тяжелое дыхание солдат. Затем четыре точки снова пришли в движение и тронулись по пути, проходящему через север зоны.

Танкред включил общий канал:

– Отлично, парни, будьте наготове. Наступление неминуемо. Только не двигайтесь, мы должны до последнего обманывать их детекторы.

Внезапно вдали разнесся пронзительный треск винтовок Т-фарад.

– Уже? – во весь голос воскликнул Танкред. – Вот дерьмо! Маячок еще не заработал, наверняка их просто засекли!

Он поспешно дополз до вершины песчаного склона и вырвал бинокль из рук наблюдателя. И сразу же увидел четырех солдат на верхней части дюны к востоку от неприятеля; двое уже лежали на земле, двое других еще стреляли вниз. Почти скрытый от взгляда Танкреда ливнями песка, поднятого неприятельскими разрывами, Льето орал, не прекращая стрелять. Людовико, второй солдат, еще остававшийся на ногах, изо всех сил размахнувшись, бросил гранату во врагов, но он выжидал слишком долго, и она взорвалась еще в воздухе, чересчур высоко, чтобы причинить повреждения.

– Маячок сработал! – закричал Энгельберт от подножия дюны.

– Давно пора, – сквозь зубы проворчал Танкред, не отрывая глаз от вершины дюны напротив. – Ну же, покажитесь…

Стрельба из впадины между дюнами внезапно стихла, словно противник заколебался, какую тактику выбрать.

– Оставайтесь в укрытии! – в микрофон приказал Танкред Льето и Людовико. – Дайте им показаться с нашей стороны!

В то самое мгновение, когда он произносил эти слова, человек тридцать в полном беспорядке выскочили на вершину своей дюны и, оказавшись как раз на линии огня, бросились вниз по другому склону. Там они незамедлительно заняли позицию, чтобы встретить лицом к лицу атаку воображаемых преследователей.

– Есть, они клюнули!

Танкред во весь рост выпрямился на песчаном хребте и прокричал:

– Огонь на поражение!

Шестнадцать оставшихся от отделения человек принялись разряжать оружие в сгрудившихся внизу солдат. Пока те осознали свою ошибку, половина их уже была уничтожена, сметенная потоком энергетических разрядов, взметавшим песчаные вихри. В панике они устремились на другую сторону дюны, где Льето и Людовико, встретив их стрельбой из винтовок Т-фарад, уложили еще пятерых.

Охваченный неудержимым боевым порывом, Льето бросился вперед, паля в неприятеля из оружия, вместо того чтобы оставаться в укрытии, как это сделал Людовико. Внезапно его прямо в грудь поразил разряд энергии, оторвав от земли и с силой отбросив назад. Танкред увидел, как он, словно снаряд, пролетел над гребнем дюны от края до края и исчез по другую сторону.

Несколько врагов, еще сохранивших боеспособность, отступили на другой склон и продолжали периодически отстреливаться. Торопясь покончить с ними и разъяренный потерей Льето, Танкред дал очередь и выкрикнул: «В АТАКУ! В АТАКУ!»

Подхлестнутые командиром, его люди ринулись на приступ вражеского гребня, и сражение стало яростным. Но на этот раз численный перевес был на их стороне, и противника быстро смяли. Последние перестрелки шли уже практически в упор, разряды Т-фарадов валили еще

держащихся на ногах врагов на расстоянии буквально нескольких метров. Никто не бросил оружия, чтобы сдаться. Никто не выжил.

Ярость боя сменилась тишиной. Измотанные солдаты первого отделения 78-го подразделения попадали на землю, пытаясь продышаться, несмотря на саднящее горло. Танкред быстро подвел итог своих потерь и насчитал восемь покойников в своих рядах. А потом вскарабкался на дюну – туда, где в последний раз видел Льето.

По другую сторону он обнаружил Людовико, сраженного в последние секунды боя, тела Рено и Олинда, а в самом низу – неподвижного Льето. Он обернулся и увидел Энгельберта, который вопросительно смотрел на него с вершины другой дюны. Он подключился к его каналу.

– Энгельберт, думаю, у меня плохая новость… – начал он. Но не успел закончить фразу.

С неба спустился и завис рядом с ним на парящей в воздухе металлической платформе какой-то человек. На нем была офицерская форма с капитанскими погонами. Из круглой решетки, прикрепленной к основанию платформы, струились потоки прохладного воздуха, не давая ему страдать от жары.

– Лейтенант Танкред! Мои поздравления с вашим обходным маневром. Ловко сработано.

– Спасибо, мой капитан, – склонив голову, ответил Танкред. – Однако я потерял сорок процентов моих людей.

– Да, но те потеряли все сто, – заметил офицер, с удовлетворением кивая на тела противников. – Только это и в зачет.

Он нажал кнопку на своем пульте, и низкий, мощный, как гром, звук рога разнесся в вышине. Затем механический голос объявил: *Конец учений*.

В тот же миг все мертвые пробудились.

Те, кто был смертельно ранен во время сражения, потирали ноющие члены, как если бы очнулись от тяжелого сна. Некоторые бойцы из 78-го протянули им руки, помогая подняться. Капитан переместил свою маленькую платформу, приблизившись к ним, и загромыхал, уставив на них обвиняющий перст:

– Что до вас, покойнички, вы хоть понимаете, с какой легкостью вас уделали? Можно подумать, что всякие технологические прибамбасы окончательно лишили вас представления о тактике! Но когда очутитесь там, сразу поймете разницу между реальностью и симулякром-тренажером!

Все солдаты подразделения противника опустили голову или смотрели в сторону, чтобы не видеть разъяренного лица офицера-инструктора, что добавляло к стыду от поражения еще и унижение от публичного выговора. А победители украдкой ухмылялись, глядя на их расстроенные физиономии, смакуя удовольствие оттого, что обличительная речь на этот раз к ним не относится.

Тем временем Танкред спустился по другому склону дюны и помог Льето подняться на ноги. Фламандцу еще трудно было сохранять равновесие.

– О господи, как же я ненавижу сим-смерть! От этих отключек у меня всегда жуткие мигрени. Уверен, что настоящая смерть не так омерзительна!

– Не спеши сравнивать, а то допросишься! – со смехом бросил Танкред.

Но у молодого человека всегда резко портилось настроение, когда его убивали.

– Ладно тебе, хорош ворчать. Решил поиграть в грозного вояку, теперь плати по счетам.

– Да знаю я, знаю, – проворчал Льето и, поморщившись, потер затылок. – Ну не устоял.

– Вечно с тобой так. Девять десятых задания ты держишь себя в руках, а под конец как с цепи срываешься. Или ты думаешь, что твой статус класса Три делает тебя неуязвимым для зарядов и помешает прикончить?

– Ладно, ладно. Кончай свою проповедь, а то мне кажется, что я братца слушаю.

Они поднялись на дюну. Внезапно небо исчезло, а солнце погасло, уступив место гигантскому металлическому своду, исчерченному сотнями параллельных балок со множеством развешенных голографических проекторов. Дюны и некоторые отдельно стоящие скалы по-прежнему оставались на месте, создавая картину круглой искусственной пустыни более пятисот метров в диаметре. Под полом скрывалась гигантскаямашинерия, позволяющая изменить топографию купола менее чем за ночь и теоретически обеспечивающая воссоздание бесконечных вариаций видов местности. У каждого из тренировочных куполов «Святого Михаила» была своя специализация; конкретно этот предназначался для песчаных пустынь.

Люди с облегчением окунались в вернувшуюся прохладу и выходили через высоченные ворота в северной части купола. Пять подвешенных к своду огромных цилиндров метеоимитации развернулись на 180 градусов и медленно поднялись, возвращаясь в свои гнезда, где техники могли приступить к их обслуживанию. Весь купол наверху окаймляли застекленные проемы, через которые возможные зрители могли бы следить за ходом учений. Это зрелище высоко оценил экипаж «Святого Михаила», полюбивший наслаждаться им в свободные часы. Однако сегодня круговая галерея была почти пуста.

Семьдесят восьмое подразделение П/К вернулось в раздевалку, люди переодевались, принимали душ или чистили обмундирование. На такого рода учения они надевали только легкую броню, чтобы не привыкать к комфорту боевого экзоскелета, особенно в том, что касается удобства движений и климатического контроля. Им потребуется несколько часов, чтобы полностью освободить оружие и пластины углеродно-семтаковой брони от песка, забившегося в мельчайшие щели.

Разговоры крутились вокруг финальной атаки, каждый рассказывал о своих более-менее славных подвигах или же старался объяснить, благодаря какой «чистой непрухе» он попал под разряд и был убит. Члены «вражеского» подразделения приняли участие в обсуждении и пытались защитить свою стратегию, несмотря на ее провал, когда их лейтенант, некий Мийо, вылез из душа с полотенцем на бедрах. Он подошел к Танкреду:

– Браво, Тарент, классная работа! Ты обставил нас, как желторотых новобранцев.

– Нет-нет, вы хорошо справлялись. Просто сегодня повезло нам.

– Ну да… Очень любезно с твоей стороны так говорить, но мы-то знаем, что дело не в этом.

Несколько человек вокруг них яростно закивали.

– Ты со своим отделением с самого начала полета бьешь на учениях всех. Значит, везение здесь ни при чем. Если бы присваивали места по количеству побед, вы были бы далеко впереди.

– Ладно тебе, не напрягайся, – небрежно отмахнулся Танкред. – Нам предстоят еще долгие месяцы тренировок. Думаю, что к концу вы раскусите мои приемы и мы все окажемся на одном уровне.

– Надеюсь, потому что я уже по горло сыт выволочками.

– А все же, парни, – влез Льето, – мы вас сделали!

– На твоем месте, – не сдавался Мийо, – я бы особо не хорохорился. Должен напомнить, что один из наших скосил тебя с дюны, каким бы классом Три ты там ни был!

– Напоминаю, вообще-то, это называется «супервоин»! «Класс Три» звучит слишком официально. Может, вы и заставили меня наглотаться песка, но прежде я успел уложить семерых или восьмерых из ваших!

– Нет, вы только поглядите на этого хвастуна-фламандца! Да мы все слышали, как ты сопел как бык, когда ползком обходил нас с севера. Незаметный, как танк «Зубр М4», когда он рвет с места!

Солдаты обоих подразделений расхохотались – включая самого Льето, – хотя все знали, что это вранье и маневр они распознали только задним числом. К тому же всем было известно,

как ловок Льето в бою: молодой человек, вроде не прилагая особых усилий, понемногу приобретал солидную репутацию на борту.

– Говори по правде, когда получишь класс Мета, а? – иронично бросил кто-то из солдат.

– А на хрена мне морочиться с Испытанием Мета, когда мне приходится сражаться с клоунами вроде вас?

– Может, тогда ты научишься не переть в одиночку на тридцать вооруженных до зубов парней! – подмигнув приятелю, не удержался, чтобы не подколоть его, Танкред.

Со всех сторон послышались смешки, но молодой фламандец обидчивостью не отличался и с дорогой душой принимал шутки. Его ценили не только за военные подвиги, но и за чисто человеческие качества.

Закончив собирать свои вещи, Танкред направился к выходу. На пороге он обернулся и бросил своим людям: «*Milites Christi*, поздравляю с хорошим боем. Никому из тех, кто сегодня пал, не за что краснеть, потому что все отлично сражались».

Он всегда старался похвалить своих людей за удачно проведенные маневры, даже если речь шла всего лишь об учениях. Невелик труд, но это поднимало боевой дух.

– Сегодня вечером все свободны.

Это объявление вызвало одобрительный свист и аплодисменты, затем Танкред вышел, а следом за ним братья Турнэ.

У входа в купол их ждала Вивиана. Она поспешила им навстречу с присущей ей теплой улыбкой и бросилась на шею Льето. Тот чуть спружинил колени, удерживаясь на ногах при столкновении, и запротестовал было, но она заткнула ему рот властным поцелуем. Он осторожно поставил ее на землю, и она радостно поприветствовала остальных.

– Ну как, хорошо прошла тренировка?

– Мы их прикончили, – лаконично ответил Льето.

– Как всегда! – со смехом заметила она. – Я уж даже не знаю, зачем задаю этот вопрос.

– Да, наше подразделение хорошо работает, – согласился Танкред. – Высокий боевой дух, да и люди все лучше узнают друг друга.

– Вот только Льето опять труп, – усмехнулся Энгельберт.

– Опять-таки как всегда, – шаловливо бросила Вивиана.

– Ну хоть ты-то не начинай! – проворчал Льето, уперев руки в бока.

Она слегка отпрыгнула в сторону и сделала вид, что приняла боевую стойку, подняв кулаки:

– Поосторожней, господин Турнэ, вы разговариваете со своей будущей женой!

– Что? – воскликнул Танкред. – Будущей женой?

– Льето не поделился с тобой великой новостью?

– Я собирался сделать это чуть позже, – пробубнил тот, немного разочарованный тем, что она испортила ему весь сюрприз.

– Какой великой новостью? – спросил Танкред, хотя уже догадался.

– Вивиана и я… – начал Льето.

– …мы решили пожениться, – закончила молодая женщина, воздевая руки к небу, словно в знак победы.

– Это потрясающе! – сказал Танкред, искренне радуясь за друзей. – Будете праздновать на борту?

– Да, мы еще вчера решили, – пояснил гигант-фламандец. – И то сказать, мы не сможем продолжать вот так месяцами встречаться, если не оформим все официально…

– С такой кучей ханжей-ультра, которыми кишит «Святой Михаил», – прервала его Вивиана, – нам непременно рано или поздно придется предстать перед кюре.

Энгельберт бросил на нее мрачный взгляд, который она благополучно проигнорировала. Вивиана научилась не обращать внимания на его благочинные реакции, которые он неизменно выказывал, стоило ей дать волю своей несдержанной натуре.

– Какая замечательная новость, друзья! – повторил Танкред. – Рад за вас.

Но хотя он улыбался, сердце у него защемило. Всякий раз, когда ему сообщали нечто подобное, он с грустью вспоминал о сестре, которой никак не удавалось найти себе пару. Эта мысль потянула за собой другую: прежде чем идти в столовую, он собирался записать послание семье.

– Я должен вас оставить. Схожу в сады Армиды, расслаблюсь немного.

– Давай, – ответил Льето. – Встретимся за ужином?

– Как обычно…

На борту «Святого Михаила» постепенно сгущались искусственные сумерки. Сад располагался совсем недалеко, и Танкред решил отправиться туда пешком.

По своему обыкновению, он хотел набросать что-то вроде внутреннего отчета, чтобы вынести уроки из сегодняшнего сражения. Однако сегодня что-то мешало ему сосредоточиться. Прошлой ночью ему приснился странный сон: будто он бродит, изнемогая от солнца, по пустыне во власти невыразимой тоски. Потом некий голос указал ему путь и привел в убежище.

Странные грезы, без начала и конца, посещали Танкреда довольно часто – как, впрочем, и любого другого. Но в отличие от всех прочих этот сон возвращался: с начала путешествия Танкред видел его много раз. Что его смущало и даже всерьез тревожило. Он всегда считал себя рационалистом, абсолютно не склонным ни к каким суевериям, широко распространенным в армии. И все же этот проклятый сон, так похожий на предупреждение, ему совершенно не нравился. Но если предупреждение, что о чем? *Раскаленная пустыня, где я рискую жизнью, в сущности, очень похожа на сегодняшние учения. Но для вещего сна повод слишком пустяковый.*

Дойдя до нужного места, он выбросил эти мысли из головы. Ему хотелось в полной мере насладиться короткой передышкой в той изнурительной жизни, которую он вел на «Святом Михаиле». Прогулка по извилистым аллеям садов Армиды, особенно вечером, когда там почти никого не было, оставалась одной из простых радостей, которые он мог позволить себе на борту. Этот сад был одной из самых обширных зеленых зон на корабле, но не шел ни в какое сравнение с огромным садом Святой Марии, занимавшим всю поверхность двадцать шестого купола.

По образу традиционных парков, которыми славились европейские столицы в девятнадцатом веке, сады Армиды расстилались на многочисленных высоких холмах, покрытых травой и засаженных деревьями различных пород, между которыми змеились посыпанные гравием дорожки. Со всех сторон неслась живая музыка потока, ниспадающего бесчисленными небольшими водопадами; дорожки перепрыгивали через них по мостикам из искусственно состаренного дерева. Воздух был насыщен пыльцой и густо замешенным на запахе земли, мха и коры ароматом леса, которому все-таки не хватало существенного ингредиента: оттенка гнили. Танкред еще при первом посещении сразу же заметил это. Тяжелый запах разложения, царивший в любом подлеске и пропитывающий все, из чего состоял лес, здесь странным образом отсутствовал, напоминая тем самым об искусственной природе этого места, питаемого химическими концентратами и другими непахнущими веществами.

Легкие порывы ветра, исходящего неизвестно откуда, освежали нечастых бегунов, предпочитавших тренироваться здесь, а не на спортивных снарядах в огромных скучных гимнастических залах. За те почти четыре месяца, что прошли с момента старта, бóльшая часть чле-

нов экипажа и солдат обзавелись своими привычками, худо-бедно воспроизводя на «Святом Михаиле» тот образ жизни, который предпочитали на Земле.

После отбытия у Танкреда совершенно не оставалось времени, чтобы хоть как-то наладить свой быт, настолько он был занят организацией и координацией работы своего подразделения.

Поначалу серьезным испытанием для всех стал сам взлет. Исходное ускорение продлилось всего шесть минут, но вызванная небывалым давлением, которое им пришлось выдержать, усталость, пусть даже по большей части смягченная компенсирующими полями, была такова, что практически вырубила людей на двадцать четыре часа. Потом понадобилась еще неделя, чтобы солдаты 78-го научились не блуждать в лабиринте корабельных переходов и начали привыкать к новой жизни.

Шли дни, и в монотонном чередовании военных учений и интенсивных физических тренировок, размеченном посещением столовой, воскресными богослужениями или же свободными вечерами, проведенными в таверне с друзьями, Танкред нашел свои ориентиры.

За недолгое время крепкая дружба связала его с братьями Турнэ, особенно с Льето. Его самого удивило, с какой быстротой их отношения стали почти близкими. Уже давно Танкред не испытывал такого взаимопонимания ни с кем из солдат. Он даже начал подумывать, что ничего подобного уже больше никогда не случится. Однако неожиданно для самого себя поддался обаянию этого безбашенного молодого фламандского барбоса, возможно, потому, что тот оказался одним из редко встречавшихся ему людей, кто не питал задних мыслей по отношению к другим, был простым и искренним, а главное, его не смущала та стена, которой Танкред порой отгораживался от прочих представителей рода человеческого.

В дальнейшем тренировки стали более техничными и сложными, они постоянно требовали полной личной включенности, особенно начиная с этапа, когда инструкторы перешли к сражениям подразделений между собой. Танкред получал массу удовольствия от этих противостояний, где он мог в полной мере проявить свои стратегические и боевые способности, использовать весь свой военный опыт, причем не отнимая человеческие жизни. В последние годы ему становилось все труднее во время сражений превозмогать муки совести, так что он совершенно забыл о чувстве удовлетворения, которое можно испытывать после удачно проведенного боя. С этими тренировками и сим-смертью бойцов он снова открывал для себя удовольствие от сложных маневров, неистовых атак или личных подвигов в самом что ни на есть чистом духе кодекса чести военной аристократии.

К тому же внушительные размеры корабля и количество его пассажиров позволяли раствориться в общей массе даже такому относительно известному человеку, как он, избавив его тем самым от гнета светских условностей. Только нечастые собрания ордена Храма регулярно вновь погружали его в так сильно претившую ему атмосферу борьбы за власть и влияние. Однако случались они достаточно редко, поэтому в остальное время ему удавалось о них забыть. Как ни странно, похоже, после стычки, произошедшей между ними в первый день, Гийом де Северак не испытывал к нему неприязни. А ведь Танкред опасался, что тот воспользуется своим свежеприобретенным превосходством в Совете (после того, как Арман де Бюр перед самым отлетом покинул корабль), чтобы предпринять против него какие-нибудь мелочные мстительные шаги. Может, он неверно судил об этом человеке?

Приняв участие в этой кампании, он, не особенно решаясь признаться даже самому себе, в глубине души полагал, что это последний шанс. Последний шанс, который он дает армии, чтобы вернуть себе вкус к военной жизни и к сражениям, чтобы помочь побороть своих демонов. К великому его удивлению, именно это сейчас и происходило. Беспрерывная череда одержанных его подразделением на тренировках побед наполняла его гордостью, а недавно зародившаяся дружба содействовала восстановлению душевного равновесия.

Единственным обстоятельством, которое до сих пор никак не поддавалось его контролю, были отношения с противоположным полом. За четыре месяца в смешанной армии уже образовалось немало пар, нередко завершавшихся затем законным браком. Однако Танкред так и не сумел пробудить в себе интерес к женщинам. Или же, скорее, не сумел найти женщину, которая бы его заинтересовала.

Всю свою жизнь он привычно рассматривал этот вопрос как второстепенный, ответ на который найдется сам собой, если только хватит времени. Но теперь, когда ему уже стукнуло тридцать четыре и он по-прежнему оставался холостяком, он не мог больше отворачиваться от истинного положения вещей. Хотя мимолетных романов в его жизни случалось немало, с течением лет они теряли свою привлекательность, принося ему лишь убогие ощущения. Он прекрасно сознавал, что со временем эта проблема только обострится. В таком темпе у него есть все шансы превратиться под конец жизни в старого одинокого вояку, удалившегося под сень своего сырого и промозглого замка, без любимой и любящей жены. А главное, без потомства.

Дойдя до берега текущей по саду реки, он тряхнул головой, пытаясь отогнать гнетущие мысли, и взобрался на травянистый склон, откуда свешивала свои ветви до самой воды плакучая ива почтенного возраста. Это была *его* ива. Место, куда он привык приходить, чтобы побыть в одиночестве, когда хотел расслабиться. С тропинки впадина, образованная склоном у подножия дерева, была не видна; усевшись среди похожих на щупальца замершего спрута толстых корней, Танкред наконец-то обрел некое спокойствие духа. Сколько раз с наступлением темноты, среди обволакивающих запахов травы и влажного дерева, ему удавалось совершенно забыться и предаться иллюзии, что он на часок-другой вернулся в лес своего детства, в Кодильи.

Но сегодня его привела сюда задача, которую в последние дни он слишком часто откладывал: записать еженедельное послание семье. Каждый солдат имел право на одно послание в неделю продолжительностью не более пяти минут и на одно свидание той же продолжительности в реальном времени раз в месяц. Хотя передачи по тахионной связи действительно позволяли связываться с Землей в реальном времени, они сжирали такое количество энергии, что экипаж был вынужден придерживаться строгих ограничений. А сами послания накапливались, потом сжимались в плотные пакеты и отправлялись каждые двадцать четыре часа.

Сомкнув веки, глубоко дыша и наслаждаясь свежестью летнего вечера, Танкред на мгновение расслабился. На «Святом Михаиле» подходил к концу август; жаркое время года, пусть и имитированное, не преминуло воспользоваться своими правами, послав несколько дней настоящего зноя.

Почувствовав, что готов, он, постаравшись, чтобы на его лицо падали последние лучи света, поднес к нему свой мессенджер марки «Плеяды-3», немного старомодный по сравнению с оснащенными кучей новых функций последними поколениями. Из-за скверного качества изображения в сжатых посланиях отправителя зачастую можно было узнать с большим трудом. Танкред старался говорить как можно отчетливее: звук в тахион-связи тоже оставлял желать лучшего.

– Дорогая матушка, дорогой отец, дорогая сестра. Знаю, что запоздал на несколько дней с этим посланием, и, поверьте, искренне сожалею. Жизнь на борту оставляет мне мало передышек. Здесь все в порядке. Тренировки напряженные, но я привычный, а люди у меня крепкие и преданные. Так что не волнуйтесь за меня. Эта кампания, как и другие, пройдет успешно до самого конца. Сегодня Льето объявил мне о своем намерении жениться на Вивиане. Я очень рад за него, он прямой, искренний парень и заслуживает счастья. Я до сих пор не понимаю, как он умудрился найти себе жену в экипаже «Святого Михаила»; что же касается меня, то я и представить себе не могу, что сумел бы отыскать родную душу в подобном месте.

Он выдавил смешок.

– Я… я часто думаю о вас… и о нашем родовом имении. Мне не хватает пастбищ и лесов. Я столько лет пренебрегал ими, что порой словно ощущаю пустоту, когда думаю об этом, как будто воспоминания начинают стираться, исчезать…

Заметив, что, говоря о своих истинных чувствах, становится излишне откровенен, Танкред резко распрямился и перешел на более твердый тон:

– Но я отвлекся, да, отвлекся. Не беспокойтесь обо мне, просто я сейчас немного устал. Высплюсь как следует, и все будет в порядке. Отец прошел последнее послеоперационное обследование у госпитальеров в Монтьернёфе? А Ниса все еще встречается со своим милым Антуаном Киргмелем?

Во время последнего сеанса связи в реальном времени сестра сообщила ему, что их отец вроде бы что-то заподозрил касательно ее отношений с возлюбленным, но, вопреки всем опасениям, не стал запрещать им встречаться. Тогда Ниса была вне себя от радости, но теперь боится, как бы он не передумал. Это была хорошая новость, однако Танкред знал, что должен поговорить с отцом, чтобы тот поборол последние колебания.

Это было уже месяц назад по относительному времени, значит три месяца для сестры. За такой срок многое могло случиться; возможно, она призналась молодому человеку в своей неполноценности, и, может, он стал первым претендентом, кого это не остановило?

Танкред продолжал:

– Что нового про нашу распрю с Робертом де Монтгомери? Удалось ли вам наконец-то доказать нашу правоту? Представьте, за все четыре месяца, что я здесь, мы ни разу с ним не столкнулись.

На самом деле тренировки занимали столько времени, а корабль был таким просторным, что он практически никогда не встречал никого из знакомых, кроме собственных солдат и офицеров. Даже его сподвижники-тамплиеры, казалось, отсутствовали на борту – кроме как на ежемесячных собраниях.

Что же до Монтгомери, то это даже хорошо, что они пока еще ни разу не столкнулись на «Святом Михаиле». В последний раз, когда такая встреча произошла – шесть лет назад, при дворе Филиппа IX, – Танкред публично отказался ответить на приветствие герцога. Инцидент наделал много шума, и Танкреду пришлось срочно покинуть королевский двор. Но по крайней мере, он получил удовлетворение, унизив врага своей семьи.

Их вражда началась более пятнадцати лет назад. Во время одной из своих бандитских вылазок герцог Нормандский захватил территории Льёвена, составлявшие основную часть владений отца Танкреда, графа Лизьё. Этому и противозаконному, и противоречащему запрету ведения военных действий, изложенному в эдикте Урбана IX, захвату сопутствовали кровопролитные битвы, в которых нашли смерть многие сторонники Тарентов.

Однако семья Танкреда была недостаточно могущественна, чтобы противостоять собственному герцогу, а тем более такому влиятельному сеньору, как Роберт де Монтгомери. Их поместье даже до насильственного захвата недотягивало и до трети владений герцога Нормандского, а их воинским контингентом можно было и вовсе пренебречь. Самое большее – они располагали полицейским корпусом.

Вот потому-то Роберт не колебался, решив силой завладеть практически беззащитными территориями, дабы расширить таким образом свои владения и обеспечить себе свободный выход к Сене, главному речному пути для торгового флота и великому источнику всякого рода налогов и пошлин. Отец Танкреда перепробовал все возможные законные способы, взывая и к королевскому правосудию, и даже к папскому, но судебные дела тянулись вот уже несколько лет, не продвинувшись ни на йоту. Бездействие властей казалось прямо пропорциональным могуществу Роберта де Монтгомери, герцога Нормандского и графа Руанского.

Со временем Танкред перестал изводить себя из-за этой несправедливости. Однако, пусть и скрытые где-то глубоко в душе, угли злопамятства продолжали тлеть и ждали только

дуновения, чтобы вспыхнуть. Втайне он надеялся, что однажды ему удастся собрать армию, достаточную для того, чтобы пройтись огнем и мечом уже по владениям Роберта, вернув таким образом Льёвен в лоно семейного достояния. А пока, чтобы не будить болезненных воспоминаний, лучше не касаться этой темы.

– Через четыре дня начнется фаза холодного сна. Тогда, как вы знаете, я не смогу отправлять вам послания на протяжении десяти месяцев Относительного Времени. Я знаю, что для вас это будет тяжело, хотя для меня пройдет лишь миг – не дольше, чем просто моргнуть. Но обещаю наверстать все потерянное время, как только закончится эта кампания, и таково мое твердое намерение.

Он искренне надеялся, что *на этот раз* ему удастся сдержать обещание.

– Ну что же, я с вами прощаюсь, мне пора на ужин, после сегодняшней тренировки я сильно проголодался. Моя дорогая семья, все мои мысли с вами.

* * *

– Недоноски никчемные! Вы не выйдете отсюда, пока у меня не будет полного списка корректив двенадцатой палубы! – рявкнул Харберт, старший техник пульта 2CG контроля теплообмена. – Если проголодались, пошевеливайтесь, – может, и не слишком опоздаете на ужин!

– Этому толстобрюхому самому не мешало бы попоститься, – подмигнув, шепнул я Паскалю Жалоньи.

– Вы хотите что-то сказать, Вильжюст?

– Нет, – ответил я. – Просто попросил Паскаля передать мне отчет о термических аномалиях в секторе Н.

– Умничаете, Вильжюст, да? Советую вам не рассусоливать, если не хотите лечь спать с пустым брюхом.

– Да.

Харберт был в ярости, потому что запаздывание на пульте не позволяло и ему пойти на ужин. Однако, в отличие от бесшипников, его-то в столовке в любое время хоть чем-нибудь да покормят. К тому же вся ответственность за это опоздание полностью лежит на нем, потому что это он неправильно оценил объем порученных его команде работ. Теперь он тешит свое самолюбие, сваливая все на нас, но прекрасно понимает, что собственное начальство ему не провести. Потому-то он и бесится.

– Альберик, я послал тебе массив данных по теплообмену в гидросистеме, – прошептал мне Паскаль. – Отчет об аномалиях у тебя уже был.

– Знаю. Спасибо, постараюсь побыстрее его обработать.

Как и остальных, меня не радовала перспектива жевать холодный ужин, но требовалось нечто большее, чтобы испортить мне удовольствие от работы за пультом. Честно говоря, единственными приятными моментами в моей жизни на борту «Святого Михаила» были те, которые я проводил, подключившись к биоСтрукту и манипулируя этой невероятной машиной.

Когда я в первый раз зашел в корабельный зал общего управления, он произвел на меня незабываемое впечатление. Даже будучи специалистом по информатике, оператором, специализирующимся на биоСтруктах, я никогда и не надеялся увидеть нечто подобное.

Зал имел форму двадцатигранника и был вписан в пространство со сторонами в тридцать метров, а на каждой из боковых граней был установлен один из пультов управления. Внутренние перегородки между пультовыми кабинами были стеклянными и выходили в замкнутую центральную зону; потолки кабин первого уровня служили полом для второго, потолки второго – полом для третьего. Создавалось полное впечатление, что находишься внутри гигантского кристалла. Поначалу это могло даже привести к потере ориентации. Официально это место

именовалось «зал общего контроля», но операторы очень быстро нашли ему более лаконичное прозвание: Алмаз.

Я сказал, что был совершенно зачарован, попав сюда впервые четыре месяца назад, но меня поразила не столько удивительная конструкция Алмаза, сколько то, что находилось в ее центре, в замкнутой зоне. За стеклянными перегородками пультовых кабин возвышалась самая сложная искусственная структура, когда-либо созданная человеком: *биоСтрукт Нод-2*.

На самом деле «зачарован» – это еще недостаточно сильно сказано, я был буквально покорен Нод-2. На какое-то мгновение, при мысли, что я мог упустить такой опыт, такую *встречу,* отступила даже вызванная насильственной мобилизацией ярость. У меня мурашки прошли по телу, когда я осознал размеры этого компьютера – возможно, самого большого биокремниевого гибрида, которым мне предстоит управлять в своей жизни, – и вычислительную мощь, которую он в себе несет. В центре Алмаза, за перегородками из двухатомного стекла в восемьдесят сантиметров толщиной, парила гладкая сфера диаметром пять метров с черной матовой, словно эбеновой, поверхностью. Поддерживаемая мощными силовыми полями, она функционировала в полном симбиозе с остальным кораблем, с которым ее соединяли четыре пучка толстых кабелей. Если с географической точки зрения это было сердцем Нод-2, то по сути являлось его мозгом.

Я без всякого труда представлял себе миллиарды выращенных непосредственно в кремниевых схемах, впечатанных в них до последнего атома и постоянно подпитывавшихся искусственной кровяной плазмой клонированных сенсорных нейронов у него внутри. БиоСтрукту были доступны любые, даже мельчайшие операции по внешнему или внутреннему контролю над «Святым Михаилом», и мне они невольно виделись как действия бесчисленных нервных или мускульных окончаний парящего передо мной огромного мозга. Конечно, это была лишь воображаемая картина. *Но какая картина!*

Только в последний момент я узнал, на какой пост меня определят. Я нисколько не сомневался, что меня мобилизовали исключительно из-за моих навыков пультовика 2CG и что мне, вероятно, предстоит работать с Нод-2. Однако спектр задач, связанных с управлением биоСтруктом, был очень широк, а уж установленный на «Святом Михаиле» требовал особенно внушительного количества суперспециалистов.

Разумеется, ни одного класса Ноль не назначили бы на столь ответственную должность, если бы биопрограммисты высокого уровня не были такой редкостью. Позже я узнал, что из ста семидесяти двух работающих с Алмазом техников сто двадцать три были бесшипниками! Очевидно, власти увидели в этом серьезную проблему для себя и, дабы скомпенсировать возникший дисбаланс, установили в пультовых железную дисциплину. Здесь правила поведения были строже и исполнялись неукоснительней, чем в тире, где стреляют боевыми зарядами.

Моя команда состояла из восьми человек, и семь из них были бесшипниками. В наши обязанности входило управление распределением термической энергии на борту. Говоря яснее, отопление и климатическая система. Мы должны были следить за соблюдением температурных норм во всем корпусе с точностью до полуградуса по Цельсию. Но за обманчивой прозаичностью этой задачи скрывалась ее основополагающая важность. Слишком большие локальные перепады температур могли повлечь за собой структурные деформации, которые, распространившись в масштабе такого корабля, как «Святой Михаил», рано или поздно проделали бы многометровые разрывы в корпусе.

Когда я впервые уселся за свой пульт, ладони у меня стали влажными. Сочетание стекла и хромированного металла в рабочих консолях показалось мне излишне строгим, но это было частью обстановки, неизбежно связанной с высокими технологиями. Такой биоСтрукт, как Нод-2, и не может выглядеть расхлябанно, как робот-уборщик.

Поудобнее устроившись за пультом, я вытащил из кармана небольшой черный футляр и осторожно достал оттуда два длинных посеребренных кабеля, с одной стороны заканчиваю-

щихся полым штырьковым разъемом, а с другой – серым матовым каучуковым диском, усеянным концентричными металлическими кружочками. Это были мои *щупы*, основной рабочий инструмент любого оператора биоСтрукта. Два электрода, которые биопрограммисты часто заказывают по своей мерке, чтобы они с максимальной плотностью прилегали к месту электроэнцефалограммы. Хотя реальная польза от щупов по мерке всегда казалась мне сомнительной, я по глупости пошел на поводу у коллег и тоже, в ущерб семейному бюджету, заказал себе такие в специализированной мастерской.

Затем из специальной коробочки, расположенной рядом с пультом, я вынул два маленьких пластыря и наклеил по одному на каждый электрод. После чего закрепил щупы у себя на висках и воткнул штекеры в центр пульта. Я выполнил все действия как некий незначительный, множество раз повторяемый ритуал, который предшествует самому главному моменту в жизни любого оператора пульта: подсоединению к биоСтрукту.

Едва контактные разъемы вошли в пульт, я ослеп. Нод-2 проложил себе путь к моим зрительным нервам, взяв на себя визуальное восприятие. Какое-то время в черноте завивались вокруг собственной оси длинные горизонтальные ленты, затем все поле зрения поглотила глубокая тьма, более непроницаемая, чем любой мрак в реальности. Потом на периферии появились радужные разводы, как капельки масла в луже, отражающей свет солнца, и мало-помалу превратились в незабываемое зрелище. Лес гигантских деревьев тянул свои ветви вверх, к постоянно меняющему свой цвет своду, и каждая ветвь оканчивалась белыми шарами разных размеров, символизирующими все уровни, все панели управления Нод-2. Длинные световые нити связывали сферы между собой, а корни деревьев, по сравнению с которыми операторы казались жалкими муравьями, погружались в туманные глубины, где находились в постоянном движении пятнышки света. Сейчас я находился в своей рабочей области. В *Инфокосме* Нод-2.

Тогда я обеими руками взялся за две черные сферы, возвышающиеся в центре пульта – устройства ручного управления. Закрепленные на оконечности манипулятора, эти штуковины размером с апельсин были покрыты кнопками с выгравированными техническими символами. Поскольку сферы вращались во всех направлениях, операторы могли комбинировать кнопки между собой. Едва рефлексы, позволяющие работать вслепую, приходили в норму, становилось возможным выполнять все текущие задачи во вселенной биоСтруктов.

Чтобы машина признала меня, я на ощупь вложил мессенджер в приемное устройство терминала, после чего сообщил данные о своей персональной рабочей области. Затем, передвигаясь вдоль центрального дерева, чьи циклопические размеры приковывали взгляд, я решил ознакомиться с командными механизмами Нод-2. Я поднялся на один уровень, чтобы осмотреть все в целом, и не смог удержаться, чтобы не присвистнуть от восхищения. Никогда еще я не видел узла управления с таким количеством соединений и разветвлений. Одна только внутренняя древовидность Алмаза представляла собой многие тысячи отростков, которые переплетались и накладывались друг на друга, а между ними перемещались десятки операторов-пультовиков.

Определив расположение нейронного блока, я попытался спуститься по рабочему стволу на два уровня, надеясь увидеть, на что похожа центральная нервная система. Но мир Нод-2 мгновенно помутнел, и ослепительный свет, в который был погружен Алмаз, снова хлынул на мою сетчатку. После чего ко мне вернулось природное зрение, а пульт управления заблокировался и послал сигнал тревоги. Немедленно со мной через наушник связался контролер, чтобы жестко призвать к порядку. Я, обменявшись едва заметной улыбкой с соседом, с невинным видом принес извинения и опять подсоединился. В мозгу снова возник визуальный мир Нод-2, и я заново начал вводить свои персональные данные. Зато я узнал то, что и хотел: мы все находимся под жестким наблюдением.

С течением дней внутренние структуры Нод-2 все же начали проявляться, раскрывая передо мной такие перспективы, о наличии которых в биоинформатике я и не подозревал,

то есть совершенно новые области применения. Должен сказать, что я намного быстрее других освоился со своей рабочей обстановкой, чем не преминул привлечь к себе внимание. За несколько недель я был признан одним из самых эффективных пультовиков.

Когда я погружался в Инфокосм, у меня иногда возникало ощущение, будто я становлюсь кем-то другим и словно бы вибрирую в унисон с этой удивительной машиной. Я сам не очень понимал то мощное чувство, которое испытывал всякий раз, подсоединяясь к биоСтрукту, перемещаясь среди переливающихся графических аналогов бесчисленных источников данных или же несясь по пенистым синим волнам собранной в центральной памяти информации…

– Кончай витать в облаках, Вильжюст!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.